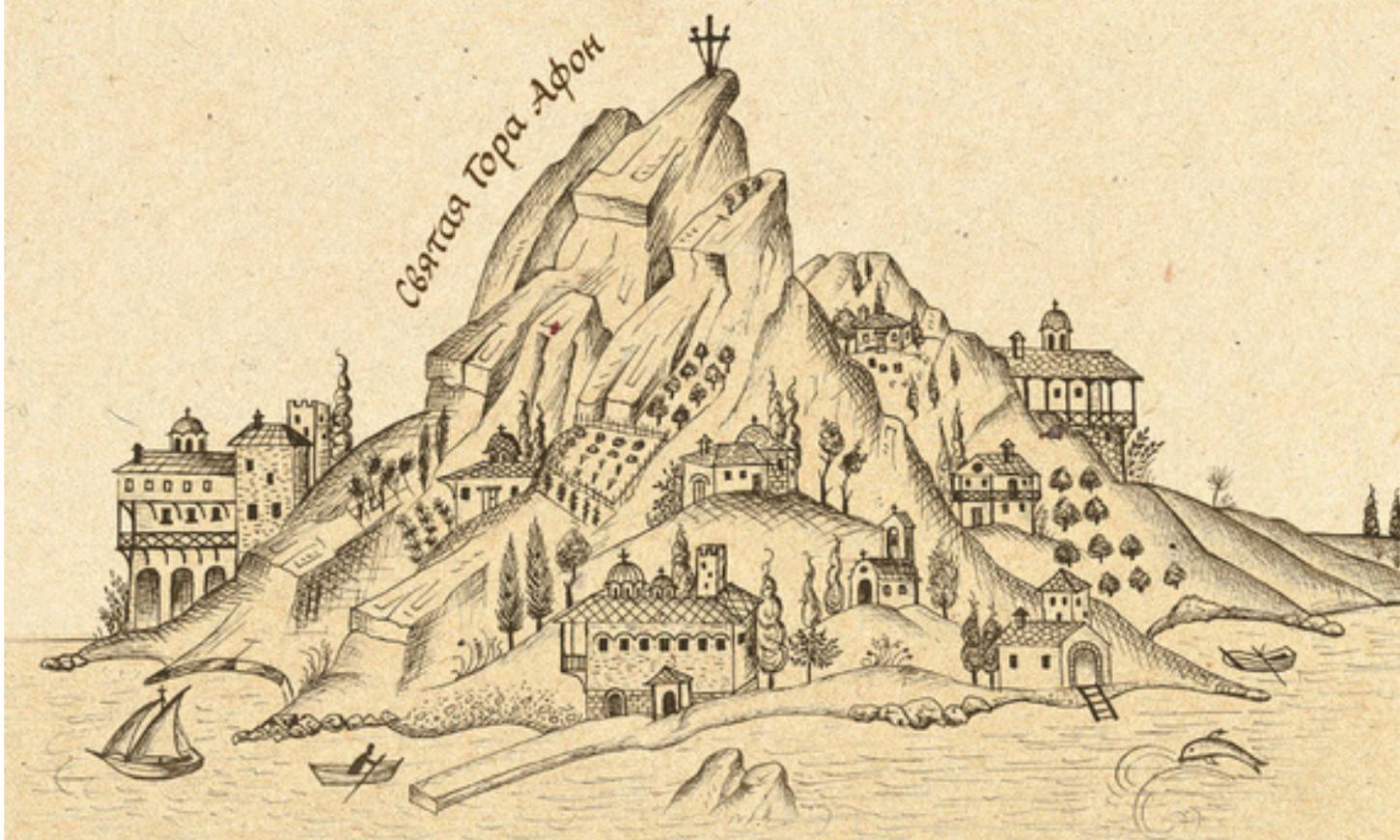

Житие преподобного Паисия Святогорца

МОНАСТЫРЬ СВЯТОГО АПОСТОЛА И ЕВАНГЕЛИСТА
ИОАННА БОГОСЛОВА, СУРОТИ, САЛОНИКИ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ОРФОГРАФ», МОСКВА
2017

Анонимный автор

**Житие преподобного
Паисия Святогорца**

Электронное Издательство "Орфограф"

2015

УДК 281.9
ББК 86.372-574.3

Анонимный автор

Житие преподобного Паисия Святогорца / Анонимный автор — Электронное Издательство "Орфограф", 2015

ISBN 978-5-9907764-9-4

Житие преподобного Паисия Святогорца (1924–1994), афонского монаха, известного всему миру и торжественно причисленного к лику святых в 2015 году, переносит читателя в атмосферу духовного подвига, пламенного устремления к Богу и самоотверженной любви к ближнему, которые были характерны для святого Паисия с раннего детства и до самой его преподобнической кончины. Немало встречается на страницах жития сверхъестественных событий и чудес, но основное внимание в книге уделено именно человеческим усилиям старца Паисия: его непоколебимому упованию на Бога и Матерь Божию, его молитвенным трудам, его смиренному служению ближним, его терпению в скорбях и тяжёлых болезнях. С любовью и тщательностью описанные детали жития преподобного делают его близким и родным читателю, вдохновляя разумно подражать подвигам святого. Книга предназначена всем интересующимся Православием и монашеством. 2-е издание.

УДК 281.9
ББК 86.372-574.3

ISBN 978-5-9907764-9-4

© Анонимный автор, 2015
© Электронное Издательство
"Орфограф", 2015

Содержание

Патриаршее и Синодальное решение о причислении к лику святых	11
Пролог	16
Глава I. Из акритских[14] Фарас – в пределы матери-Эллады	21
Наследник крови героев	24
Сорок дней беженства	26
Глава II. Детские и юношеские годы	29
Семейное воспитание	32
Первые аскетические подвиги	35
Обучение благословенному ремеслу. 1937–1940 годы	38
Духовные упражнения	39
«Я – Воскресение и Жизнь»	42
«Я не для мира сего»	43
Крестьянские труды. 1940–1944 годы	44
Духовное делание	46
Радость жертвы	47
Страдания и опасности. 1944–1948 годы	48
Во время Коницкого сражения	51
Глава III. Военная служба	53
В Центре подготовки молодого бойца	56
В Пехотной школе связи	57
«Буйная рота»	59
Рация спасает роту	63
«Пресвятая Матерь Божия, помоги мне стать монахом»	64
«Ты устроишься лучше всех»	66
Операции по «зачистке»	68
В Окружном военном управлении	70
Болезнь. Коница	72
Увольнение в запас	74
Глава IV. Подготовка и искушения	75
Искания на Святой Афонской Горе	78
Утешение от отшельника	79
В скиту святой Анны. Калива Сретения Господня	80
Коница. Работа плотником. 1950–1953 годы	82
«Не могу дождаться, когда я уйду из мира»	86
В скиту святой Анны и на Кавсокаливии	87
В Новом скиту	89
Глава V. В священной обители Эсфигмен	91
Живой патерик	94
Помощник на послушаниях	97
Духовные подвиги послушника Арсения	100
Рясофорный монах Аверкий	103
Служение с терпением и любовью	105
Послушание до крови	108
Старший в столярной мастерской	110
Подвижнический путь в общежитии	111
Уход из монастыря	113

Глава VI. В священной обители Филофей	115
В идиоритмическом монастыре	118
Болезнь. Коница	120
Мантийный монах Паисий	121
Пост, бдение, молитва	123
Брань искушений	125
Пчела цветника духовного	126
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Житие преподобного Паисия Святогорца

Тропарь преподобному Паисию Святогору

Глас 5. Подобен: Собезначальное Слово:

*Божественныя любве огонь приёмый, / превосходящим подвигом
вдался еси весь Божю, / и утешение многим людем был еси, /
словесы Божественными наказуяй, / молитвами чудотворяй, / Паисие
Богоносе, / и ныне молишия непрестанно // о всем мире, преподобне.*

Кондак

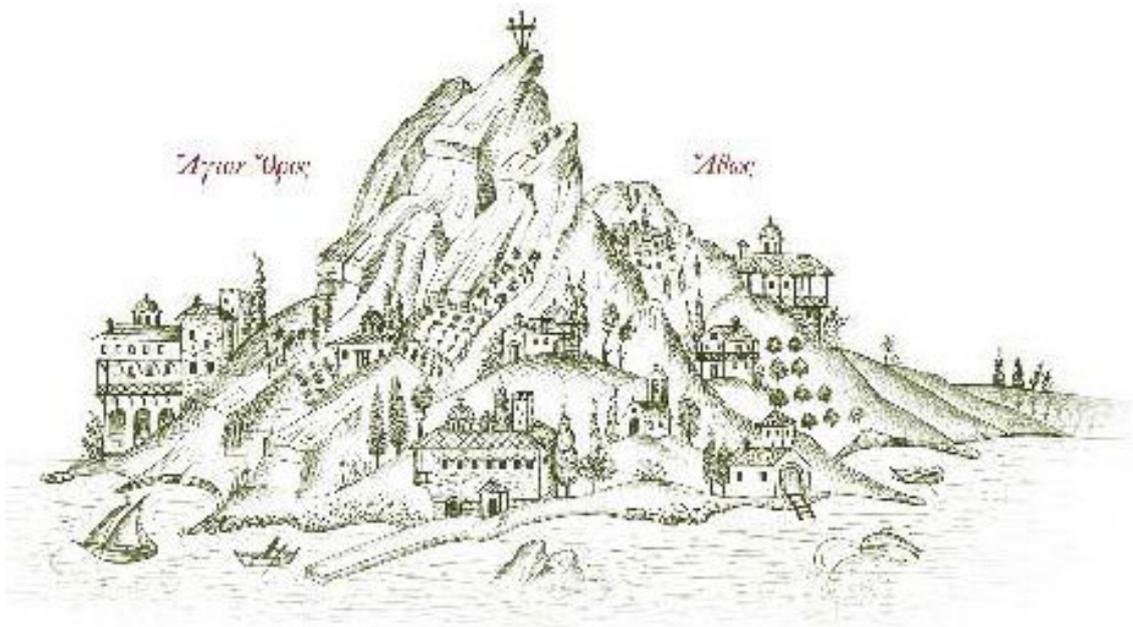
Глас 8. Подобен: Взбранной:

*Ангельски на земли поживый, / любовью просиял еси, преподобне
Паисие, / монахов великое утверждение, / верных к житию святому
вождь, / вселенныя же утешение сладчайшее показался еси, / сего ради
зовем ти: // радуйся, отче всемирный.*

Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви
№ ИС Р16–627–3428

Перевод на русский язык выполнен братией Свято-Преображенского скита Данилова
мужского ставропигиального монастыря г. Москвы с издания:

#γιος Πα#σιος # #γιουρείτης. #ερ#ν #συχαστήριον Μοναζουσ#ν ЭЕ#αγγελιστ#ς #ωάννης
Θεολόγος", Σουρωτή Θεσσαλονίκης, 2015.

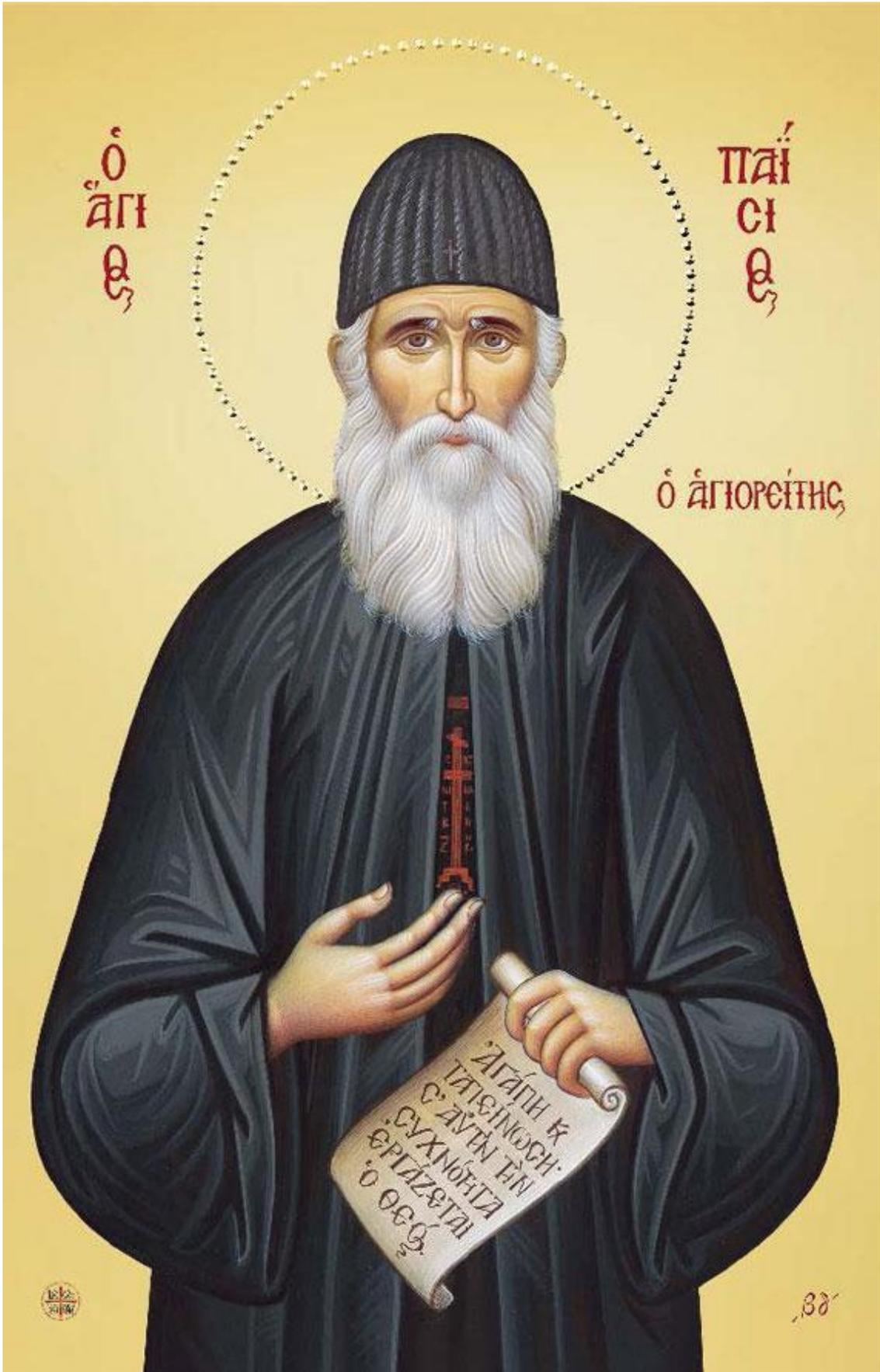
© #ερ#ν #συχαστήριον Μοναζουσ#ν "Ε#αγγελιστ#ς #ωάννης # Θεολόγος", 2015

© Издательство «Орфограф», издание на русском языке, 2017

* * *

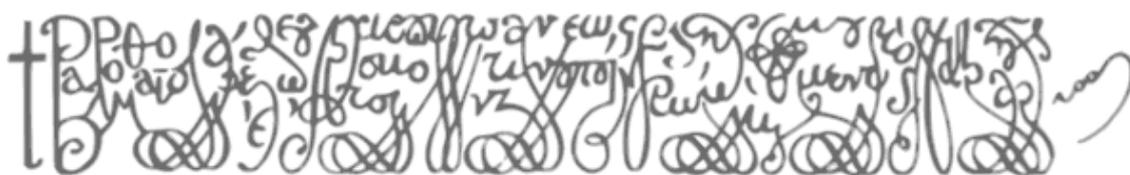
Преподобный Паисий Святогорец (икона, написанная для Свято-Преображенского скита Данилова монастыря)

Преподобный Паисий Святогорец (икона, написанная в исихастерии святого Иоанна Богослова в 2004 году)

Патриаршее и Синодальное решение о причислении к лику святых

И будет муж, его́же а́ще избере́т Госпо́дь, сей свят.
Числ. 16:7

Граничающая с Небом гора Афон есть воистину Гора Божия, Гора Святая и удел Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии. Афон есть поприще духовной борьбы, место подвига, покаяния и молитвы, мастерская святости для подвизавшихся там на протяжении веков бесчисленных подвижников, жителей пустынных келий и монастырей, монахов от всякого племени и народа, как известных по имени, так и оставшихся неизвестными. Святая Афонская Гора, находясь под канонической и духовной юрисдикцией, а также под постоянной церковной заботой и попечением Святой Христовой Великой Константинопольской Матери-Церкви, есть её похвала и венец. Афон – это неистошимый источник молений о вселенной, таинственно проистекающий из непрерывных, дневных и ночных молитв и молений святогорских монахов, которые молятся «о свѣшнем мѣре и о спасѣнии душ» находящихся в разных концах земли православных христиан, а также «о мѣре всего́ мѣра и о благостоянии святыхъ Божіихъ Церквей». Огромное множество боголюбиво подвизавшихся и скончавшихся на Афоне аскетов, начиная с первого известного среди них, преподобного Петра Афонского, своим подвижническим потом и боголюбивыми трудами стали избранными сосудами Святаго Духа, были украшены многообразными и чудесными Божественными дарованиями, такими как дар прозорливости, дар чудотворения, дар различения духов, дар непрелыщеннаго духовнаго руководства, дар утешения словом, а также многими другими. Сии духовно украшенные мужи и сами украшают ныне многозвѣздное небо нашего православнаго календаря, непрерывно указывая нам путь в Царство Небесное.

В согласии со словами Самого Бога, Который устами Своего человека дал первосвященнику Илию и одновременно всем верующим в Божий закон следующее обетование: *Прославляющий Мя просла́влю,*¹ наша Матерь Святая Христова Великая Церковь с самого начала своего спасительного пути в мире не переставала признавать достойными прославления сии божественные и святые сосуды Духа – скорее ангелов, чем людей, – которые подвигами, словами и многочисленными делами прославили Небеснаго Отца. Итак, Церковь прославила их и будет прославлять их до скончания века, как и подобает святым.

Святой апостол Павел в Послании к Римлянам сказал: *Иде́же бо умно́жися грех, преизбы́точествова благода́ть.*² Святая Церковь непрерывно переживает эту реальность, и наше время не является исключением. Церковь Христова постоянно причисляет к лику святых всё новых и новых всемирно известных и малоизвестных преподобных подвижников, взявших на себя крест и последовавших стопам Крестоносца Иисуса Христа, Который Своєю

¹ 1 Цар. 2:30.

² Рим. 5:20.

крестною смертью упразднил *имеющего державу смерти*,³ а Своим славным Воскресением даровал вечную жизнь всякому изволяющему. Воспевая это величайшее Божественное благодеяние Начальника нашей веры, мы в изумлении восклицаем вместе со священными песнопевцами: *Кто Бог велий, яко Бог наш? Ты еси Бог, творяй чудеса*⁴ и: «Велий еси Господи, и чудна дела Твоя и ни единого же слово довольно будет к пению чудес Твоих».⁵

Таковым преславным продолжателем традиции святости и смиренным приношением Святейшей Церкви Константинопольской, её нрава и мудрования, явился в наши последние времена просиявший среди сонма *в горах и в вертепах и в пропастях земных*⁶ подвизавшихся и скончавшихся святогорских аскетов богоносный подвижник и многоблагодатный орган Всесвятой Троицы, проистекающий земным родом своим из матери многих святых – Каппадокии и проведший свою уединённую жизнь во многих подвигах и слёзах, преподобнейший монах Паисий, в миру Арсений Эзнепидис, украшенный от Господа сверхъестественными дарованиями, столп истины, прославивший своим чудесным житием Отца нашего, Иже на Небесех. Сей каппадокийский уроженец, монах Паисий из рода Эзнепидисов, более полувека шедший подвижничеством стезею в нищете и добровольных лишениях, по большей части на Святой Афонской Горе, удостоился, по безошибочному свидетельству совести верующих, евангельского совершенства, сочетания мудрости и добродетелей. Монах Паисий, истощив себя многотрудным служением и трезвенными бдениями в послушании Христовом и в любви к Богу и к ближнему, сохранив непорочную православную веру, засвидетельствовал доброе исповедание, во всём своём житии показал себя чуждым *миродержителю тьмы века сего*,⁷ приложил сияние славе Церкви и подтвердил, что *врата ада не одолеют ей*.⁸ Сей славный Паисий, пожив преподобием и правдою, стал образцом жительства по Христу, соделался живой иконой добродетели и принял на себя ярмо богомудрого наставления и духовного руководства множества православных христиан. Придя в высокую духовную меру, сей муж явился сосудом Духа Всесвятаго и был почтён от Бога дарованием врачевания больных и утешения страждущих.

Ныне же, когда поток благословений, чудес и исцелений, истекающий от могилы сего блаженного подвижника, становится всё больше и больше, преодолевающая вера огромного количества православных христиан побуждает нас, удостоившихся самолично видеть, осязать монаха Паисия и быть связанными с ним духовными узами, собственным свидетельством подтверждая свидетельство полноты церковной совести о святости сего избранника Божия, по положенном исследовании вопроса и соответствующем докладе Синодальной Канонической Комиссии, в присутствии преосвященных митрополитов и других честнейших лиц нашей Церкви, в Духе Святом возлюбленных наших братьев и сослужителей, соборно утвердить и определить и во Святом Духе повелеть, дабы отныне и вовеки на Святоименной Горе проживший своё подвижничество монах Паисий был сопричислен к лику преподобных отцов и святых Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви. Его ежегодную память определяем почитать и воспевать похвальными гимнами 12 июля,⁹ в день, когда он мирно предал свой дух Праведному Судии и Господу Жизни.

В доказательство и подтверждение сего решения составлен наш сей патриарший и синодальный акт, положенный и подписанный в сем священном кодексе нашей Святой вели-

³ Евр. 2:14.

⁴ Пс. 76:14–15.

⁵ См. чин великого освящения воды. – *Здесь и далее, если специально не оговорено, примечания редакции.*

⁶ Евр. 11:38.

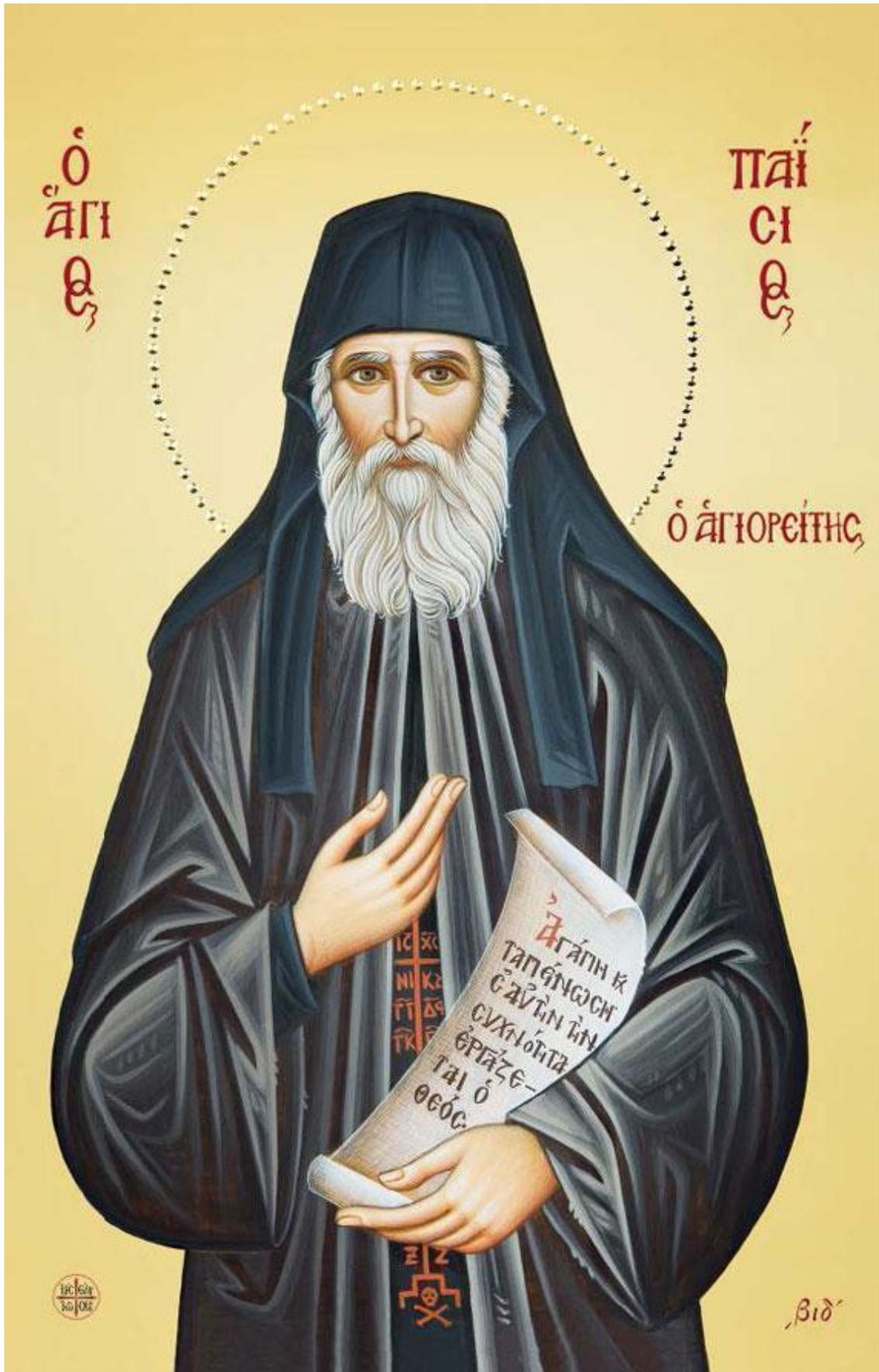
⁷ Еф. 6:12.

⁸ Мф. 16:18.

⁹ 29 июня по старому стилю.

кой Христовой Церкви. Точная же копия сего акта посылается в Священный Кинот Святой Афонской Горы, для прочтения в церквах и хранения в архивах.

*В год спасительный 2015,
месяца января, в день 12, индикта 8.
Константинопольский Патриарх Варфоломей
Преосвященные митрополиты: Чикагский Иаков
Швейцарский Иеремия
Торонтский Сотирий
Критский Иринеи
Симийский Хризостом
Бостонский Мефодий
Мексиканский Афинагор
Гортинский и Аркадийский Макарий
Аркалохорский Андрей
Бельгийский Афинагор
Леросский, Калимносский и Астипалейский Паисий
Кидонийский Афинагор*

Преподобный Паисий Святогорец (икона, написанная в исихастрии святого Иоанна Богослова в 2014 году)

Пролог

С помощью Божией и после многолетних трудов наше сестричество приступает к изданию жития святого Паисия Святогорца. Нас побуждает к этому священный долг перед преподобным отцом, который целых двадцать восемь лет духовно руководил нами и многообразно нас благодетельствовал.

Подобно другим духовным счастливым, мы имели великое благословение «в некую меру» познать безмерную любовь преподобного к Богу, его монашескую бескомпромиссность, совершенное самоотречение, силу его огненной молитвы. Мы вблизи и на опыте пережили его святую простоту и глубокое смирение, его богопросвещённое рассуждение, благородную любовь ко всякому человеку, а также старание всячески скрыть свою добродетель от других.

Поэтому мы подумали, что держать под спудом имеющееся у нас богатство сведений о преподобном старце было бы неправильно, и тогда решили: по силам попытаться изложить эти сведения в стройном порядке и составить житие преподобного старца.

Сведения, которые содержатся в этой книге, главным образом получены во время нашего общения с преподобным. Мы записывали его беседы со всем сестричеством и с каждой из нас отдельно. Кроме того, мы бережно храним его письма ко всему сестричеству и к отдельным сёстрам. Много лет мы собирали многочисленные письменные и устные свидетельства, доверенные нам знавшими святого старца священнослужителями, монахами и мирянами, по крупицам собирали сведения в тех местах, где он жил и подвизался. Объём собранного материала исчислялся тысячами страниц, и поместить его в биографию святого полностью не представлялось возможным. К тому же мы не хотели, чтобы книга получилась слишком толстой. Поэтому пришлось строго и тщательно просеивать, перебирать собранную информацию и распределять её по временным периодам жизни преподобного Паисия, связывая с тем или иным географическим местом, куда Бог приводил его стопы. Всё это в конечном итоге привело к тому, что подавляющее большинство свидетельств людей, знавших старца и получивших от него благодеяния, в книгу не вошло. Упаси Боже и подумать, что мы сделали это потому, что посчитали эти свидетельства малозначимыми. Конечно, любой опыт общения со святым имеет огромное, неоценимое значение, но если бы все эти свидетельства вошли в житие, книга оказалась бы полна повторов и рассказов об одних и тех же событиях.

Безусловно, несмотря на кажущийся большой объём, сведений о святом Паисии в действительности очень мало, потому что он хранил своё духовное богатство под надёжной

охраной, вдали от посторонних глаз, в сокровищнице Божией. Ведь жизнь святых *сокрыта со Христом в Боге*.¹⁰ Потому и внутреннее духовное делание истинного христоносца – преподобного отца нашего Паисия – осталось неведомым людям и известным одному лишь Богу. И коль уж мы не ведаем о том, каким именно было это тонкое и глубокое внутреннее духовное делание, будем особо внимательны, пытаясь извлечь выводы из того или иного действия старца. А особенно внимательными надо быть в стремлении слепо, без рассуждения подражать преподобному Паисию, чтобы нам, не дай Бог, не опечалить его, а наипаче – не навредить себе.

Святой Паисий с самого детства имел перед собой одну-единственную цель – Небо. К этой цели он с необыкновенной бескомпромиссностью стремился всю свою жизнь. Заботясь только о том, чтобы оказывать послушание заповедям Бога и Его святой воле, он стал «органом Божественным, органом разумным, органом словесным, который настроил и в который ударяет искусный Художник – Дух».¹¹ Преподобный подъял подвиги, превосходящие человеческую меру, он проливал пот и слёзы, проводил над собой «духовные эксперименты» как «искусный знаток лекарственных трав». «Вкусив горечь» этих духовных опытов, он оставил нам свои «духовные рецепты», следование которым приводит к духовному здравью. Его духовные заветы, оставленные нам, таковы: покаяние и исповедь, любовь и смирение, молитва и терпение, добрые помыслы и дух жертвенности.

В житие не вошли чудеса, которые во множестве он продолжает творить после своей кончины. Мы не включили их в книгу сознательно, помня слова, которые сам преподобный Паисий написал в житии святого Арсения: «Благодать Божия – это не ёмкость, в которой заканчивается вода и она пересыхает. Благодать – это неистощимый источник. Естественно, что святой сейчас, после кончины, помогает людям сильнее, чем он помогал, живя на земле, потому что сейчас он находится близ Небесного Отца. Как Его дитя, с дерзновением, приобретённым ранее, он может получать неограниченную благодать и без препятствий тут же переносить её страдающим людям, помогая им и давая каждому из них подходящее лекарство».¹² А кроме этого, мы помним, что когда при жизни святого старца нам время от времени предлагали издать книгу с описанием его чудес, он отвечал, что лучше будет, если об этих чудесах будем рассказывать не мы, а сами люди, получившие чудесную помощь, делая это ради славы Божией.

Преподобный отец наш Паисий, на земле Святогорец, а ныне согражданин ангелов, – общий благодетель всех людей. И Великая Христова Церковь Константинопольская, побуждаемая главным образом «общим церковным признанием святости сего избранного человека Божия», 13 января 2015 года, через двадцать лет после его блаженной кончины, причла его к лику почитаемых святых Православной Церкви.

Да подаст святой Паисий своё щедрое благословение и всем тем, кто самыми различными способами помогал нам в непростом деле составления жития. Всех этих людей мы сердечно благодарим. Особенно благодарим тех, кто помогал нам в сборе и проверке биографических сведений, терпя при этом нашу вьедливость и скрупулёзность, зачастую чрезмерную. Также мы весьма благодарны тем, кто трудился с нами в тех или иных местах, связанных с жизнью старца. Спасибо и всем, кто читал рукопись перед её изданием и своими ценными замечаниями помог ей стать лучше. Вклад всех этих людей в составление книги сложно переоценить.

Молитвенно желаем, чтобы чтение жития преподобного и богоносного отца нашего Паисия Святогорца возжгло в каждом из нас ревность к любочестным духовным подвигам,

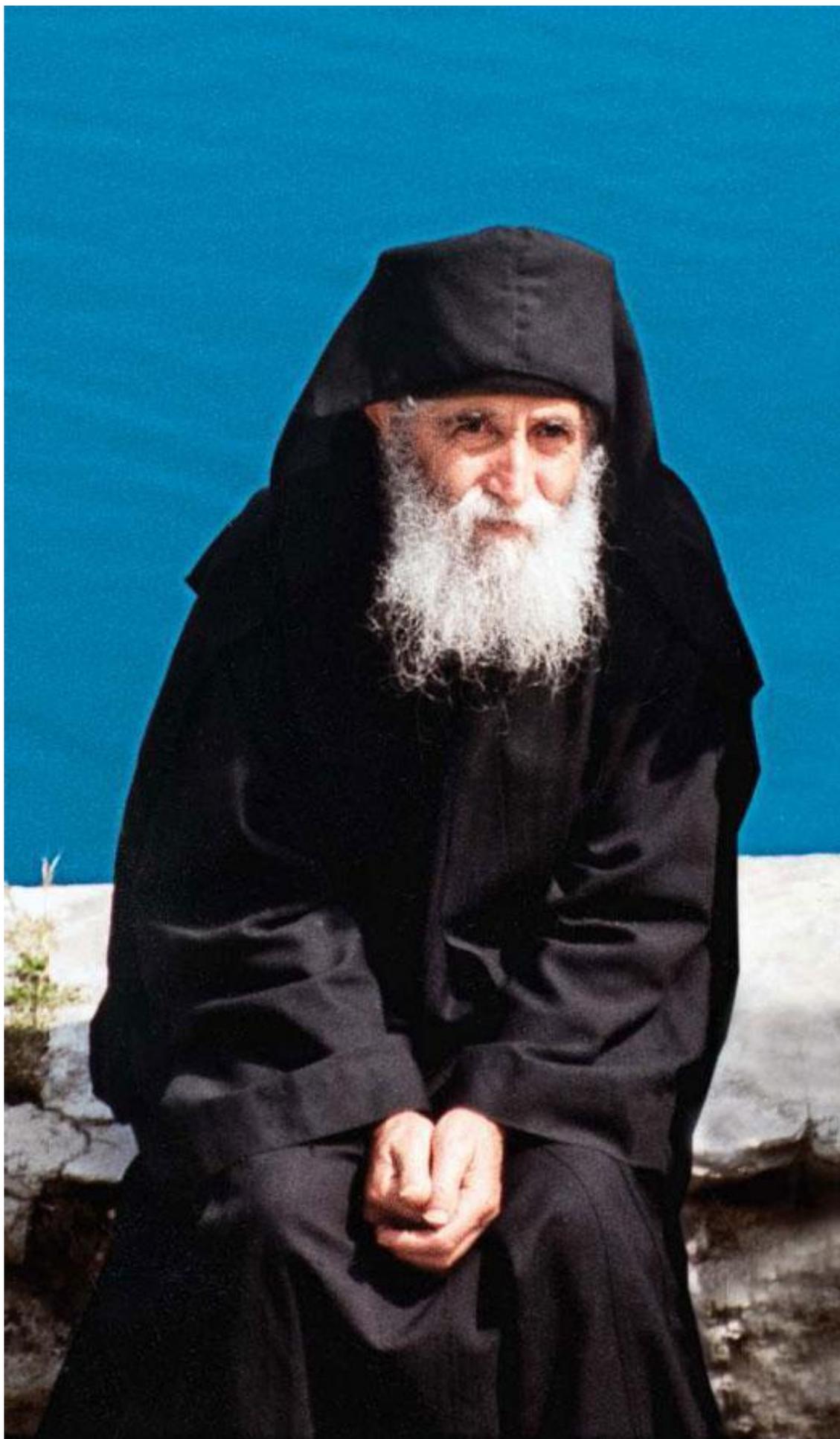
¹⁰ Кол. 3:3.

¹¹ Григорий Богослов, свт. Слово 12, сказанное отцу, когда сей поручил ему попечение о Назианзской Церкви.

¹² См. *Старец Паисий Святогорец*. Святой Арсений Каппадокийский. М., 2009. С. 115.

чтобы, как говорил преподобный отец, мы не были похожи на тех, «кто просто смотрит за соревнованиями спортсменов, не желая при этом даже двинуться с места». Да положим и мы начало покаяния и «доброго подвига», имея перед собой пример святого человека. Этот святой был нашим современником и ещё недавно подвизался рядом с нами, совсем рядом с нами. Да он ведь и сейчас от нас недалеко и помогает нам, предстательствуя перед Подвигоположником Богом, Ему же подобает всякая слава, честь и поклонение во веки веков. Аминь.

*Игуменья обители святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова
монахиня Филофея с сёстрами во Христе
Неделя Святой Пятидесятницы 2015 года*

Преподобный Паисий Святогорец (обложка книги *Ἡρομονάχῃ Χριστοδούλου ἡγιωρείτου* «Ἡ Γέρων Παῖσιος»). Εκδ. «Ἡ Παναγία, Ἡ φοβερὰ προστασίῃ», Θεσσαλονίκη, 2000)

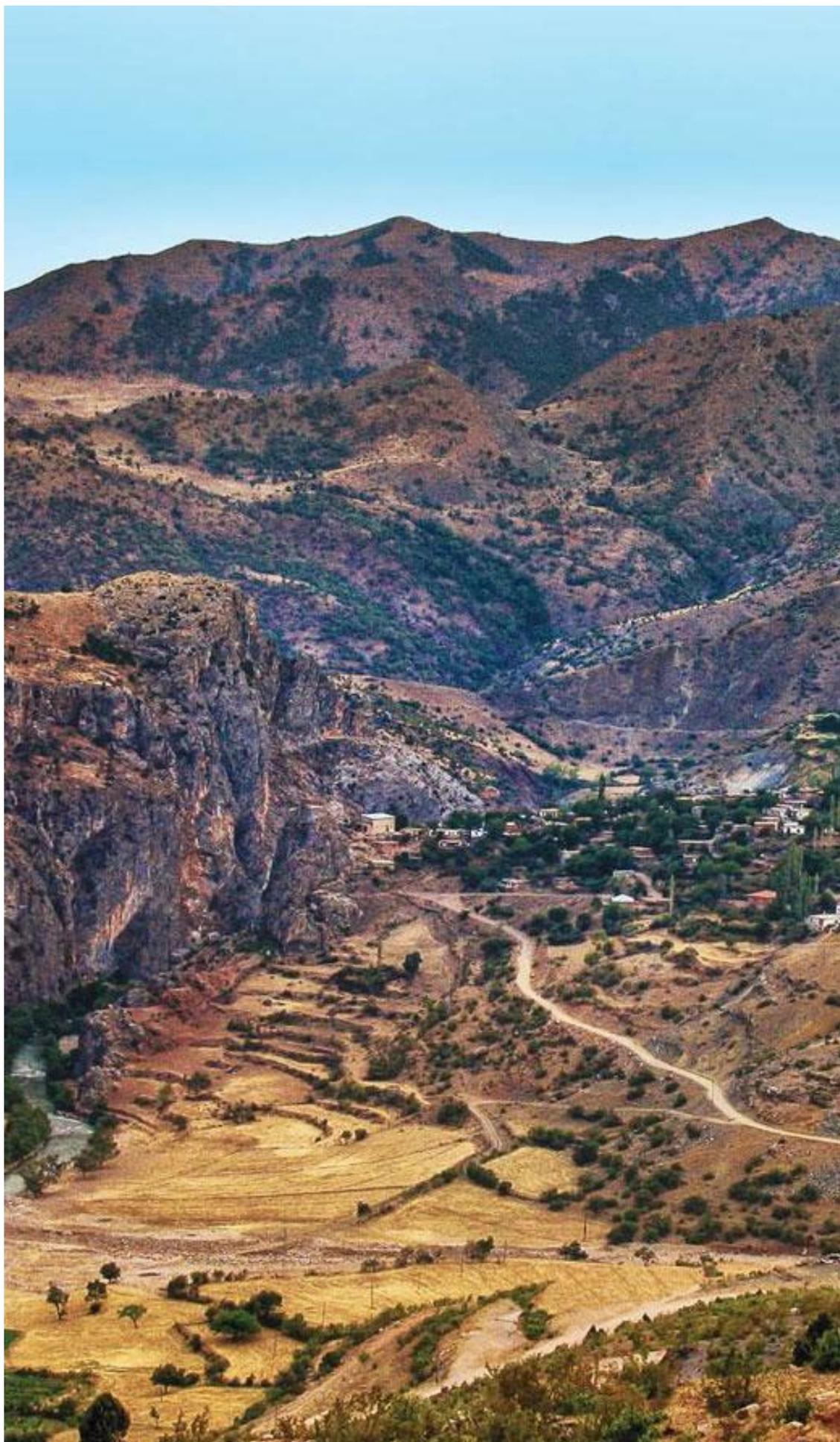
«Даже если бы человек, вынув из своей груди сердце – огромное, как солнце, и столь же ярко сияющее, – отдал его Христу в благодарность за Его великие благодеяния, этого всё равно оказалось бы недостаточно».

Эти слова преподобного Паисия были преизлиянием его многой любочестной¹³ любви ко Христу. Христа преподобный возлюбил больше всех мирских благ. Огонь Божественной любви перекинулся на святого старца, и он «вышел из пределов своего «я», живя вне границ земного притяжения». Он жил, не признавая за собой права ни на что, кроме одного лишь обязательства – непрестанно отдавать Богу и людям всё, включая себя самого: подвигами приносить себя в жертву Богу, а любовь приносить себя в жертву ближнему.

¹³ *Любочестие* (греч. φυλότιμο) – в современном русском языке эквивалента этому слову нет. Небуквально его можно перевести как «великодушие, расположенность к жертвенности, презрение материального ради какого-то духовного или нравственного идеала». Это слово часто встречается в речи старца Паисия, который подчёркивает значение любочестия в духовной жизни.

Глава I. Из акритских¹⁴ Фарас – в пределы матери-Эллады

¹⁴ Акрі́ты – особое сословие в Византийской империи, представлявшее собою организованные общины свободных крестьян-воинов, поселения которых располагались в окраинных районах Малой Азии.

Фарасы

Преподобный отец наш Паисий родился в 1924 году в селении Фарасы – большом акритском селе, расположенном в глубинах малоазиатского полуострова. В начале XX века эти глухие и уединённые места продолжали оставаться островком православной греческой культуры в Турции. Жители Фарас, терпя всякую скудость, были богаты душевным и телесным мужеством. Они зарабатывали на хлеб, возделывая землю, а также трудясь на рудоплавильных печах. Фарасиоты были постоянно готовы пойти на жертву, чтобы защитить свою малую родину от турецких разбойничьих шаек, которые никогда не оставляли в покое греческое население этих мест.

В церковном отношении Фарасы подчинялись Священной митрополии Кесарии Каппадокийской, архипастырем которой в течении сорока лет (с 1832 по 1871 год) был знаменитый своим великим мужеством епископ Паисий II, который, кстати, происходил тоже из Фарас. Этому стойкому архипастырю Вселенская Патриархия часто поручала решение сложных вопросов, связанных со взаимодействием с турецкими властями. Неутомимый и деятельный архиерей всегда окружал особой заботой своё родное село. В последние годы своей жизни (около 1867 года) он назначил в Фарасы на место священноучителя отца Арсения,¹⁵ тоже фарасского уроженца, незадолго до того поступившего в братство общежительного монастыря Честного Предтечи в Флавианах, недалеко от Кесарии.

Обосновавшись в Фарасах, отец Арсений продолжил со строгостью жить по монашескому уставу, пребывая в посте, бдении и молитве. Будучи «монахом без изъяна и упрёка»,¹⁶ отец Арсений передавал всем православную бескомпромиссность, подвижнический и аскетический дух, а также благоговение. Кроме этого, он был безмездным врачом и неусыпным стражем всей местности вокруг Фарас. Своей молитвой он исцелял больных, освобождал бесноватых, невидимыми узами сковывал турецких бандитов.¹⁷ Говоря кратко, он помогал людям всем, чем возможно – причём не только христианам, но и мусульманам, просившим его о помощи. Ведь все знали и Хаджефенди́ (так стали называть отца Арсения после того, как он совершил паломничество на Святую Землю),¹⁸ и многие чудеса, которые он сотворил благодатью Божией. Все считали его святым, да он поистине и был таким пред Богом. Полвека спустя, в 1986 году, Православная Церковь причислила его к лику преподобных.

¹⁵ См. *Старец Паисий Святогорец*. Святой Арсений Каппадокийский. С. 38.

¹⁶ Так характеризовал преподобного Арсения старец Паисий в своей книге о нём. Подражая с детских лет святому Арсению, преподобный Паисий поставил перед собой цель тоже быть «монахом без изъяна и упрёка». – *Прим. греч. изд.*

¹⁷ См. *Старец Паисий Святогорец*. Святой Арсений Каппадокийский. С. 88–89, 94–95, 102–103.

¹⁸ *Эфенди* (тур. «господин, повелитель») – вежливое обращение в Османской империи к знатным особам и духовным авторитетам. Приставку «*хаджи-*» к своему имени добавляли мусульмане, совершившие паломничество в Мекку.

Наследник крови героев

Предки преподобного Паисия из рода в род возглавляли сельскую общину Фарас. Его прадеды носили фамилию Дигени́с, а после того, как кто-то из них совершил паломничество в Святые места, – Хаджидигени́с. Однако турки, не желая, чтобы в акритском селе даже прозносилось имя византийского героя Дигени́са Акриты,¹⁹ заставили прадеда преподобного Паисия – Феодосия Хаджидигениса поменять фамилию. Феодосий выбрал себе фамилию Феодоси́у. Но, сменив фамилию, род их не поменял текущей в их жилах героической крови. Как говорил впоследствии сам преподобный, у его предков «была сумасшедшая жилка».

Феодосий Феодосиу умер молодым, когда его сыну Луке исполнилось всего 15 лет. Несмотря на столь юный возраст, Лука сумел в одиночку защитить свою мать, когда после смерти отца один турок хотел забрать молодую вдову в свой гарем. После этого мужественного поступка жители Фарас избрали юного Луку главой сельской общины Фарас, и он двадцать пять лет служил защитником для односельчан. Однако в сорокалетнем возрасте Лука Феодосиу тоже отошёл в мир иной, оставив свою супругу Христину вдовой с двумя детьми – Дёспиной и Продро́мом – будущим отцом преподобного Паисия.

Христина, или Хаджи-Христина, как её стали называть после совершённого ею паломничества в Иерусалим, была очень отважной женщиной. От природы она отличалась не только жизнерадостным и задорным нравом, но и благоговением, изливавшимся из неё, словно из источника. После кончины своего супруга она переселилась в город Адана,²⁰ где у неё была какая-то недвижимость. Часть этой недвижимости арендовал приезжий предприниматель из Австрии. В Адане у Продрома была возможность получить образование, но сам он этого не хотел. Тогда Хаджи-Христина отправила его учиться различным ремёслам, и впоследствии, когда им пришлось переселиться в Грецию, эти навыки оказались для Продрома драгоценными.

В 1905 году, когда Продрому исполнилось 22 года, он приехал в Фарасы. Там его хотели женить на местной учительнице. С точки зрения достатка и социального статуса это была завидная партия. Однако Продром отказался и выбрал себе в жёны происходившую из обедневшего аристократического рода пятнадцатилетнюю сироту Евлогию Фра́нгу. Умерший к тому времени отец Евлогии, Христо́с Франгу, был необыкновенно благородным и добрым человеком. Всю неделю он в поте лица трудился на принадлежавшей ему рудоплавильной печи, а каждое воскресенье угощал богатым обедом своих родственников и работников артели, выплавлявших вместе с ним металл. Христо́с приходился роднёй матери преподобного Арсения Каппадокийского; таким образом, преподобный Паисий по материнской линии был родственником святого Арсения.

Итак, Продром, посватав Евлогию у её матери-вдовы, получил согласие и благословение. Таинство венчания было совершено в тот же самый день. Когда Продром вместе со своей женой Евлогией посетил Адану, его мать Хаджи-Христина, увидев Евлогию, поняла, что в их дом вошло настоящее благословение.²¹

Продром и Евлогия решили жить в Фарасах. Сразу после переселения Продром стал главой фарасской сельской общины. С присущей ему от рождения отвагой и с уверенностью, которую давали ему благословение и молитвы Хаджефенди, он вместе с отрядом фарасских

¹⁹ *Дигени́с Акрит* – легендарный греческий герой и воин, о котором говорится в одноимённой византийской эпической поэме X-XII веков.

²⁰ *Адана* – город в Турции на реке Сейхан, приблизительно в 100 км от Фарас. – *Прим. греч. изд.*

²¹ *Евлогия* (греч. *εὐλογία*) – досл. «благословение».

юношей взял село под свою защиту. Однажды во время боя с отрядом чётов²² и солдат регулярной турецкой армии Продром оказался один, окружённый врагами. Тогда, желая запутать турок, он высунул из-за камня краешек своей шапки, а сам, укрываясь за камнями и меняя позицию, продолжал их обстреливать. Трюк удался, и Продрому удалось вырваться из окружения. В Фарасах оставаться было нельзя, поскольку турки объявили его в розыск и даже назначили вознаграждение за его голову. Продром бежал в Адану, где его укрыл в арендованном у его матери доме коммерсант-австриец. Этот австриец сделал всё возможное, чтобы спасти Продрома: он поднял над домом австрийский флаг, а потом через посольство Австрии в Турции оформил ему австрийские дипломатические документы, дающие право неприкосновенности. После этого Продром смог вернуться в Фарасы, где все стали называть его «Эзнепис», что по-турецки значит «чужеземец». В конце концов это прозвище и стало его фамилией, а когда впоследствии он со своей семьёй переселился в Грецию, его фамилию записали в документах как Эзнепидис – на понтийский манер.²³

После устроенной турками страшной Киликийской резни²⁴ 1909 года Хаджи-Христина не захотела оставаться в городе, где было пролито столько крови. Она вернулась в Фарасы, стала жить в одном доме с Продромом и Евлогией и взяла в свои руки семейный бюджет, поскольку Продром был настолько милостивым человеком, что всё заработанное тратил на нужды своих земляков, часто просивших у него помощи. Кроме того, в Фарасах не было гостиницы, и все странники, проходившие через Фарасы, находили горячее гостеприимство в доме Продрома и Евлогии. В этом маленьком, но богатом благородством доме Хаджи-Христина в благодарность за спасение сына приютила и разорившегося к тому времени австрийского предпринимателя, которому было стыдно возвращаться к себе на родину.

Со своей невесткой Евлогией, от природы простой и смиренной, Хаджи-Христина была связана в первую очередь духовным родством. Обе женщины отличались духовным благородством и приносили себя в жертву ради других. Они разделяли домашние хлопоты и заботы по воспитанию детей. Два первенца Продрома и Евлогии умерли сразу же после своего крещения. Когда родился третий ребёнок, девочка, преподобный Арсений дал ей имя Зоя,²⁵ моля Бога, чтобы она осталась в живых. Девочка выжила, а вслед за ней остались в живых и следующие родившиеся в семье дети.

Преподобный Паисий был восьмым ребёнком Продрома и Евлогии. Он родился 25 июля 1924 года,²⁶ в день, когда Церковь совершает память успения святой праведной Анны, матери Пресвятой Богородицы. В те самые дни, когда преподобный появился на свет, до Фарас дошла горькая весть о предстоящем насильном изгнании греков из Малой Азии и переселении в Элладу. Жители Фарас начали готовиться к переселению. Среди необходимых приготовлений преподобный Арсений крестил новорождённых младенцев, заботясь о том, чтобы во время предстоящего далёкого путешествия никто не умер некрещёным. Новорождённому сыну Продрома и Евлогии было тогда всего тринадцать дней. Родители хотели назвать мальчика Христос в честь деда, однако преподобный Арсений ответил: «Да, в честь дедушки – это хорошо... Дедушка имеет право на наследника-внука, носящего его имя. Но разве и я не имею право на наследника-монаха, носящего моё имя?» И, повернувшись к стоявшей возле купели крестной, преподобный Арсений повелел: «После слов "крещается раб Божий" скажи: "Арсений"».²⁷

²² Чёты – турецкие бандиты.

²³ Фамилии понтийских греков обычно кончаются на «-йдис».

²⁴ Киликийская резня – массовое убийство турками армян в Адане и соседних деревнях, в результате которого погибло более 20 000 человек.

²⁵ Зоя (греч. Ζωή) – букв. «жизнь».

²⁶ Здесь и далее, если не указано иного, все даты даются по старому стилю.

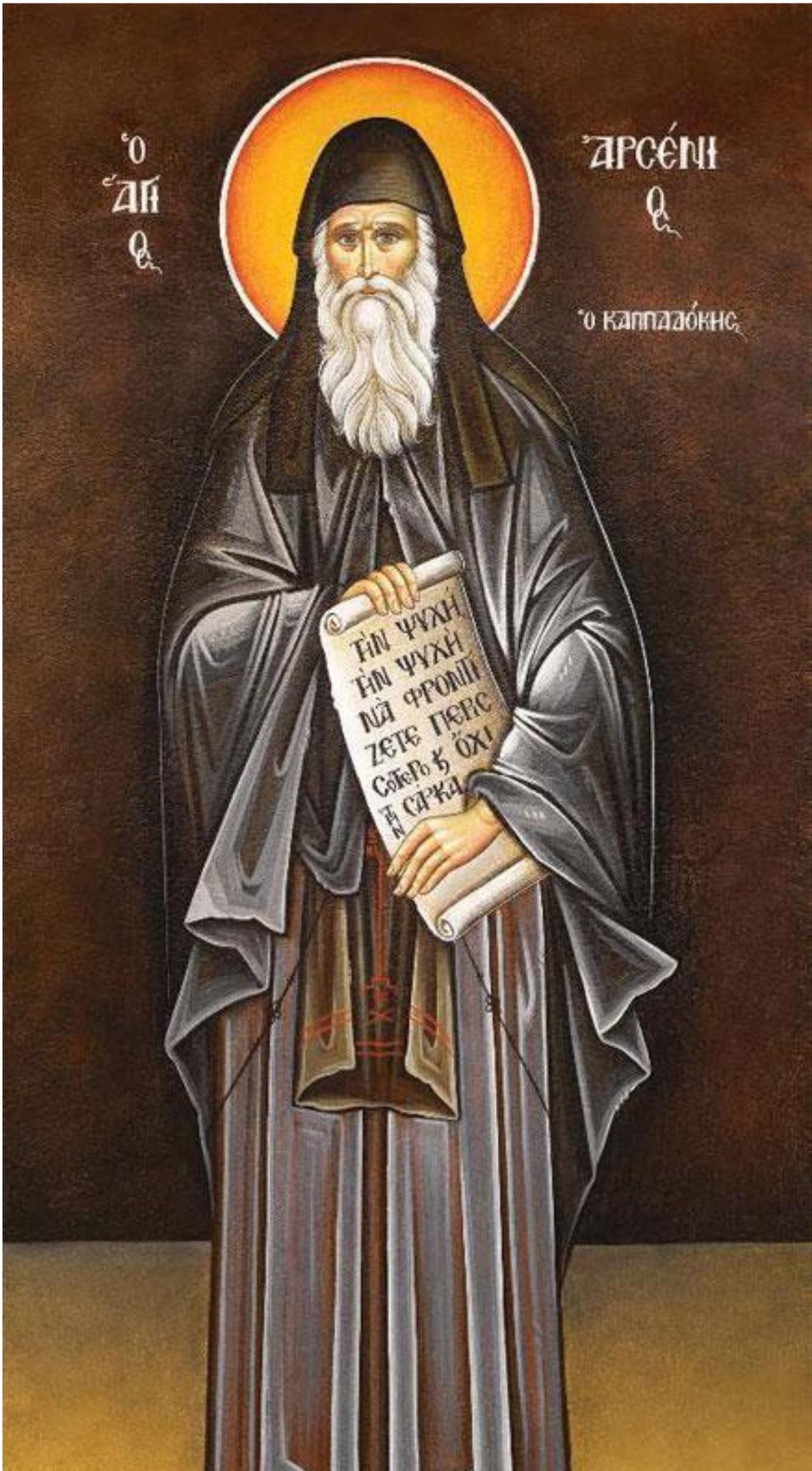
²⁷ По греческой традиции, имя крещаемого произносит восприемник.

Сорок дней беженства

Уже через неделю после крещения, 14 августа, фарасиоты отправились в горький путь эмиграции. Перед самой дорогой Хаджефенди принёс Богу молитву о том, чтобы все они перенесли это трудное и долгое путешествие и добрались до Греции живыми. С малолетними детьми, стариками и домашним скарбом фарасиоты пешком преодолели 150 километров до порта Мерси́н,²⁸ где погрузились на корабль, отплывший к берегам матери-Эллады.

На корабле произошёл такой случай. Евлогия положила младенца на палубу и накрыла одеялами. Один матрос, не заметив этого, наступил на ребёнка. Все вокруг испугались, что младенец умер, а Евлогия не могла найти в себе сил приподнять одеяла, ожидая, что её глазам откроется невыносимое зрелище. Однако, когда одеяла раскрыли, увидели, что младенец жив. Его тело превратилось в сплошной синяк, но глазки сияли как два ярких огонька.

²⁸ Мерси́н – город и порт на юго-восточном побережье Турции.

Преподобный Арсений Каппадокийский (роспись трапезной исихастерия святого Иоанна Богослова)

Потом преподобный Паисий будет говорить об этом случае так: «О, если бы я умер тогда, с только что полученной благодатью Святого Крещения! Моё тело бросили бы в море, рыбы радовались бы ужину, а я ушёл бы на Небо и стал маленьким ангелом».

Морское путешествие заняло целый месяц. 14 сентября, в день, когда Церковь празднует Воздвижение Честного Креста Господня, корабль с фарасиотами прибыл в греческий порт Пирей.²⁹ Ступив на греческую землю, фарасиоты присоединились к торжествам в честь праздника Воздвижения, радуясь благополучному окончанию путешествия и надеясь, что их страдания закончились. К несчастью, многие из бед были ещё впереди.

Пока решались вопросы о конечном распределении беженцев, фарасиотов поселили в жутких условиях – в палатках неподалёку от порта. Некоторые из переселенцев приняли решение остаться в афинских пригородах, а остальные, после трёх недель жизни в палатках, получили приказ опять грузиться на корабль и отправляться на Керкиру.³⁰

Когда беженцы прибыли на Керкиру, их разделили. Кого-то распределили в посёлок Плати в Иматии,³¹ кого-то – в сёла недалеко от Дрэмы.³² Семья Продрома Эзнепидиса вместе с другими пятнадцатью семьями и преподобным Арсением временно разместилась в старинной византийской крепости на Керкире. Хаджефенди ещё раньше готовил переселенцев к тому, что им придётся разлучиться и друг с другом, и с ним: ему предстоит переселиться в жизнь иную. «Когда мы прибудем в Грецию, – говорил он, – жителей нашего села рассеют по разным краям страны. А я проживу в Греции всего сорок дней и умру на одном из островов». Так и случилось, 10 ноября 1924 года по новому стилю святой иеромонах из Фарас преподобный Арсений Каппадокийский скончался на Керкире.

Оставшись без своего доброго пастыря, фарасиоты ещё несколько месяцев прожили на Керкире. Затем их уведомили, что окончательным местом их поселения будет местность недалеко от города Игуменница,³³ где жило много турок. Эти турки по Соглашению об обмене населением должны были отправиться в Турцию, а их дома предназначались для малоазийских греков.

С болью оставив могилу Хаджефенди, фарасиоты переехали в окрестности Игуменницы и в ожидании распределения домов разбили палаточный лагерь недалеко от селения Платарья. Однако прошло полтора года, но никаких домов им не дали, потому что турки при помощи взятки смогли избежать переселения. Фарасиоты продолжали жить в нечеловеческих условиях – в палатках и сараях. Наконец Продром Эзнепидис, желая положить конец этим ужасным страданиям, поехал в Афины и добился приёма у премьер-министра Греции. Когда Продром был в Афинах, он встретил там одного фарасиота, который уже устроился в столице, нашёл там дом для Продрома и уговаривал его поселиться в Афинах со всей своей семьёй. Однако Продром ни за что не хотел оставить неустроенными своих земляков и вернулся в Платарью. Через несколько дней фарасиоты получили уведомление, что им предписано переселиться в городок Коница в Эпире.³⁴

Арсению, «чаду боли», как называла его мама, было тогда два года.

²⁹ *Пирей* – главный порт Греции, недалеко от Афин.

³⁰ *Керкира* (второе название – Корфу) – самый северный среди Ионических островов.

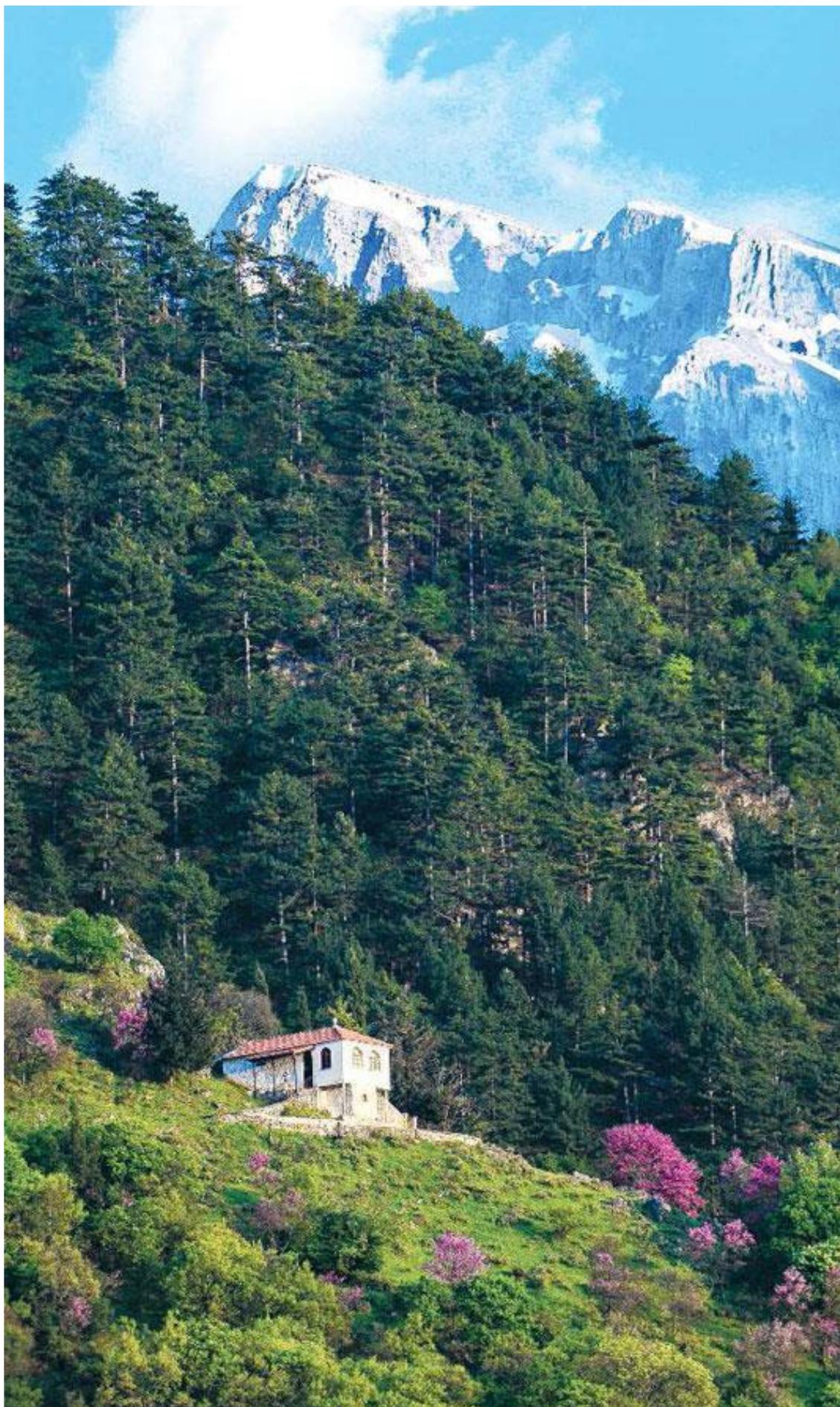
³¹ *Плати* – префектура (ном) в Греции, в области Центральная Македония.

³² *Дрэма* – город в Греции в области Восточная Македония.

³³ *Игуменница* – город и порт на северо-западе Греции, напротив острова Керкира.

³⁴ *Эпир* – округ на северо-западе Греции, граничащий с Албанией.

Глава II. Детские и юношеские годы

Церковка святой великомученицы Варвары (фотостудия П. Цингулиса, Коница)

Семейное воспитание

Незадолго до того, как фарасиоты прибыли в Коницу, там уже обосновались переселенцы из каппадокийского города Мисти́.³⁵ Незанятыми оставались всего несколько домов и самые бесплодные участки земли. Продром, ответственный за справедливое распределение домов и участков, сначала распределил их между своими земляками, взяв для своей семьи последнее из оставшегося.

Конечно, Продром был вынужден работать в поте лица. Только так он мог прокормить свою большую семью, в которой к тому времени родились ещё двое детей: Христина и Лука. С той же решительностью и изобретательностью, которыми Продром отличался, защищая акритские Фарасы, он начал теперь возделывать бесплодные земли акритской Коницы. Раньше местные жители растили в Конице только кукурузу, а Продром стал первым, кто начал сеять в этих местах пшеницу. Вскоре его избрали председателем сельскохозяйственного кооператива. Как представитель переселенцев, он принимал участие и в заседаниях городского общественного совета. Однако, когда после одного государственного праздника члены общественного совета бросились делить между собой деньги, оставшиеся от средств, выделенных на торжества, Продром в знак протеста вышел из совета. «Лучше пусть моя семья останется голодной, чем я принесу в дом такие нечестные деньги», – решил он.

Вдобавок к крестьянским занятиям, Продром иногда уходил в горы и охотился на кабанов, а во дворе своего дома устроил мастерскую, где изготавливал шкафы, плуги, охотничье оружие, обувь и всё, что было необходимо. В этой мастерской рядом с отцом часто играл и малыш Арсений. «Когда я был маленьким, – вспоминал преподобный, – то очень любил "делать изобретения". Мой отец мастерил какой-нибудь инструмент, а рядом с ним пристраивался и что-то мастерил я. Но уж если я что-нибудь портил, то бежал от отца со всех ног».

Евлогия с терпением занималась домашними делами, постоянно повторяя Иисусову молитву: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя». Чтобы успеть всего наготовить, всех обстирать и обшить, она работала без остановки и не могла присесть ни на минуту. А когда ей говорили, что надо бы себя пожалеть, она отвечала: «Это же мой долг. Я обязана всё успевать и не роптать при этом. Потому что я – мама».

Бабушка Хаджи-Христина прожила в Конице всего один год. Она лежала, прикованная к кровати, измученная жизненными перипетиями и старостью. Однако и этого времени ей хватило, чтобы напоить своим благоговением маленького Арсения, который от неё не отходил. Вместо сказок бабушка рассказывала внуку что-то из Евангелия или из житий святых. Показывая ему священные иконы, привезённые из Фарас, она учила его осенять себя крестным знаменем и прикладываться к ним. Среди этих икон был один маленький образок, привезённый Хаджи-Христиной из Иерусалима. На нём был изображён Христос как Ребёнок, помогающий праведному Иосифу в столярной мастерской. Запечатлевшись в нежном сердце Арсения, этот образ пробудил в нём любовь к столярному ремеслу, которому он впоследствии захотел научиться.

Повседневная жизнь семьи Эзнепидис дышала ароматами анатолийского благоговения. Со всей строгостью они соблюдали посты и никогда не работали в праздники. Евлогия настолько хорошо помнила дни памяти святых, что соседи даже прозвали её «Ходячим календарём». Каждое воскресенье и по большим праздникам вся семья шла в церковь. Из церкви они всегда брали в дом антидор,³⁶ который вкушали натошак по утрам всю после-

³⁵ *Мисти́* (современное название – Конаклы) – прибрежный город в Турции, в 120 км от Анталии.

³⁶ *Антидор* (от греч. *ἀντί* – вместо и *δῶρον* – дар) – частицы той просфоры, из которой на Литургии был иссечён Агнец; обычно священник раздаёт антидор прихожанам в конце Литургии.

дующую неделю. Утром и вечером вся семья собиралась на молитву перед семейным иконостасом, а после совместной молитвы все клали перед иконой Христа земной поклон. «Помните, – говорил отец, – дважды в день человек должен предстать перед Богом, как солдат на поверку».

Но семья прибегала к молитве не только «два раза в день», а во всех житейских нуждах, и малых и великих. Однажды, когда серьёзно заболел младший ребёнок Лука, отец позвал всех домочадцев: «Пойдёмте, попросим Бога, чтобы Он либо исцелил его, либо забрал к Себе, избавив от страданий». Через несколько дней Лука выздоровел. Так дети с самого малого возраста на собственном опыте пережили силу молитвы. Когда им становилось страшно, они сами вставали на колени перед иконостасом и начинали молиться. Однажды, когда родители работали в поле, разразился сильнейший ливень. В доме были только Арсений и его младшие брат с сестрой, которые начали плакать. Тогда Арсений с непоколебимой верой сказал им: «Пойдёмте!.. Попросим Христа, чтобы Он остановил дождь». Трое детей опустили на колени и начали молиться. Через несколько минут дождь перестал.

Вся окружавшая их среда была пропитана памятью святого Арсения. Каждый раз, когда к ним приходили родственники и знакомые, и в первую очередь – певчий святого Арсения Продром Корциноглу, который был к Хаджефенди ближе других, темой для разговоров были главным образом подвижническая жизнь святого Арсения и его чудеса. Не было дня, чтобы в доме не слышали что-то о преподобном. Из всех повествований самое сильное впечатление на маленького Арсения производил рассказ о том, как святой Арсений его крестил. Так, естественным образом, будущий преподобный старец Паисий сроднился со святым Арсением, который дал ему своё имя и передал в наследство своё монашество. Поэтому уже в возрасте четырёх-пяти лет Арсений стал говорить, что станет монахом. И когда другие дети в своих играх строили домики, Арсений строил маленькие монашеские кельи,³⁷ представляя, что так выглядела келья Хаджефенди. А больше других игр Арсений любил делать крестики, соединяя между собой две палочки, и собирать чётки, нанизывая на шпагат крохотные шишки.

И Продром и Евлогия старались воспитать детей *в учении и наставлении Господнем*,³⁸ однако каждый из них помогал детям по-своему. Отец был строгим и часто наказывал детей. Как-то раз один из соседей поднял трёхлетнего Арсения, чтобы тот сорвал ему несколько смокв с дерева, которое росло за забором заброшенного дома. Арсений сорвал пять смокв, и сосед дал ему две. Узнав об этом, Продром отвесил сыну крепкую затрещину.

– Ты зачем бьёшь ребёнка? – заступилась за Арсения мать. – Откуда он знал, что можно, а что нельзя? Он же ещё маленький! Неужели ты можешь слушать, как он плачет?

– Если бы он плакал, когда его поднимали рвать чужие смоквы, – ответил отец, – то не плакал бы сейчас. Но, наверное, когда его поднимали смоквы воровать, ему и самому захотелось полакомиться... Так что пусть плачет!..

А вот Евлогия в воспитании детей была противоположностью Продрома. Когда дети шалили, она относилась к этому с благородным великодушием и старалась помочь детям научиться чувствовать добро необходимостью. Однажды Арсений, увлечшись поеданием варенья, не заметил, как съел целую банку. Вскоре к ним пришли гости, и Евлогия поспешила на кухню приготовить им угощение. Арсений побежал за мамой и увидел, что она держит в руках пустую банку.

– Ну что, герой, – спросила Евлогия, – рад, что всё варенье слопал?

– Ой... да, это я его съел, – ответил Арсений.

³⁷ *Келія* – 1) отдельно стоящий дом с церковью, где подвизается один или несколько монахов; 2) комната монаха в монастыре.

³⁸ Еф. 6:4.

– И чем же нам теперь людей угощать? – спросила мать, посмотрев на него с болью.

После этого случая Арсений больше никогда не ел сладостей, не спросив разрешения у мамы. Потом преподобный старец вспоминал: «Мамин взгляд и слова помогли мне больше, чем затрещины, на которые не скупился отец. Конечно, оба они меня любили, однако благородное, великодушное поведение мамы исправляло меня больше, чем отцовские строгость и наказания».

Евлогия, видя как дети озорничают, отворачивалась и делала вид, что не замечает их проступков. Она вела себя так потому, что не хотела их опечалить. Однако её благородство и великодушие болью отзывались в чувствительном сердце мальчика. «Смотри-ка, – говорил он себе, – я так сильно наозорничал, а мама не только не бьёт меня, но и делает вид, что она этого не заметила! Больше я не буду так плохо себя вести».

Однако, хотя Евлогия и умела притворяться не замечающей, ничего не ускользало от её взора, и она старалась исправить всё требовавшее исправления. Когда старшая сестра Арсения, Зоя, вышла замуж, её муж каждый день заходил к ним в гости, всегда принося Арсению какой-нибудь подарок или гостинец. Быстро привыкнув к этому, Арсений, увидев мужа сестры, бежал к нему с криком: «А что ты мне сегодня принёс?» – и начинал обшаривать его карманы. Тогда Евлогия, желая отучить сына от дурной привычки, сказала зятю: «Не учи его такому. Насыпь, пожалуйста, вместо гостинца в карманы немного соли. Пожалуйста, сделай так!»

Когда Арсений начал ходить в школу, мать помогала ему преодолевать трудности духовно и при каждом удобном случае учила его смирению. Например, Арсений бежал быстрее других детей, и поэтому те не давали ему бегать с ними наперегонки и прогоняли, обзывая «иммигрантиком». Арсений в слезах бежал к маме и жаловался:

– Ребята не дают мне бегать с ними наперегонки!

– Побегать захотелось? – спрашивала мать. – Вот тебе двор, бегай, пожалуйста. Почему ты хочешь бегать непременно на видном месте? Чтобы все на тебя любовались и говорили: «Ах, какой он молодец!»? В этом есть гордость.

В другой раз Арсений жаловался матери, что одноклассники выталкивали его из шеренги и каждый хотел стоять в ней первым. «Ну и чего ты добьёшься, если встанешь в начале шеренги? – спрашивала в ответ мать. – В этом есть гордость». Так Арсений уже в детстве начал освобождаться от мелкодушия. Видя, как дети ссорятся и не могут поделить победу в игре или хвалятся тем, что они в чём-то лучше других, он смеялся про себя и говорил: «Какие же это глупости! Ведь мама-то права». Тогда ему было восемь лет, однако уже в столь юном возрасте мать помогла ему понять глубочайший смысл жизни.

Первые аскетические подвиги

Из школьных предметов Арсений больше всего любил Закон Божий и рисование. Ему нравилось рисовать Колокотрониса³⁹ в его огромном воинском шлеме. Одноклассники просили: «Арсений, а мне можешь тоже нарисовать Колокотрониса?» Арсений не отказывался, вечером садился рисовать, а утром относил рисунок в школу.

В общении с детьми Арсений был любочестен и уступчив. Когда школьники ссорились между собой, они обычно звали его как третейского судью – рассудить их. Учителя любили Арсения, потому что он был старательным, сообразительным и послушным мальчиком. Однажды учитель пообещал их классу, что на следующий день они пойдут в поход. Но наутро погода испортилась, и поход отменили. Тогда раздосадованные дети в знак протеста убежали из школы. Однако Арсений не сбежал с ними, подумав: «Как взрослые поведут нас в поход в такую непогоду? Мы же все простынем и заболеем».

Возвращаясь из школы, Арсений быстро делал уроки, а потом находил какой-нибудь повод и убегал в соседний лес, чтобы «жить как пустынный». Часто он нарочно затевал ссору с младшей сестрой и, как только старшие делали ему замечание, делал вид, что очень обиделся, и убегал. Вначале мать расстраивалась, не понимая, что происходит. Но вскоре, когда посылаемые на поиски Арсения его старшие братья и сёстры стали находить его молящимся то в полуразрушенных домах, то в каких-нибудь кустах, то в лесной церковке святой Варвары,⁴⁰ мать поняла, что все эти «ссоры» и «обида» были всего лишь ухищрением, совершаемым со святой целью.

Маленькая пещера за церковкой святой великомученицы Варвары (фотостудия П. Цингулиса, Коница)

³⁹ *Феодор Колокотронис* (1770–1843) – греческий полководец периода борьбы за независимость.

⁴⁰ *Святая великомученица Варвара* приняла мученическую кончину от рук своего родного отца, язычника Диоскора, в IV веке. Память 4 (17) декабря.

Самым любимым из «духовных убежищ» Арсения была маленькая пещера за церковью святой Варвары. В этой пещере исполнялось желание Арсения, и он «превращался в пустытника». Суровый, аскетический вид пещеры заставлял сердце мальчика трепетать от радости, и он начинал горячо творить молитву Иисусову, которой научился от матери. Ещё он делал в пещере земные поклоны, которым также научился дома. Он любил заходить в церковь возле пещеры, где, стоя перед образами иконостаса, молился во весь голос: «Христе мой, помогай мне! Пресвятая Богородица, помогай мне! Святая Варвара, помогай мне!» Ещё он пел тропари – уже тогда он выучил некоторые песнопения наизусть. Особенно нравился ему тропарь «Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче...».⁴¹

Также Арсений любил читать жития святых. В третьем классе начальной школы в его руки попало первое житие – святой мученицы Агафьи,⁴² которое произвело на него неизгладимое впечатление. После этого он старался найти и другие жития святых, которые печатались тогда в виде отдельных брошюрки. Арсений покупал эти книжечки, с благоговением хранил их в отдельной коробке и постоянно читал – даже ночью, при свете лампадки. Заканчивая книгу, он давал её своим одноклассникам. Часто дети вместе шли в лес, чтобы там читать и молиться.

Старший брат Арсения, боясь, что тот забросит школу и уйдёт в монастырь, начал забирать у него жития святых и прятать их. «Вот перейдёшь в шестой класс, – говорил он, – и получишь все эти книжки обратно». Однако Арсений продолжал покупать новые жития и не просто читал их, но и старался применить прочитанное в собственной жизни. Например, как только он прочитал, что монахи не едят мяса, то больше ни разу даже его не попробовал. В их доме был такой обычай: еду совсем не солили, а каждый сам подсаливал себе по вкусу уже в тарелке. Арсений совсем перестал солить себе еду, думая, что надо привыкать есть несолёное, потому что там, где он будет подвизаться, «не найдёшь соли». От поста шея его стала такой тоненькой, что дети дразнили его: «Эй, Арсений, у тебя сейчас голова отвалится!..» У него были признаки малокровия, и часто он чувствовал себя совсем без сил. Однажды, когда Арсений возвращался из школы домой, у него закружилась голова и он упал прямо посреди дороги. Не желая, чтобы кто-то увидел это и рассказал родителям, он отполз в сторону и лежал там, пока не пришёл в себя. Однако при этом он чувствовал огромную радость. Потом преподобный рассказывал: «В детстве пищей моей был кусочек лепёшки и несколько глотков воды. Но ничего больше мне и не надо было, я просто летал от радости!.. Питаясь я тогда вкусно и сытно, это не могло бы дать мне такой духовной радости, которую я переживал».

Самое сильное впечатление из всех святых на Арсения производили столпники. Желая быть на них похожим, он залезал на высокие деревья и обрывистые скалы, где читал их жития и молился. Однажды он поднялся на вершину крутой скалы в ущелье реки Аос, где молился весь день, стоя на ногах и совсем без пищи. Наступили сумерки, и пришлось спускаться на ощупь, потому что не было видно, куда ступить. Кое-как Арсений спустился, но потом в темноте заплутал в ущелье и долго не мог выйти на дорогу. Когда поздним вечером он вернулся домой, то увидел, что родители очень переживают. Однако сам он был переполнен радостью оттого, что ему удалось «побыть столпником». Был и такой случай: Арсений прочитал, что если боишься проходить мимо какого-то места, надо специально пойти туда и

⁴¹ Триодь Постная. Неделя о мытаре и фарисее, на утрени по 50 псалме. – *Прим. греч. изд.*

⁴² Мученица Агафья Сицилийская всего лишь пятнадцатилетней девушкой приняла за Христа жестокие муки. Апостол Пётр в темнице исцелил её раны, а следующую пытку остановило землетрясение, и святая мирно предала душу Богу (в 251 году в Катании). Память 5 (18) февраля.

остаться на какое-то время, чтобы страх ушёл.⁴³ Тогда он три вечера подряд ходил на коницкое кладбище, залезал там в пустую могилу,⁴⁴ где сидел и молился до полуночи.

Итак, что бы ни читал Арсений, ко всему он относился горячо, храня прочитанное в своём сердце. Со тщанием и старанием он заседал плодородную почву своей души Божественным семенем, которое в своё время *принесло плод сторицею*.⁴⁵ И если, в силу возраста, что-то из прочитанного (особенно из Евангелия) оставалось для него непонятным, то он не пытался докопаться до смысла рассудком. Он складывал прочитанное в сердце, говоря себе с верой: «Там написано что-то хорошее и правильное, но я этого ещё не понимаю. Ничего, пойму позже».

Так с детства Арсений следовал стопам святых отцов и готовился стать монахом. В шестом классе на Рождество он вместе с братьями и сёстрами подошёл к отцу, чтобы поцеловать ему руку. При этом по семейной традиции отец давал каждому из детей какое-то благословение или напутствие. Когда к нему подошёл Арсений, отец сказал: «Ну сынок, дай Бог, чтобы и твою свадьбу сыграли». Услышав это, Арсений тут же отёрнул руку, не согласившись принять такое благословение. Но когда на улочках Коницы он слышал, как люди от мала до велика шепчутся у него за спиной: «Смотри-смотри, монашек пошёл!..» – это, наоборот, доставляло ему огромную радость.

⁴³ См. *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица. Слово 21, п. 7.

⁴⁴ В Греции существует традиция, по которой кости усопшего достают из могилы через несколько лет после погребения, омывают и складывают в костницу. В той же могиле может быть после этого захоронен другой человек.

⁴⁵ Ср. Лк. 8:8.

Обучение благословенному ремеслу. 1937–1940 годы

Когда Арсений закончил начальную школу, вся семья стала просить его продолжить учиться дальше, в гимназии⁴⁶ города Янина. Но Арсений отвечал: «Не хочу я дальше учиться. Хочу стать плотником». Родные настаивали, думая, что он хочет выучиться ремеслу ради того, чтобы не обременять семью материально. Однако на этот раз Арсений оказался неуступчивым: он на самом деле хотел стать плотником, от сердца желая даже по роду земных занятий подражать Христу.

Поэтому он поступил подмастерьем в одну столярную мастерскую в самом центре Коницы. Там он начал старательно и терпеливо учиться столярному и плотницкому ремеслу.

В начале обучения, когда ему было ещё двенадцать лет, инструменты часто падали у него из рук, и, раздражаясь, он приговаривал что-нибудь вроде «Волк его задери!» или «Будь оно неладно!». Однако он быстро понял, что такие присказки неуютны Богу и решил: «Хватит!.. Если в другой раз что-нибудь у меня не будет получаться, я буду говорить, как мама: "Велико Имя Святыя Троицы!" и "Слава Тебе, Боже!"» Так, призывая имя Божие, Арсений мирно делал своё дело и быстро к этому привык.

Хозяин мастерской был доволен Арсением, который быстро осваивал ремесло и всегда был готов услужить своему мастеру. «Да, Арсений один такой!» – нахваливал его мастер. Однако сам Арсений с детства привык не радоваться похвалам. Он старался не давать лишнего повода, чтобы его превозносили. В той же мастерской был ещё один ученик, который ленился работать и повторял: «Нашли дурачка! Я буду работать, а мастер – денежки получать?» – «Если и сам хочешь стать мастером, надо работать!..» – советовал ему Арсений. Однако лентяй не слушал, и тогда Арсений, желая уберечь его от криков мастера, делал не только свою, но и его работу.

Первым столярным изделием, которое Арсений сделал самостоятельно, стал деревянный крест. Когда Арсений уходил молиться в лес, то брал этот крест с собой, и вообще крест этот помогал ему во всех трудных ситуациях. Однажды мать не нашла никого постарше, чтобы отнести обед старшим братьям, которые работали в поле, в двух часах ходьбы от Коницы. Арсений не знал дорогу, но вызвался отнести братьям обед. «Не волнуйся, – сказал он маме. – Спрошу, если что». И, держа в руке крест, подобно святым мученикам, которых он видел на иконах, Арсений вышел прямо к нужному месту.

Потом Арсений сделал для дома новый иконостас. Наверху он укрепил деревянный крест, а в иконостас поместил бумажную иконку Христа-Плотника – ту самую, что его бабушка Хаджи-Христина привезла из Иерусалима.

⁴⁶ В Греции курс обучения в начальной школе составляет шесть лет, затем ученик переходит в гимназию, курс обучения в которой составляет три года.

Духовные упражнения

Столярному ремеслу Арсений учился четыре года. Весь день он очень много работал, но ел при этом крайне мало. «В монашестве, – вспоминал потом преподобный старец, – я не держал таких строгих постов, как в отрочестве. И не одни только посты – я ещё и другие налагал на себя труды и ограничения, а вдобавок ещё и работал на хозяина, не покладая рук. Я был худым как щепка, но при этом – сильным». И действительно, Арсений отличался исключительной выносливостью и в работе, и в посте. От природы он был сильным и способным юношей. Но не это, а божественная ревность была его главной движущей силой. В среду и пятницу он никогда не обедал. В остальные дни, желая скрыть от других работников мастерской то, что он не ест мяса, Арсений не садился за стол вместе с ними, а обедал дома. Не желая терять ни минуты времени, на обед и обратно он бежал со всех ног. Дома его всегда ждал накрытый стол: мать переживала, что если она замешкается, Арсений вообще перестанет приходить есть и будет целый день ходить голодный.

Каждый день, спеша на работу и обратно, Арсений проходил через центр города сосредоточенно и не вступая ни с кем в разговоры. Будучи подростком, он и внешне уже походил на монаха. Его одежда была тёмно-синего цвета, он всегда шёл с опущенной головой и даже не видел, кто идёт ему навстречу. Старшие сёстры, которые к тому времени уже вышли замуж и покинули семейное гнездо, жаловались матери, что, встречая их на улице, Арсений проходит мимо, даже не поздоровавшись.

– Ты что, – спрашивала мать, – проходишь по улице чуть ли не под носом у своих сестёр и не здороваешься с ними?

– Разве я кому-то обещал, – отвечал Арсений, – что буду рассматривать, кто мимо меня идёт: сестра или ещё кто? У нас целая куча родственников. Что мне, больше заняться нечем?..

Арсений был настолько строг к себе, что никогда не целовал своих сестёр. Потом он говорил: «Конечно, такая чрезмерная строгость и "застёгивание себя на все пуговицы" – признак незрелости. Однако это и тормоз, который удерживает юношу в правильных рамках».

Свободное время он посвящал духовному деланию. «С десяти до шестнадцати лет, – вспоминал он потом, – я жил без забот, посвятив себя духовной жизни. Это были мои лучшие годы. Я собирался удалиться от мира и жить в пустынных местах». После работы Арсений шёл в уединённую церковь святой Варвары и совершал там вечерню. Воскресные дни он проводил в лесу, читая житие какого-нибудь святого. Особенно он полюбил житие Фотинии-пустынницы⁴⁷ и читал эту книгу почти как Евангелие. Эта книга ещё сильнее разожгла в нём желание пустынной жизни и очень помогла ему в делании молитвы Иисусовой. Кроме того, житие Фотинии-пустынницы заставило Арсения задуматься о том, насколько важно в духовной жизни целомудрие: ведь преподобная Мария Египетская, проводившая прежде блудную жизнь, потом в пустыне боролась со множеством искушений, тогда как Фотиния-пустынница, бережно соблюдшая своё целомудрие, провела жизнь в пустыне радуясь – словно духовная царевна. Эта книга была для Арсения настолько драгоценна, что, не желая с ней расставаться, он на всякий случай купил ещё один экземпляр, чтобы дать кому-то из сверстников, если попросят.

Сначала некоторые друзья Арсения, младше его по возрасту, ходили вместе с ним в лес и там читали книги, которые он им давал. Но, узнав об этом, их матери стали запрещать им дружить с Арсением, боясь, что они тоже начнут поститься и заболеть. Так Арсений остался

⁴⁷ См. *Архимандрит Иоаким (Специерис)*. Пустынница Фотиния в пустыне Иорданской. М.: Даниловский благовестник, 2011.

один. Бывшие приятели кричали ему вслед разные прозвища: «Пророк Исая!..», «Пророк Иеремия!..», «Святой Онуфрий!..» Это огорчало Арсения, и он стал водиться с компанией ребят постарше. Те любили пострелять из рогатки, и вскоре Арсений стал среди них самым метким стрелком. Однажды он убил из рогатки птичку. Это отрезвило его, он расстроился и подумал: «Я ведь сам раньше ругал своего брата, когда тот убил из рогатки птицу. Я даже взял тогда её тельце и, плача, похоронил. А до чего я докатился сейчас!..» Он выбросил рогатку и ушёл из этой компании, понимая, что такое общение не пойдёт ему на пользу.

После этого случая Арсений два-три воскресенья подряд после Божественной Литургии пешком ходил в Школу земледелия, при которой был небольшой зоосад. Там он с большим интересом и удовольствием проводил время, любуясь животными. Однако это приятное времяпровождение привело его к такой мысли: «Стоит ли отдавать своё сердце какой-то красивой земной картине, довольствуясь этой радостью? Разве земная радость не разлучает нас со Христом? Нет, хватит. Вместо того, чтобы любоваться животными, буду уходить в горы, читать и молиться». Но и уходя в горы, Арсений не оставлял борьбы, не желая, чтобы радость, лишь кажущаяся духовной, окрадывала его сердце. Помысел говорил ему: «А во-о-он с той вершины открывается такой замечательный вид!.. Всё как на ладошке: и ущелье видно, и как вода по камушкам бежит!.. И присесть есть на что, и ёлка растёт – такая тенистая! Садись – и читаешь себе». – «Нет, – отвечал Арсений помыслу, – пойду-ка я лучше в овраг, откуда ничего из этих красот не видно». И постепенно, отсекая свои пожелания, он научился больше радоваться не на вершине горы, а внизу, на дне глубокого оврага.

Ущелье, по которому течёт река Аос

Затем юный Арсений, будучи подвижником, непрестанно изобретающим способы подвига, и сопротивляясь тому, что окрадывало его сердце, принял решение не ходить ни в горы, ни в ущелье, а вместо этого оставаться дома «в затворе». Он купил маленький токарный станок и в свободное время закрывался в своей комнате, вытачивая разные деревянные

поделки и творя молитву Иисусову. Вначале «затвор» давался ему нелегко. Однако, поняв, что такой образ жизни пойдёт ему на пользу, Арсений почувствовал его необходимость и потихоньку его любил.

Всю эту духовную борьбу Арсений совершал не от «нечего делать» и не из эгоистичных побуждений. Он отдавал себе полный отчёт в том, ради чего ведёт эту борьбу. Он боролся за то, «чтобы пойти против своего хотения, чтобы подчинить себе своё "я"», как сам потом об этом рассказывал. Уже в ранней юности он понял, что «наше хотение, будь оно даже и добрым, имеет в себе своеволие. А своеволие препятствует, оно мешает тебе стать свободным, чтобы соединиться со Христом. Да, ты всё равно любишь Христа, однако любишь Его «по-своему», то есть сочетая с этой любовью свои якобы добрые пожелания». Подвизаясь таким образом, Арсений понял, что «когда ты приносишь в жертву Христу то, чего тебе самому хочется иметь, то Христос даёт тебе большее утешение. А когда тебе не хочется уже ничего, жизнь твоя становится праздником, торжеством. Ты радуешься всему, а сердце твоё без остатка отдано Христу». На этом основании, от юности заложенном преподобным, он и построил всю свою последующую жизнь.

«Я – Воскресение и Жизнь»

Когда Арсению было пятнадцать лет, его старший брат переживал, что чрезмерный пост подкосит его здоровье. Тогда один их сосед, по имени Костас, сказал брату: «Не переживай, я ему вправлю мозги! Я с ним так поговорю, что он все свои книжки выкинет, а уж про «молиться-поститься» и думать забудет!..» И вот, встретив однажды Арсения, Костас начал пересказывать ему теорию эволюции Дарвина. О Христе Костас сказал, что «Он был, конечно, очень хорошим человеком». Костас наговорил Арсению столько всего, что совсем заморочил ему голову. В тяжёлом состоянии сразу после разговора с Костасом Арсений побежал в своё «духовное убежище» – церковь святой Варвары.

Там, делая земные поклоны, он со всей силой души и детской простотой начал просить Христа: «Христе мой, если Ты есть, явись мне!» Он делал поклоны очень долго. Был жаркий летний день, пот лился по нему ручьём, одежда была насквозь мокрой. Арсений совершенно выбился из сил, но никакого явления и даже малого знака не было.

Тогда, совсем выдохшись, Арсений сел на пол и стал рассуждать: «Ну хорошо. Что ответил мне Костас, когда я спросил его, какого он мнения о Христе? Он ответил мне, что Христос был самым добрым, самым справедливым Человеком, что Своей проповедью Он задел интересы фарисеев и они распяли Его из зависти. Но раз Христос был таким добрым и справедливым Человеком, что ни до, ни после Него не было никого Ему равного, раз плохие люди из зависти и злобы Его убили, то ради Этого Человека стоит делать ещё больше, чем я сделал для Него до сих пор. Ради Этого Человека стоит даже умереть. А рай мне никакой не нужен, да мне и вообще ничего не нужно, кроме Него Самого!» Как только Арсений принял этот любочестный помысел, ему явился Христос. Он явился, окружённый обильным Светом, залившим всю церковку, и сказал: «Я есмь Воскресение и Жизнь; верующий в Меня, если и умрёт, оживёт».⁴⁸ Христос произносил эти слова, а Арсений одновременно читал их в открытом Евангелии, которое Христос держал в руках. Тут в сердце мальчика, словно необыкновенно сильное пламя, вспыхнула любовь ко Христу, это пламя настолько изменило его духовное состояние, что он не переставая повторял: «Ну что, Костас! Давай теперь поговорим: есть Бог или Его нет!»

⁴⁸ Ин. 11:25.

«Я не для мира сего»

Прошёл год. Как-то раз, в 1940-м году, в дом Эзнепидисов пришёл один их кум. Он попросил, чтобы кто-то из их семьи стал восприемником его умирающего новорождённого ребёнка. Дома был только Арсений и его мать. Она пойти не могла и попросила Арсения стать восприемником несчастного младенца. Арсений к тому времени принял твёрдое решение стать монахом и потому отказывался принять на себя обязательства восприемника. Наконец, боясь, что пока его будут уговаривать, младенец умрёт, он уступил и пошёл на крестины. Он дал крещаемому имя Павел и так помолился Богу: «Господи, если он станет хорошим человеком, заberi годы моей жизни и отдай ему. Но если он собьётся с доброго пути, заberi его к Себе сейчас, пока он маленький ангел». Прошла неделя. Младенец Павел скончался и маленьким ангелом улетел на Небеса.

А в Арсении тем временем всё сильнее и сильнее разгоралось непреодолимое желание ангельского монашеского жития. Он постоянно думал: «Я не для мира сего». Однажды он сел на автобус и поехал в Янину. Там он пришёл в епархиальное управление⁴⁹ и спросил, можно ли ему стать монахом в возрасте шестнадцати лет – столько ему тогда было. В епархии Арсению ответили, что сначала ему надо отслужить в армии. Он вернулся домой. Это произошло по Промыслу Божию, потому что в тот самый год началась греко-итальянская война. Старшие братья Арсения ушли на фронт, а он как несовершеннолетний остался дома и стал единственной опорой своих родителей.

⁴⁹ В те годы митрополит Янинский был также местоблюстителем епархии Дринупольской, Погониианской и Коницкой. – *Прим. греч. изд.*

Крестьянские труды. 1940–1944 годы

В тяжёлые годы войны и немецкой оккупации⁵⁰ Арсений взял на свои плечи труды по возделыванию скромных полей, принадлежавших его отцу. Плотницким и столярным ремеслом он в эти годы занимался редко, только откликаясь на чью-либо просьбу. Однако сейчас он не брал за своё столярство денег, отговариваясь: «Да я ведь просто так работаю, чтобы не забыть, как рубанок в руках держать».

Крестьянские работы не имеют ни конца ни края, особенно если не знаешь всех премудростей – как не знал их Арсений. Несмотря на это, по воскресным дням и церковным праздникам он никогда не выходил в поле. Он предпочитал больше поработать в будний день, но день праздничный оставить Господу Богу. В один год во время жатвы комбайны приехали в Коницу в воскресенье, и Эзнепидисам сказали, что жатву начнут с их участков. «Я в воскресенье работать не буду, – сказал Арсений отцу. – Пусть в понедельник приезжают». Отец стал переживать, что техника уйдёт и им придётся жать вручную и вывозить снопы на мулах. «Ничего, – сказал Арсений. – Буду жать хоть до Рождества». Он пошёл в церковь и даже думать забыл и про жатву, и про комбайны. Тем временем владелец комбайнов пришёл к отцу и сказал: «Прошу прощения, что-то у меня техника забарахлила. Поеду в Янину на ремонт. А в понедельник начнём прямо с вас – как договаривались».

На работу в поле Арсений всегда брал с собой чтение – житие какого-нибудь святого. Он успевал читать даже по дороге, а в поле то и дело останавливался и читал. Некоторые крестьяне, работавшие на соседних участках, подшучивали над ним:

– Эй, Арсений, когда уже работать начнёшь?

– Ничего-ничего, поработаем!.. – отвечал он.

– Когда поработаем-то? Ты два часа уже в книжку уткнулся и бездельничаешь!

Но у Арсения работа горела в руках, и он успевал сделать многое.

Часто вместе с другими юношами он пас лошадей на общих пастбищах. Там Арсений находил удобный момент, собирал ребят и читал им отрывки из Нового Завета или своими словами пересказывал им жития святых. Читал и рассказывал он настолько выразительно, что все слушали затаив дыхание, словно своими глазами наблюдая священные события, о которых шла речь. Однако настоящей живой проповедью были не столько слова, сколько поступки Арсения. Он успевал везде: бежал наперерез лошадям, когда те шли в сторону засеянного поля, вызывался привезти всем воды, делал всё возможное, чтобы помочь другим. Когда ребята, возвращаясь с пастбища, собирали по пути дрова на чьих-то придорожных участках, Арсений не давал им этого делать и говорил: «Если нужны дрова, пойдёмте в лес и нарубим. Конечно, пока их принесём, устанем немножко. Но уж лучше притомиться, чем сделать несправедливость и утащить чужие дрова».

В те годы сельские жители по ночам охраняли свои посевы. Арсений тоже сторожил по ночам отцовскую бахчу с дынями. Он ходил сторожить с радостью, потому что находил благоприятную возможность молиться в ночной тишине и безмолвии. Видя, что кто-то идёт мимо бахчи, Арсений срывал дыню и давал прохожему. Напротив бахчи жил один бедный штукатур, у которого было десять детей. Каждый день Арсений давал им несколько дынь. А утром, перед тем, как уйти домой, он срывал несколько дынь и клал их на обочине – для прохожих. Родные недоумевали, видя, что каждый день дынь на бахче всё меньше и меньше, но Арсений их успокаивал: «Не волнуйтесь вы так... Ну, бывает, что угощу кого-нибудь дынькой-другой». Но однажды на бахчу заявили итальянские солдаты. Они стали по-хозяйски

⁵⁰ В октябре 1940 года итальянские войска вторглись в Грецию, но были разбиты. В апреле 1941 года Греция была оккупирована войсками Германии и вплоть до 1944 года оставалась под германо-итальянской оккупацией.

выбирать себе дыни и хотели сорвать самые большие – те, что были оставлены на семена. Арсений не подпустил их к этим дыням и смело сказал: «Эти дыни мы оставили на семена, я вам их не дам. Если хотите – сорвите другие». Один из итальянцев разозлился и замахнулся на Арсения плёткой. Арсений спокойно протянул руку к плётке, пощупал её, якобы с интересом изучая, и сказал итальянцу: «Buona! Отличная плётка, сеньор!» Итальянцы расхохотались и ушли, так ничего и не взяв.

Духовное делание

В 1940 году на фронте был убит муж одной из сестёр Арсения. Она осталась вдовой с двумя маленькими девочками на руках. Два года подряд Арсений каждый вечер приходил к ним в дом, сидел с ними и как мог пытался утешить их боль. Также Арсений дружил с одним ребёнком-инвалидом, родители которого, стыдясь, что он не такой, как все, совсем не выводили его из дома. Арсений часто забирал мальчика и гулял с ним по Конице. Потом он говорил, что этот ребёнок занимал в его сердце самое почётное место.

Также Арсений сдружился с двумя юношами, которые тоже хотели стать монахами.⁵¹ Взаимное общение было на пользу каждому из них. Часто трое друзей вместе совершали вечерню в церковке святой Варвары. Иногда они пешком шли восемь часов до местечка Монодэндри,⁵² в монастырь святого пророка Илии, где тогда подвизался благоговейнейший старец – отец Иаков (Валодимос).⁵³

Однажды, когда друзья пришли туда на Божественную Литургию, нестарая ещё женщина, вся в чёрном, встала совсем рядом с Арсением и пристально глядела на него, постоянно осеняя себя крестным знаменем. «Что же это за человек такой! – возмущался про себя Арсений. – Ну что она на меня так глазееет?!» Как только Литургия закончилась, эта женщина пригласила друзей в свой дом. Оказалось, что Арсений очень похож на её сына, на которого только что пришла похоронка с фронта. Потом преподобный старец вспоминал, что, когда женщина рассказывала ему о своём горе, ему «стало тошно от самого себя». После этого случая он принял решение больше никогда не принимать помыслы осуждения.

Однако прошло немного времени – и Арсений впал в осуждение вновь. Один из его братьев, воевавший на фронте, прислал в дар бедному храму святых апостолов в Нижней Конице два бочонка оливкового масла, договорившись об этом с кем-то из офицеров. Арсений об этом не знал. И поэтому, когда в дом пришло письменное напоминание из полка, в котором служил брат, с просьбой прислать пустые бочонки обратно, Арсений стал переживать, что брат украл масло с полкового склада, что это стало известно и бочонки назад требуют по этой причине. Арсений написал брату гневное письмо и получил такой ответ: «А вот куда я дел бочонки, спроси в нижней церкви, у пономаря». После этого урока Арсений принял уже «крепкое и окончательное» решение никого больше не осуждать. «Ну уж на этом – точка, – сказал он себе. – Ты ведь человек с духовным косоглазием, потому всё тебе и представляется криво и вверх тормашками. Гляди лучше за собой и постарайся стать приличным человеком».

Постоянный анализ своих помыслов и поступков был основным духовным деланием Арсения. Испытывать себя он начал очень рано, с самого детства следя за своими помыслами, пожеланиями, словами и делами. Кроме этого, Арсений привыкал каждый вечер анализировать и оценивать прожитый день. Если он понимал, что сегодня был в отношении чего-то недостаточно внимателен, то назавтра обращал на этот недочёт особое внимание. Так он тщательно следил за своим духовным развитием. «Анализ самого себя, – говорил он позже, – это самый полезный из анализов на свете».

⁵¹ Эти юношами были будущие святогорцы – отец Павел (Зисакис), игумен Великой Лавры святого Афанасия, и отец Кирилл (Мантос) – старец кельи святителя Николая «Буразери». – *Прим. греч. изд.*

⁵² Монодэндри – одно из сёл в Эпире недалеко от Янины, в местности Загорохория. – *Прим. греч. изд.*

⁵³ См. #ρχι. Χαράλαμπος (Βασιλόπουλος). Πατήρ #άκωβος. Βαλοδ#μος. #να σύγχρονος #γιος (1870–1960). – *Прим. греч. изд.*

Радость жертвы

Война с итальянцами закончилась, и началась немецкая оккупация.⁵⁴ Пока организовывалось движение Национального сопротивления, братья Арсения вернулись в Коницу. Все вместе они стали работать в полях. Арсений делал всё от него зависящее, чтобы хоть чем-то облегчить их труд. Однажды вечером они решили, что с рассветом пойдут вместе в поле, потому что работа не терпела отлагательств. Но тут пришёл сосед и позвал братьев в гости, на пирушку. Братья ушли. Пирушка оказалась столь шумной, что Арсений не мог уснуть. Он ушёл спать в подвал, где хранилась солома. При этом у него даже не было помысла, что раз братья пошли на вечеринку к соседу, то и у него есть право пойти «в гости» к святой Варваре и устроить там «духовный пир», а работа может и подождать. При первых лучах солнца он один отправился в поле. «Надо торопиться, – думал он, – кто знает, до которого часа они проспят». В тот день Арсений работал за троих, и это было запредельно тяжело. Однако он работал и за себя, и за братьев от всего сердца и оттого чувствовал необыкновенную радость.

Да и не только силами Арсений готов был пожертвовать ради своих братьев и сестёр, но и самой жизнью. В начале июня 1941 года, в день, когда оккупационные части немецкой армии вошли в Коницу, два брата Арсения спустились в долину – окучивать кукурузу. Тут в город пришла срочная телеграмма, что немцы скоро войдут в город и что в уже занятых городах и сёлах они сжигают дома и убивают людей. Все жители стали срочно собирать вещи, чтобы спрятаться от захватчиков в неприступных горных местах, а Арсений решил срочно бежать в долину и предупредить братьев. Мать не пускала его, потому что все вокруг кричали: «Старшим твоим и так уже конец, Евлогия! Не пускай никуда Арсения, пусть хоть он тебе живым останется!» Но Арсений, никого не слушая, со всех ног побежал вниз. В спешке он плохо завязал шнурки, и, когда бежал через заболоченный луг, ботинки остались в глине. Не останавливаясь ни на секунду, Арсений босиком побежал дальше. Целый час он бежал по каменистому руслу пересохшей реки, заросшему колючками и чертополохом. Когда он добежал до поля, где трудились братья, его босые ноги были сбиты и изранены до мяса. Он только успел крикнуть братьям: «Немцы идут!..» – и они тут же увидели появившихся на дороге немецких солдат с автоматами. «Продолжайте окучивать, – прошептал Арсений братьям, – а я буду делать вид, что пропалываю». Немцы молча прошли мимо, даже не поглядев в их сторону. Только когда они скрылись, Арсений посмотрел на свои ноги и увидел, что они окровавлены и на них нет живого места. До этого момента о ногах он даже не думал и боли не чувствовал. Потом он вспоминал: «Знаете, какая меня переполняла радость, когда я бежал? Это была радость жертвы. А если бы я пожалел ноги и не побежал, и моих братьев убили бы или покалечили, то потом меня мучила бы совесть, что я пожалел не родных братьев, а свои пятки».

⁵⁴ См. сноску 2 на стр. 57.

Страдания и опасности. 1944–1948 годы

В октябре 1944 года немецких оккупантов прогнали за границы Греции. Однако тяжёлые испытания, выпавшие на долю греческого народа, на этом не закончились. Отдельные стычки и столкновения, случавшиеся во время оккупации между разными освободительными движениями, после ухода немцев разгорелись в самую настоящую гражданскую войну. При немецкой оккупации братья Арсения воевали в партизанском отряде Зерваса.⁵⁵ Там они остались и после октября сорок четвёртого, только воевали теперь против многочисленного ополчения коммунистов.⁵⁶ Арсений всё ещё оставался в отеческом доме. Часто его положение было опасным, потому что коммунисты, зная, что его братья воюют против них у Зерваса, всегда имели его заложником и могли его убить.

Сначала коммунисты убеждали Арсения вступить в их ряды, но он бесстрашно отвечал «нет». К своему «нет» он сам относился как к исповеданию веры. Потом коммунисты стали забирать из их дома вьючных животных для перевозки грузов в свои отряды. Уходя в эти опасные экспедиции, так называемые «принудилочки», они всегда заставляли Арсения идти вместе с ними.

Один раз ополченцы-коммунисты решили убить Арсения. Три вооружённых бойца взяли Арсения и ещё двух юношей из Коницы, сказав им, что надо якобы перевезти боеприпасы до Буразанского моста (это примерно в двадцати километрах от Коницы). Не доходя до моста, бойцы велели юношам вброд перейти на противоположный берег, а затем открыли по ним огонь из винтовок.

«Ложись!..» – успел крикнуть ребятам Арсений. Сам же он с духовной отвагой выпрямился во весь рост и, отойдя чуть в сторону, стоял живой мишенью, чтобы приковать к себе всё внимание и отвести пули от других. Бойцы долго стреляли, но ни в Арсения, ни в его товарищей не попала ни одна пуля. Когда стало ясно, что у бойцов кончились патроны, товарищи Арсения вскочили и стали кидать в ополченцев камнями. Однако Арсений сдержал их, перешёл реку обратно и, подойдя к бойцам, мирно спросил:

– За что вы хотите нас убить?

– Телемаха – за то, что его мать итальянка! – ответили те. – А тебя и Дионисия – за то, что твои братья и его отец воюют у Зерваса.

– Благословенная душа, – ответил Арсений, – мы-то в чём здесь виноваты?

Бойцы не нашли что ответить и потупили головы.

В конце концов они вместе вернулись обратно в Коницу. Там некоторые из коммунистов, которые знали, что Арсения и двух других юношей собирались расстрелять, удивились, увидев их живыми, и спрашивали у бойцов: «Зачем вы их обратно-то привели?» Те снова не знали, что отвечать. Однако спасшиеся от верной смерти Телемах и Дионисий были уверены, что их спас Бог по молитвам Арсения.

Однажды вечером в декабре сорок четвёртого Арсений вернулся домой после очередной «принудилочки». Почти вслед за ним в дом вошли два ополченца, один из которых был их знакомый, житель Коницы. Наставив на Арсения оружие, ополченцы схватили его и потащили из дома. Мать попыталась им помешать, но солдат из Коницы чуть её не убил. Арсения

⁵⁵ *Ναπολεόν Ζέρβας* (1891–1957) – греческий политический и военный деятель, участник движения Сопrotивления. Основал антикоммунистическую Народную республиканскую греческую лигу (ЭДЕС) и руководил её армией, действовавшей в Эпире и некоторых других областях Греции.

⁵⁶ Имеются в виду отряды Народно-освободительной армии Греции (ЭЛАС), одной из крупнейших и наиболее боеспособных составляющих движения Сопrotивления во Второй мировой войне во всей Европе. ЭЛАС была создана по инициативе коммунистической партии Греции. До конца 1942 года ЭЛАС и ЭДЕС действовали совместно, но потом началось их военное противостояние.

привели в здание Школы земледелия, куда собрали около двухсот местных жителей, которые не поддерживали коммунистическую власть в Эпире. Там их продержали почти целую неделю. Потом Арсения пригласили к начальнику гарнизона на допрос.

– Почему тебя задержали? – спросил начальник гарнизона.

– Потому что я против коммунистов. А два моих старших брата воюют у Зерваса.

– А какого лешего они воюют у Зерваса?

– Кто старше: я или они?

– Ну, они.

– Раз они старше, то и отчёт мне давать не обязаны.

– Поговори мне ещё так дерзко! – вспыхнул начальник гарнизона. – Скоро мы твоей головой будем в футбол играть!

– Футбол так футбол, – ответил Арсений.

Коммунисты прекрасно знали, что Арсению действительно всё равно, что станет с его головой, но не всё равно – что будет с его душой. Поэтому они решили «наказать его душу» и подвергнуть опасности её. Они закрыли его в комнате и привели туда двух почти раздетых девиц лёгкого поведения. Увидев их, Арсений стал молиться: «Пресвятая Матерь Божия, помоги мне!» Благодать Божия покрыла целомудренного юношу, и он смотрел на этих несчастных девушек бесстрашно. Он начал с болью разговаривать с ними, им стало стыдно, и они попросили у охраны, чтобы их увели.

Потом Арсений с большой любовью вёл себя с человеком, который его арестовал и конвоировал в Школу земледелия. Однажды, когда тот проходил мимо, Арсений очень искренне и тепло с ним поздоровался. Один знакомый, оказавшийся свидетелем этой сцены, засомневался:

– Слушай, Арсений, разве не этот тип тебя арестовал?

– Слушай, а разве мы должны жить по закону Моисееву? – спросил в ответ Арсений. – *Око за око и зуб за зуб?*⁵⁷

А в другой раз тот же самый человек проходил мимо их поля, когда вся семья сидела и обедала.

– Эй, Панайотис, садись обедать с нами! – весело позвал его Арсений.

Сидевшая рядом с Арсением мать изумлённо прошептала:

– Неужели ты забыл, что он нам сделал?

– А ты, мама, неужели забыла, что написано в Евангелии? – прошептал Арсений в ответ.

Летом 1946 года, измученный постоянными «принудиловками», Арсений, взяв с собой младшую сестру Христину, на два месяца уехал из Коницы в Янину. Там они сняли жильё и пустили к себе одного земляка из Фарас, который в армии попал под влияние протестантской секты евангелистов. Арсений этого не знал, но увидев, что солдатский вещмешок гостя битком набит сектантскими брошюрками, сжёг их. Когда сестра попросила не сжигать всё, а оставить что-то на растопку печи, Арсений ответил: «Как ты думаешь, добрый ли огонь ты ими разведёшь? Посмотри, с них же яд каплет».

Зимой 1946/47 года на одной из «принудиловок» Арсений упал в реку и чуть не утонул. Благой Бог сохранил его от смерти. Но когда Арсений вернулся домой и рассказал об этом отцу, тот решил спрятать его и лошадей в подполе. Доски пола разобрали, всех спустили вниз, а потом снова настелили пол, оставив только хорошо замаскированный люк. Несколько дней спустя дом семьи Эзнепидисов, как и большинство домов в Конице, был отдан под постройку подразделения ополченцев. Отец сказал им, что Арсений уехал куда-то по семейным делам, а лошади потерялись. Ополченцы не поверили. «Если найдём твоего сыночка

⁵⁷ Ср. Втор. 19:21.

и животных, то всю семью поставим к стенке», – пообещали они. Солдаты перерыли весь дом, но лошади в подвале не издали ни звука, и поиски окончились ничем. В этом подвале в компании животных Арсений просидел сорок дней. Все эти сорок дней ни одна из лошадей ни разу не фыркнула и не заржала. А сам Арсений радовался, что живёт как подвижник *в пропастях земных*.⁵⁸

Однажды в их дом пришла знакомая турчанка и сказала матери: «Там, где вы прячете Арсения, он погибнет. Давайте лучше мы спрячем его у себя». На следующий день один турок пришёл за Арсением и отвёл его в сарай за своим домом, где уже были спрятаны трое юношей. Там они скрывались три месяца, зимой, не зажигая огня. Иногда днём они ненадолго заходили погреться в турецкий дом. Трое других юношей стали чувствовать себя более уверенно после того, как к ним присоединился Арсений. Видя, как он постоянно молится, слыша, как он обращается к кому-то из них своим любимым приветствием: «Эй, благословенная душа!..» – они чувствовали, что с ними пребывает благословение и покров Бога. И действительно, однажды, когда в дом турка нагрянули с обыском, юноши чудом спаслись от ареста и гибели – благодаря смелому и находчивому поведению одного маленького турецкого мальчика.

⁵⁸ Ср. Евр. 11:38.

Во время Коницкого сражения

В декабре 1947 года, незадолго до большого сражения в Конице,⁵⁹ к городку стали в большом количестве стягиваться отряды ополченцев со всего Эпира. Видя это, Арсений подумал: «Эти люди голодны. Отнесу им немного хлеба». Он замесил тесто, выпек столько хлеба, сколько мог унести, и отнёс его ополченцам. Вначале те встретили Арсения с подозрением, однако потом в их сердцах отозвался его исполненный любви поступок. Арсений же давал им хлеб так, словно отдавал его в руки Самого Христа, и они это почувствовали.

На рассвете святого дня Рождества Христова сводные отряды ополченцев начали штурм Коницы. В следующие несколько дней маленький эпирский городок превратился в страшное поле битвы. Улицы были заполнены телами убитых горожан, и даже родные боялись забирать их для погребения. Арсений вместе со священником и пономарём собирали тела убитых и относили их к кладбищенской церкви. Слыша свист мины, они падали на землю, потом вставали и продолжали своё скорбное дело.

После победы Национальной армии одно из её подразделений получило приказ «зачистить» всех коммунистов в городе. В каком бы месте города ни оказывался Арсений в страшные дни исполнения этого приказа, он с мужеством исполнял заповедь святого апостола Павла, сказавшего: *Никто не ищи своего, но каждый – пользы другого.*⁶⁰ Видя, как солдаты ведут расстреливать целые колонны не сделавших никому ничего плохого людей, виноватых только тем, что они коммунисты, Арсений грудью становился на их защиту и умолял: «Остановитесь! Что плохого сделали эти люди?»

⁵⁹ В конце 1944 года Греция избавилась от фашистской оккупации преимущественно благодаря действиям Народно-освободительной армии (ЭЛАС). Однако страна не получила независимости, а оказалась под контролем Великобритании и США. Началась гражданская война, в которую были вовлечены правительственные войска, разрозненные армии и партизаны. Войска ополчения ЭЛАС были оттеснены в северные районы Греции, на границы с Албанией и Югославией, от которых они получали поддержку. Правительственные войска контролировали Коницу, но ополченцы ЭЛАС хотели этот город сделать столицей своего независимого государства. Ожесточённая, но безуспешная осада этого города началась 25 декабря 1947 года и продолжилась 12 дней – до 6 января 1948 года.

⁶⁰ 1 Кор. 10:24.

Коница (фотостудия П. Цингулиса, Коница)

В один из этих страшных дней Арсений увидел, как лейтенант Национальной армии держит список с именами коммунистов и просит одного местного жителя пойти с ним и показать их дома. Тот боялся и говорил, что не знает, где живут эти люди. Тогда Арсений, желая выпутать его из трудной ситуации, сказал лейтенанту: «Я покажу вам их дома. Я работал у них столяром вместе со своим мастером». Лейтенант обрадовался, нагрузил на Арсения гранатомёт и несколько гранат, и они двинулись по Конице – разрушать дома коммунистов. Однако, как только они останавливались напротив какого-то дома, Арсений говорил: «Нет, здесь коммунисты не живут! Здесь, наоборот, живут те, кто против коммунистов!» Наконец, когда они стояли напротив одного дома, лейтенант понял, что Арсений водит его за нос, и стал заряжать гранатомёт. «Он против коммунистов! Он против коммунистов! – повторял Арсений и добавлял: – А ещё у него девять детей». Однако видя, что лейтенант уже готовится выстрелить, Арсений бросился в дом и в последнюю минуту вытащил на улицу всех, кто там находился – кого криками, а кого и за шкуру. Через несколько мгновений гранатомёт выстрелил – и дом рухнул. Так в последний момент были спасены десять человек.

После этого лейтенант стал заряжать гранатомёт, чтобы разрушить другой дом. Арсений умолял Бога ему помешать. И вот, видимо, по невнимательности лейтенанта, произошёл преждевременный разрыв снаряда, и лейтенант упал, обливаясь кровью. Арсений взвалил его на плечи и отнёс в госпиталь. Вся одежда Арсения была в крови, и когда он возвращался домой, патруль задержал его как подозрительное лицо, но, выяснив, в чём дело, отпустил. «Конечно, – вспоминал потом преподобный старец, – всё то, что я тогда делал, было умопомешательством. Но Бог сделал так, чтобы я остался в живых. Если ты не боишься, но радуешься тому, что своей смертью спасёшь от смерти другого человека, Бог устраивает всё так, чтобы ты остался в живых».

Глава III. Военная служба

Местность между Криаци и Элатоврис

В Центре подготовки молодого бойца

В апреле 1948 года Арсений был призван в ряды Вооружённых сил Греции и начал проходить срочную службу. Вначале его на два месяца отправили в Центр подготовки молодого бойца в Триполис.⁶¹ Обучение там было жёстким. Однако эту «жесткость, высекающую искры отваги» преподобный старец часто вспоминал потом с благодарностью. «Чем жёстче были инструкторы в учебке, – говорил он, – тем отважнее были потом солдаты в бою. И чем больше пота лилось со спин новобранцев во время учений, тем меньше крови проливалось на войне». Этими словами преподобный хотел подчеркнуть, что в духовной жизни тоже необходимы как правильная «подготовка молодого бойца», так и любочестный подвиг.

В учебке Арсения назначили старшим над другими сорока новобранцами. Их группа относилась к Управлению военно-церковной службы и называлась «Команда В-10». Солдаты, входившие в неё, собирались раз в неделю, и Арсений читал им отрывки из Евангелия. Однажды нескольких солдат из этой команды ложно обвинили в краже молока с продовольственного склада части. Командир вызвал к себе Арсения и накричал на него: «В Учебном центре столько солдат, но никто из них не додумался молоко воровать – кроме вас, церковников!.. Даю десять дней, а потом ваша команда будет расформирована!» Арсений собрал команду, передал приказ командира и добавил от себя: «Давайте помолимся. Если Богу угодно, чтобы нас расформировали, пусть расформируют. А если нет на то воли Божией, ничего они с нами сделать не смогут». Бог не замедлил с ответом. Во-первых, через пять дней выяснили, что никто из членов церковной команды к краже молока не причастен. А во-вторых, командир Центра получил срочную телеграмму из Генерального штаба с требованием усилить «Команду В-10». Командир вновь вызвал Арсения, извинился перед ним и приказал: «Сделай всё возможное, чтобы усилить команду, боец! Начальство требует».

⁶¹ *Триполис* – город в Греции, центр Пелопоннеса.

В Пехотной школе связи

После курса молодого бойца и сдачи устных экзаменов Арсения распределили в войска связи. Это было чудом святой Варвары, которую он просил перед призывом так: «Святая моя Варвара, пусть на войне будет опасно, только помоги мне, чтобы я никого не убил». И вот, хотя многие из его сослуживцев по учебке были более образованны, их отправили на передовую простыми пехотинцами. А Арсения, который отучился в одной лишь начальной школе, взяли в радисты. Сослуживцы были уверены, что у него есть какой-то сильный покровитель в Генеральном штабе, и заставляли Арсения в этом признаться. Он отнекивался, но когда те настаивали, отвечал: «У меня действительно есть Покровитель, только не в Генеральном, а в другом Штабе. И зовут этого Покровителя – Христос».

Для освоения воинской специальности радиста Арсения направили в Салоники, в Пехотную школу связи. Обучали там по сокращённой программе, чтобы курсанты как можно быстрее отправились на фронт. Вместо полугода учёба продлилась три месяца – с июня по сентябрь 1948 года. Вначале Арсению с его шестью классами школы пришлось нелегко. Однако он быстро полюбил специальность радиста и потом часто сравнивал службу радиста с молитвенным деланием. «Как радист чувствует себя более уверенно, находясь на постоянной связи с Центром, – говорил преподобный, – так и человек молящийся: чем больше он молится, тем увереннее себя чувствует».

В расположении Школы Арсений вёл себя с духовной тонкостью и чуткостью, которые стяжал к тому времени постоянным наблюдением за собой. Один курсант часто просил у него денег, якобы для того, чтобы отсылать их своей жене. Арсений давал. Другой курсант, заметив это, стал отговаривать Арсения: «Не давай ему денег! Никакой жене он ничего не посылает – ещё и сам у жены просит, чтобы она ему прислала!» Однако Арсений продолжал давать деньги. Он считал, что если перестанет их давать, его сослуживец станет ещё больше опустошать карман своей жены. Но, давая ему деньги, Арсений старался задеть его любочестие и говорил: «Вот, пошли это твоим детям». Он верил, что эти слова западут в душу его сослуживца и тот будет хоть немного помнить о своих детях.

Каждый день курсанты Школы пели патриотические песни, которые трогали и воодушевляли Арсения. Потом он вспоминал: «В армии мы пели солдатские и патриотические песни: и когда шли на учения, и когда возвращались в казармы. Патриотическая песня укрепляет любовь человека к Родине, воодушевляет его и делает более решительным. Похоже на церковные песнопения – сердце человека, который их поёт, охватывает огонь, он приходит в состояние духовного умиления и божественного радования».

Однажды курсанты их роты, желая подшутить над командирами, договорились, что в следующий раз при команде «Запевай!» они будут лишь открывать и закрывать рты, но при этом не издадут ни звука. Арсению они об этом ничего не сказали, зная, что он всё равно не согласится на эту проделку. Когда офицер приказал запевать песню «На Пинда греческих вершинах»,⁶² запел только Арсений. Офицер приказал всей роте, кроме Арсения, бегать по периметру плаца. На каждом углу плаца он поставил сержантов и велел бить пробежавших широкими солдатскими ремнями. Арсений побежал вместе с ротой, не желая себе никаких поблажек и предпочитая пострадать вместе со всеми. Стояло ужасное июньское пекло, солдатские гимнастёрки можно было выжимать от пота. Вдобавок Арсений был очень истощён, потому что и в армии он не ел ничего мясного. Ротный выкрикивал его имя, фамилию, потом кричал: «Плотник, немедленно выйти из строя!» – но Арсений продолжал бежать вместе со всеми, пока не упал. «А вот сейчас, курсант, надо тебя вздуть! – сказал ротный. – За то, что

⁶² Греческий военный марш середины XX века.

ты не подчинился приказу и бегал вместе со всеми!» Однако в другой раз, когда ротный приказал петь какую-то легкомысленную песенку, Арсений отказался и с дерзновением ответил ротному: «У таких песенок с любовью к Родине нет ничего общего».

Когда Арсению на несколько часов давали увольнительную, он шёл в район, где жили беженцы из Фарас. Там он узнал много новых подробностей из чудесного жития Хаджефенди. Некоторые из этих беженцев были «живыми свитками жития преподобного Арсения», с благоговением хранившими в себе сказанное и сделанное святым.

Получив краткосрочный отпуск, Арсений исполнил своё заветное желание и впервые в жизни посетил Святую Афонскую Гору. Он посетил монастырь Филофей, одним из насельников которого был его родственник, бывший житель Фарас, иеромонах Симеон. На корабле по Промыслу Божию Арсений познакомился с добродетельным старцем, иеромонахом Кириллом из Кутлумушского скита.⁶³ Эта встреча произвела на Арсения особое впечатление. Семь лет спустя старец Кирилл на большой срок примет его под своё духовное руководство.

⁶³ См. *Старец Паисий Святогорец. Отцы-святогорцы и святогорские истории*. С. 126–129.

«Буйная рота»

В октябре 1948 года Арсений закончил обучение воинской специальности и в качестве радиста был зачислен в разведроту, располагавшуюся в городе Агринион.⁶⁴ Эта рота была освобождена от строевой подготовки, изучения устава и тому подобного. Её задачей был поиск и уничтожение отрядов ополченцев в горах Центральной и Западной Греции. О том, как героически рота-невидимка выполняла боевую задачу, преподобный старец вспоминал позже, когда, будучи монахом, он стал невидимым для посторонних глаз героем Христовым. Через сорок лет преподобный Паисий напишет: «Помпезность и трезвон не помогают добиться даже мирской цели. На войне я служил в отдельной разведроте, и мы всё время скрывались: то за горками, то под горками. На параде строевым шагом за всю войну я не прошёл ни разу».

Разведроту, где служил старец, прозвали «буйной», поскольку её офицеры, а также многие из солдат были смельчаками «с сумасшедшей жилкой». Они воевали мужественно, не беря в расчёт опасности и злоключения. Такая же «сумасшедшая жилка» была и у Арсения, который всегда был готов совершить жертву ради Бога и ближнего.

В начале суровой зимы 1948/49 года рота разбила лагерь недалеко от вершины горы Ома́лия, на высоте около 1 800 метров от уровня моря. Эта гора была естественным наблюдательным пунктом, откуда можно было контролировать почти всю горную область вокруг Навпáкта.⁶⁵ Там в ночь на 21 ноября лагерь накрыла страшная снежная буря. За несколько часов завалило много палаток, и большинство солдат оказались заживо погребёнными под снежными завалами.

Поняв, что рота находится в опасности и может остаться под снегом и льдом навсегда, Арсений побежал к командиру. Тут же забили тревогу, и немногие солдаты, оказавшиеся не под снегом, побежали раскапывать остальных. Но снег валил не переставая. С каждым часом обмороженных становилось больше и больше, и ротный врач как мог пытался их спасти. Арсений, несмотря на то что снег залеплял ему лицо и почти не давал дышать, не останавливаясь, работал мотыгой – насколько позволяли обледеневшие руки. В ту ночь он выкопал из-под снега двадцать шесть обмороженных. Одновременно изо всех душевных сил он горячо просил Бога прислать им помощь. И помощь не замедлила: в утренних сумерках солдаты увидели, как к ним поднимаются три крестьянина из близлежащей горной деревни Элату́. За плечами у них были огромные бутылки с домашней водкой. С помощью этой водки ротный врач смог привести в чувство и вернуть к жизни обмороженных солдат. В сопровождении крестьян рота пошла вниз, в деревню, где жители разобрали солдат по своим домам и их отогрели. Потом преподобный старец часто вспоминал ту тяжёлую ночь и говорил: «В тех снегах я чувствовал огромную, ни на что не похожую радость. Это была радость жертвы».

⁶⁴ *Агринион* – город в Западной Греции, крупнейший населённый пункт области Это́лия и Акарна́ния.

⁶⁵ *Навпáкт* – город в Греции, второй по величине в Этолии и Акарнании.

Село Элату под горой Омалия (фото Хрисанфы-Василики Боца, Афины)

Отогревшись, рота спустилась ниже, чтобы до конца зимы встать лагерем на высоте Макривалто, иначе называемой «Святой Иоанн» – по находившейся там церковке Честного Иоанна Предтечи. Эта высота тоже имела выгодное тактическое положение. Ротный приказал солдатам рыть в земле глубокие ямы, застилать их брёвнами, сверху покрывать досками и листами жести. В углу крыши было отверстие для выхода дыма – солдаты могли разводить в этих блиндажах огонь и греться.

Досок для блиндажей не хватало, и ротный послал за ними Арсения в одну из расположенных неподалёку деревень, жители которой почти все ушли, боясь ополченцев. Председатель сельской общины предложил разобрать заборы и сараи, но у Арсения не поднялась на такое дело рука, и он отказался. Он считал варварством рушить хозяйство людей, которые столько лет страдали от войны, а сейчас были вынуждены даже оставить свои дома. Арсений вернулся в лагерь с пустыми руками и предложил ротному отправить в центр радиogramму с просьбой привезти им доски. «Тебе даже такое простое дело нельзя поручить!» – рассердился офицер и послал за досками других солдат.

Однако когда блиндаж, в котором находилась радиоточка, заливало водой и Арсений, укрывая и налаживая технику, промокал до нитки, ротный говорил ему:

– Я спокоен, когда ты делаешь эту работу. Но мне жалко глядеть, как ты мучаешься. Пусть второй радист тоже помогает!

– Господин командир, мне всё это только в радость! – любознательно и решительно отвечал Арсений, заставляя командира гордиться, что в его роте служит такой солдат.

Запасов продуктов не хватало, и Арсений, желая, чтобы сослуживцам досталось больше, брал себе как можно меньше. Мяса он никогда не ел. Когда раздавали молоко, он отдавал свою порцию тем из сослуживцев, кто выглядел слабее других. Единственное, что растроивало Арсения, – так это то, что он не мог поститься безусловно, поскольку готовили

в роте на животном жире. Поэтому часто он довольствовался солдатской галетой – настолько сухой, что её тяжело было разбить даже камнем. Во время приёма пищи Арсений, стараясь остаться незамеченным, садился в сторонке и грыз свою галету, думая о Хаджефенди, который питался ячменными лепёшками. А когда кто-то из солдат жаловался хлеборезу на маленькие порции, тот отвечал: «Да вы бы лучше на Арсения посмотрели! Ему что ни дай – всегда доволен. Он что, не такой же солдат, как и вы? И в службе молодец, и никогда ничего не просит».

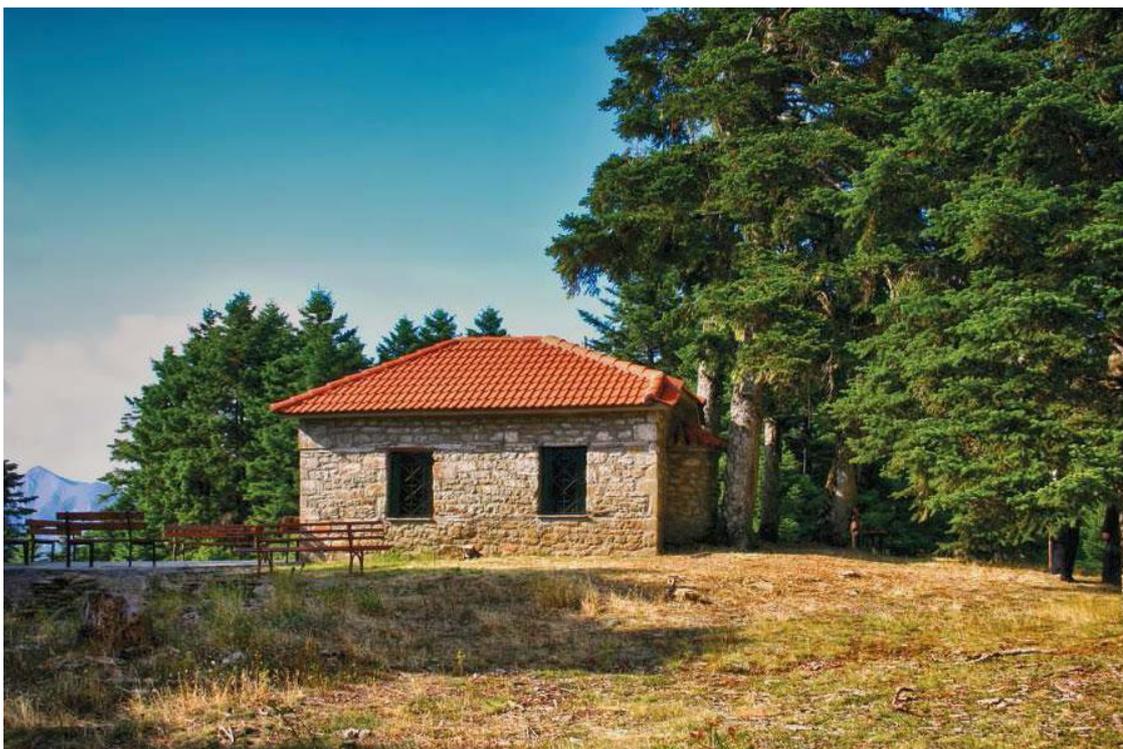
Также Арсений был образцом нравственной безупречности. Часто одним своим присутствием он спасал девушек от неподобающего поведения солдат. А однажды произошло и следующее чудесное событие. Зимой солдаты его роты брали в соседних деревнях мулов для перевозки грузов. Вместе с мулами на работы забирали и местных крестьян: и мужчин, и женщин. Однажды, когда крестьяне с мулами были недалеко от Макривалто, наступила ночь, а дороги были завалены снегом. Крестьяне соорудили шалаши из еловых ветвей и стали устраиваться в них на ночлег. Один из солдат залез в такой шалаш и начал приставать к местной девушке. Он приставал к ней так настырно, что она была вынуждена выбежать из шалаша и ночью по колено в снегу уйти куда глаза глядят – лишь бы подальше. Одна старуха из той же деревни пошла по её следам и нашла её под навесом церкви Честного Предтечи. Дверь была закрыта, и внутрь зайти они не могли. Однако Честной Предтеча не оставил их без помощи. Он явился Арсению, который в это время спал, и велел ему как можно быстрее бежать к храму. Арсений побежал и нашёл возле храма окоченевших от холода и стоявших по колено в снегу женщин. У него были ключи от храма, потому что он приходил туда зажигать лампадки. Он открыл дверь и завёл несчастных внутрь. Когда они рассказали ему, что произошло, он спросил девушку:

– Как же ты решилась ночью, в горах, одна идти сама не зная куда?

– Это было всё, что я могла сделать, – ответила девушка. – Я верила, что в остальном мне поможет Христос.

Тогда Арсений, не просто для того чтобы их утешить, а потому что ему действительно стало больно за них, сказал: «Всё! Закончились ваши муки. Завтра пойдёте по домам». И действительно, на следующий день пригнали солдат, те расчистили дороги, и крестьян отпустили по домам. Через много лет преподобный Паисий напишет: «Честной Предтеча позаботился о девушке, которой была небезразлична её честь, и привёл её в свою церковь, о существовании которой она даже не знала. Вот такие дочери Эллады должны быть её похвалой и чудесным примером для других».

Как только снег немного сошёл, рота начала выходить в многодневные горные рейды, чтобы ополченцы, зная о близости войска, оставили в покое деревни. В этих изнурительных рейдах не хватало ни воды, ни пищи, ни обмундирования. Иногда солдаты шли босиком по снегу и пили воду из следов от лошадиных копыт. Арсений совсем не думал о себе, но делал всё возможное, чтобы помочь другим. Второму радисту он не давал сопровождать мула, который перевозил большую рацию, чтобы уменьшить его риск быть убитым или раненым (радист рядом с гружёным мулом – лёгкая добыча для снайпера). Постоянно находясь с мулом, Арсений не мог отойти в лес, как другие солдаты, чтобы найти себе там что-то съедобное. Но несмотря на то, что он был совершенно истощён от голода, тяжёлые рации на мула и с мула он всегда грузил один. Иногда он носил их на собственной спине. Когда второй радист просил его разрешить что-то сделать и ему, Арсений отвечал: «Нет. У тебя жена и дети. Если тебя убьют, мне придётся отвечать за тебя перед Богом».

Часовня святого Иоанна Предтечи в Макривалто

Постоянные злострдания и великие трудности не пугали Арсения. Его не страшила даже опасность смерти, которой он часто подвергался во время боёв с отрядами ополченцев. Наоборот, это обостряло в нём чувство, что он находится под покровом Бога. Кроме того, он и за жизнь свою не цеплялся, предпочитая, чтобы в живых остался кто-то другой. Однажды, когда они готовились к бою, он вырыл себе одиночный окоп, в котором спрятался сам и укрыл рацию. Когда ополченцы начали обстреливать их позиции из миномётов, один солдат подполз к окопу и спросил: «Арсений, я влезу?» – «Залезай», – разрешил Арсений, но через несколько секунд с тем же вопросом подполз ещё один солдат. Чтобы дать место второму, Арсений вылез из окопа. Вокруг рвались мины. Вдруг Арсений почувствовал, как осколок, словно сильный порыв ветра, чиркнул его по голове. Каски на нём не было, только вязаная солдатская шапочка. Осколок сбрил волосы на его голове, оставив голую полоску в шесть сантиметров шириной. Но даже ожога не было – так хранил Арсения Бог.

А ещё Благый Бог исполнил одно желание Арсения, который всё, что у него было, раздавал другим. Исполняя слова: *Даст ти Господь по сердцу твоему*,⁶⁶ Он прислал Арсению в горы Евангелие. Своё Евангелие он раньше отдал одному своему сослуживцу, но через несколько дней, когда наступил Рождественский сочельник, подумал: «Будь у меня сейчас Евангелие, как бы оно мне помогло!» В самый день Рождества Христова в их роту пришли посылки от жителей города Месолонги⁶⁷ с гостинцами и подарками на Рождество. Посылка было 200, Евангелие – только в одной: в той, которая досталась Арсению.

⁶⁶ Пс. 19:5.

⁶⁷ Месолонги – прибрежный город в Этолии и Акарнании.

Рация спасает роту

В феврале 1949 года Национальная армия освободила от ополченцев город Карпениси. Рота, в которой служил Арсений, получила приказ дислоцироваться в городке Арахова в Навпактских горах и подключиться к обнаружению и уничтожению отрядов ополченцев. В одну из ночей на высоте недалеко от Араховы 180 солдат разведроты оказались окружены отрядами ополченцев, общей численностью 1 600 бойцов. Всю ночь рота отчаянно оборонялась, укрывшись за скалами. Арсений пытался установить антенну, чтобы связаться с Центром и попросить помощи. Один лейтенант кричал: «Брось ерундой заниматься! Помогай лучше таскать ящики с гранатами!» Арсений таскал ящики, но снова и снова возвращался к рации. Антенну постоянно сбивало пулями и осколками, и связь установить не удавалось. Наконец Арсению удалось связаться и прокричать в рацию несколько слов с их координатами и описанием тяжёлого положения. Этого оказалось достаточно: на рассвете прилетела штурмовая авиация и разбомбила ополченцев. Рота была спасена.

Потом преподобный Паисий приводил в пример этот бой, желая провести параллель между служением монаха и делом радиста. «Монахи, – писал он, – это радисты Матери-Церкви. И уходя подальше от мира, они делают это по любви. Удаляясь от мира, они удаляются от мирских «радиопомех» для того, чтобы быть в состоянии лучше установить связь с Богом. Так они помогают миру больше и результативнее. Некоторые архиереи и церковные чиновники требуют, чтобы монахи спускались с уединённых горных вершин и возвращались в мир, "чтобы ему помочь", но они ведут себя неразумно. Они похожи на тех не отличающихся великим умом военных, которые, видя, что их отряд окружён, истерично кричат, чтобы радист бросил рацию, схватил винтовку и начал стрелять вместе со всеми. Как будто ещё одна винтовка, прибавленная к уже стреляющим двум сотням, сможет что-то изменить. А радист воюет по-другому. Он срывает голосовые связки, крича в микрофон непонятные для других слова: "Приём! «Душа»!.. Приём! «Душа»!.." – а все вокруг думают, что он просто выбрасывает на воздух много пустых и ненужных слов. Только вот радисты не дураки и не обращают на это внимания. Они не слышат, как сослуживцы осыпают их ругательствами, но изо всех сил пытаются установить связь с Центром. Как только связь установлена, они просят немедленной помощи у Генерального штаба, и тогда становится понятно, что «Душа» – это позывной радиста. И помощь приходит – но уже не в виде лишней и по сути бесполезной винтовки, а целыми эскадрильями штурмовиков, бронетанковыми полками, до зубов вооружёнными линкорами и непотопляемыми эсминцами. Так люди спасаются из безвыходной ситуации».⁶⁸

⁶⁸ См. *Старец Паисий Святогорец. Письма*. М.: Святая Гора, 2008. С. 25. – *Здесь и далее, цитируя изданные творения преподобного Паисия и других святых отцов, мы зачастую не следуем старому переводу, но приводим свой, новый.*

«Пресвятая Матерь Божия, помоги мне стать монахом»

Прошло несколько дней, и разведрота получила приказ срочно выдвигаться на усиление батальона, который вёл бой недалеко от деревни Криаци.⁶⁹ Когда рота спускалась к горной речке ниже Криаци, стало понятно, что батальон разбит, все близлежащие высоты заняты отрядами ополченцев и рота почти окружена. Арсений получил срочную радиogramму из штаба с приказом остановить и вернуть назад крестьян, которые в сопровождении второго радиста и нескольких солдат на 90 мулах везли вслед за ротой тяжёлое вооружение и боеприпасы. Когда Арсений пытался выйти на связь со вторым радистом, адъютант командира роты кричал на него почти в истерике:

– Беги отсюда, ополченцы уже рядом!

– У меня приказ срочно передать радиogramму, чтобы крестьяне вернулись назад и не попали в ловушку, – отвечал Арсений.

– Раньше, чем ты её передашь, – кричал офицер, – ополченцы будут здесь и ты сам попадёшь в их руки!

Однако Арсений, не думая о том, что его могут убить, не двинулся с места и пытался передать радиogramму. Он находился в низине, и рация работала плохо. Наконец, когда он с огромным трудом передал сигнал, оказалось, что он остался один. Ополченцы уже видели его и окружали со всех сторон, стреляя вокруг него и желая взять его живым. Арсений тут же проглотил бумаги с шифрами и позывными, мгновенно распряг мула, взвалил на плечи рацию и побежал напролом сквозь кусты и деревья. Кольцо сжималось, ополченцы были не дальше чем в пятидесяти метрах от Арсения, он уже слышал обращённые к нему крики и смех воевавших на стороне ополченцев женщин: «Эй, солдатик, куда же ты! Иди к нам, не бойся!» Видя, что его вот-вот схватят и человеческими силами спастись невозможно, Арсений взмолился Пресвятой Богородице: «Матушка моя Пресвятая! Помоги мне стать монахом! Обещаю, что буду работать три года и восстановлю из руин Твой сгоревший монастырь Стóмион⁷⁰».

В это самое мгновение в зарослях Арсений вдруг наткнулся на одного солдата из разбитого ранее батальона. Тот много дней не брился, одет был в потрёпанную гражданскую куртку и внешне походил на ополченца. Сделав Арсению знак молчать, солдат выбежал из кустов и, маша рукой в противоположную сторону, закричал ополченцам: «Товарищи, бегом! Товарищи, бегом! Там мулы разбегаются, все туда – мулов собирать!..» Потом он схватил за руку Арсения и они побежали в противоположную сторону. Выскочив из леса, они пробежали по тропе, которая простреливалась со всех сторон, и укрылись в деревне Криаци. Там они нашли свою роту. Солдатские шинели были в дырах от пуль, но никто не был даже ранен. Жестокий бой продолжался всю ночь. Солдаты отстреливались и закидывали подступивших ополченцев гранатами, а радисты пытались на почти севших аккумуляторах связаться по рации с Центром и попросить помощи.

Утром прибыло подкрепление, и рота вышла из ловушки. Солдат, спасший Арсения, подошёл к нему и, улыбнувшись, сказал: «Да, брат Арсений, горазд ты чудеса творить!» Однако сам Арсений считал, что они были спасены чудесной помощью Честного Предтечи, память которого совершалась накануне. Было 25 февраля⁷¹ 1949 года.

⁶⁹ Это был 6-й лёгкий пехотный батальон. Командиром батальона был майор Браймис. Описываемый в тексте бой произошёл на границе Навпактских и Доридских гор, между сёлами Элатоврисы и Криаци, недалеко от горной речки Керасорема. См. карту Навпактских гор в конце книги. – *Прим. греч. изд.*

⁷⁰ Стóмион – монастырь в честь Рождества Пресвятой Богородицы, основанный в окрестностях Коницы в XV веке и пришедший в запустение к середине XX века.

⁷¹ 24 февраля по старому стилю – воспоминание Первого (IV в.) и Второго (452 г.) Обретения главы Честного Предтечи

«Ты устроишься лучше всех»

Вернувшись на базу, в село Макривалто, солдаты разведроты решили в благодарность за спасение купить для церквушки Честного Предтечи два больших красивых подсвечника. Арсений обошёл для сбора пожертвований и жителей села Злату и готовился отправиться за подсвечниками в Агринион, в магазин церковной утвари. А накануне один солдат из их роты совершил неудачную попытку «самострела» – он хотел покалечить себя, чтобы быть уволенным в запас и спасти свою жизнь от опасности. Этот солдат был родом из Эпира. У него была жена и много детей, и в жизни гражданской он зарабатывал какие-то гроши, играя на гитаре на свадьбах и в тавернах. Ротный приказал Арсению, который всё равно направлялся в Агринион, доставить под конвоем этого самострельщика и передать его в Военную прокуратуру в городе Месолонги, который находился по пути. Сослуживцы, узнав, что Арсений назначен конвоиром, усмеялись: «Отличного вы ему подобрали конвойного, ротный! Просто не человека, а живодёра какого-то!»

Когда Арсений с бывшим музыкантом спустились в Месолонги, тот упросил Арсения взять его с собой в Агринион, а в прокуратуру отдать на обратном пути. В Агринионе самострельщик стал всячески тянуть время и ныть, упрашивая Арсения зайти то к одним, то к другим своим знакомым. Арсений ходил вслед за ним, но в какой-то момент их остановил патруль военной полиции и, посмотрев сопроводительные документы, приказал немедленно отправляться в прокуратуру в Месолонги. Тогда Арсений с болью и любовью, от всего сердца пожелал бывшему музыканту: «Всё будет хорошо! Вот увидишь – ты устроишься лучше всех. Ротный пошлёт в прокуратуру рапорт и попросит их, чтобы тебя не слишком наказывали. Припишут тебя к какой-нибудь тыловой команде. И жив-здоров останешься, и ещё детям своим помогать будешь!» И действительно, когда они прибыли в Военную прокуратуру, оказалось, что там уже лежит рапорт от командира роты с положительной характеристикой на бывшего музыканта. Его даже не отдали под трибунал, но просто перевели поваром в Агринион, в Межвойсковой распределительный центр. Он перевёз в Агринион свою семью и кормил их тем, что оставалось от солдатских обедов. Либо Арсений предвидел всё это через дар прозорливости, либо «сработало» его исполненное любви молитвенное пожелание.

Через несколько дней ротный послал Арсения в город Навпакт – ремонтировать рации. На обратном пути Арсений проходил мимо храма, где в тот момент совершалось последование Акафиста. Арсению очень хотелось хоть ненадолго войти внутрь, но он не мог оставить без присмотра мулов, нагруженных рациями. Он всего пять минут постоял напротив входа в церковь, и вдруг ему стало обидно, он расплакался как ребёнок: «Пресвятая Матерь Божия, до чего же я докатился! Я ведь уже пять месяцев не был в церкви!» Было 11 марта 1949 года, пятница первой седмицы Великого поста.⁷²

На следующей неделе из Генерального штаба пришёл приказ о расформировании отдельной разведроты, в которой служил Арсений. Бойцам из уважения к их подвигам и безупречной службе было предложено выбрать себе любое место для дальнейшего прохождения службы.

Преподобный Паисий никогда не забывал тех бед и злоключений, через которые он прошёл вместе с «буйной ротой». «Эти злоключения, – говорил он потом, – помогли мне глубже почувствовать смысл монашеской жизни, «соль» которой – жертва и злострадания. Таких злостраданий, как в армии во время боёв и горных рейдов, в монашеской жизни у меня

⁷² По греческой традиции Акафист Пресвятой Богородице поётся не только на утрене субботы пятой седмицы Великого поста, но и разделяется на четыре части и поётся на повечериях пятниц первых четырёх седмиц Великого поста.

не было. Поэтому я всегда думаю: "Я перенёс такие злострдания в армии ради Отечества. А что сейчас, в монашестве, я делаю ради Христа? Если бы я сделал для Него хотя бы десятую часть от того, что делал на войне, то творил бы сейчас чудеса"».

Операции по «зачистке»

После расформирования бывший ротный взял с собой Арсения на новое место службы – в Окружное военное управление города Агринион. Вначале Арсения определили в маленький центр связи в Навпакте. Там по Промыслу Божию произошло знакомство Арсения с радистом Пантелисом Дзёкосом, родом с Керкиры. Надо сказать, что у Арсения были необычные по размеру и форме большие пальцы на руках. И вот он заметил, что у одного из его новых сослуживцев пальцы точно такие же, как у него. Однажды, когда Пантелис, склонившись над столиком в радиорубке, что-то писал, Арсений встал напротив и показал ему свои большие пальцы. Когда Пантелис поднял голову, Арсений спросил его: «А знаешь, что мы с тобой братья?» Когда удивлённый Пантелис ответил, что вообще-то он родом с Керкиры, сердце Арсения радостно забилося, потому что он вспомнил священную землю, в которой покоилось тело Хаджефенди. Но, конечно, главным образом Арсений выделил Пантелиса из числа других сослуживцев не из-за пальцев, а из-за того, что тот отличался искренностью, любочестием и благородством – душевными дарованиями, присутствующими самому Арсению и братски роднившими двух молодых людей.

Через несколько дней после знакомства, в начале апреля 1949 года, их обоих присоединили в качестве радистов к подразделению, выполнявшему операцию по «зачистке» от ополченцев горных районов Навпактии. Во время одного из боёв их взвод был вынужден отступить. Отступая, Пантелис споткнулся и с размаху упал на камни ничком. Рация, которая висела у него за плечами,⁷³ так сильно ударила его по спине и по голове, что он потерял сознание.

Когда весь взвод добежал до безопасной зоны и укрылся в окопах, Арсений увидел, что Пантелиса с ними нет. Он порывался бежать за товарищем, но другие солдаты держали его за руки и говорили: «Пантелиса убили. Не надо за ним возвращаться, а то и тебя убьют». Взводный, боясь, что Арсений, побежав искать друга, выдаст их местонахождение ополченцам, запретил ему высовываться из-за бруствера, угрожая в противном случае открыть огонь ему в спину. Но Арсений вырвался из рук сослуживцев, скинул рацию и, презирая опасность, вылез из окопа и побежал в сторону ополченцев. Кроме Бога его никто не прикрывал. Пробежав около трёхсот метров, Арсений увидел лежащего без сознания Пантелиса. Арсений взвалил на спину его и рацию и пополз обратно. Все солдаты с тревогой наблюдали за происходящим, боясь пошелохнуться, потому что ополченцы находились совсем рядом и в любую секунду могли открыть огонь. Но пока Арсений с Пантелисом полз, не раздалось ни единого выстрела. Когда Арсений затащил Пантелиса в окоп, взводный сказал: «Видно, твой святой тебя сильно любит, вот он тебя и спас. А ты спас своего товарища».

Когда Пантелис пришёл в себя и узнал, что произошло, он стал спрашивать у Арсения, кто из святых его покровитель. Арсений рассказал ему о святом Арсении, о его чудесах в Фарасах и погребении на Керкире. Исполненный благодарности Пантелис стал говорить Арсению, что дарит ему земельный участок на Керкире рядом со своим домом, что после войны они построят там Арсению дом и всю жизнь проживут рядом как братья. Но Арсений по секрету рассказал Пантелису, что как только закончится война, он уйдёт в монастырь и станет монахом. Так впоследствии и случилось: Арсений не принял предложения жить рядом с Пантелисом на Керкире и стал афонским монахом. Но зато пятьдесят лет спустя Пантелис стал монахом на Святой Афонской горе и получил имя Арсений.⁷⁴ До конца своих

⁷³ Вес переносной рации тех лет составлял примерно 10 кг. – *Прим. греч. изд.*

⁷⁴ В 2001 году в монастыре Симонóпетра. – *Прим. греч. изд.*

дней он питал огромную любовь и благодарность к своему другу и спасителю, и с годами эта любовь становилась сильнее и глубже.

А в Арсении становилось всё сильнее доверие силе молитвы. Когда в одном из следующих боёв их опять окружили ополченцы и весь взвод, прижавшись к земле, лежал в окопах, Арсений даже не пытался установить антенну радиации, чтобы вызвать подкрепление с воздуха. Вместо этого он, к изумлению всех, поднялся во весь рост и, воздев руки и взор к небу, сам стал «духовной антенной», через которую шёл молитвенный сигнал, призывающий *силу свыше*.⁷⁵ Пантелис, находившийся рядом и слышавший, как над их головами свистят пули, тянул его за гимнастёрку и кричал: «Ложись! Ложись!» Однако Арсений простоял, не шелохнувшись, пятнадцать минут, пока в небе не появились бомбардировщики Национальных воздушных сил и ополченцы не прекратили огонь.

Рейды по горам продолжались. Теперь едва ли не единственной заботой Арсения было идти на какую угодно жертву ради того, чтобы спасти и защитить своих сослуживцев. Однажды ночью ополченцы вырезали несколько солдат из их взвода, которые стояли в дозоре. После этого Арсений каждый день смотрел график нарядов и караулов и, если видел, что в дозор назначили кого-то из женатых, шёл к командиру и просил вместо них отправить в дозор его, хотя радисты от дозоров освобождались.

– Куда ты сам на рожон лезешь?! – не соглашался командир. – А если тебя убьют?

– Прошу вас, господин командир, – настаивал Арсений. – У него ведь дети. А я что так, что эдак, всё равно не усну: у меня за него сердце болит.

Иногда Пантелис вызывался идти в дозор вместе с Арсением и говорил:

– Если убьют, так обоих.

– Не бойся, – отвечал Арсений. – Бог сохранит – и не убьют.

И действительно, когда ночью в дозоре был Арсений, стояла тишина. Никто не стрелял и не нападал, и Арсений всю ночь мог горячо и от сердца молиться.

Когда была возможность, Арсений спрашивал разрешения у командира и уходил из лагеря ради большего безмолвия и возможности помолиться. Однажды Пантелис, заметив его отлучки, решил за ним проследить. Он увидел, как Арсений зашёл в глубь леса и остановился в уединённом, тихом месте. Осмотревшись и убедившись, что его никто не видит, он начал «духовно изливать» всё, что скопилось у него внутри. Он умирительно пел церковные песнопения и делал много земных поклонов. Потом он опускался на колени и какое-то время стоял так, с воздетыми вверх руками, потом опять вставал на ноги и продолжал поклоны.

⁷⁵ Ср. Лк. 24:49.

В Окружном военном управлении

Когда операции по «зачистке» в Навпактских горах закончились,⁷⁶ Арсения перевели в роту связи Окружного военного управления в Агринион. Рота располагалась в одном из зданий на главной площади города. В этом же здании находились кубрики радистов, и поэтому Арсений не выходил на улицу, за исключением посещений храма или каких-нибудь служебных надобностей. Другие солдаты, поняв его настрой, стали просить, чтобы он отсидел за них боевое дежурство. Некоторые вдобавок обманывали его, говоря, что в Агринион якобы приезжает их отец или сестра и надо пойти их повидать.

Арсений не разбирался, правда или нет то, что ему говорят, но с охотой выручал своих сослуживцев. В роте связи он обучился ещё и шифровальному делу и теперь мог заменять не только радистов, но и шифровальщиков. Он не сидел без дела: если линии связи молчали, брал веник, швабру и наводил порядок во всех помещениях. Из соображений секретности уборщицы в помещения связи не пускали. «Здесь несут боевое дежурство, – говорил себе Арсений. – Место, некоторым образом, священное, и потому оно должно быть всегда чистым и прибранным». Некоторые солдаты смеялись над ним и обзывали «золушкой» или «вечной жертвой». Однако ни один не сомневался в том, что Арсений – настоящий человек Божий.

В редкие свободные минуты Арсений садился где-нибудь в углу и читал книгу, избегая пустых разговоров. Другие солдаты обычно садились на балконе, который выходил на главную площадь, и часто звали Арсения посидеть вместе с ними на свежем воздухе. Но Арсений никогда не выходил на балкон. Однажды, когда по площади гуляли красивые девушки, сослуживцы шутки ради силой вытащили на балкон Арсения, чтобы он ими тоже полюбовался. Но духовно мудрый Арсений закрыл глаза, чтобы не дать места искушению. Постояв на балконе совсем немного, он вернулся внутрь.

Однако в другой раз любовь к ближнему заставила Арсения «покинуть затвор» и выйти на балкон. Один его сослуживец получил из дома письмо, в котором сообщалось, что его обручённая невеста его не дождалась и нашла себе другого. Солдат хотел наложить на себя руки. Арсений вывел его на балкон и сказал: «Смотри, какая погода хорошая! Пойдём на площадь, ноги разомнём? Тебе в какую сторону хочется прогуляться?» Они вышли на улицу, и всю прогулку Арсений с любовью и рассуждением разговаривал с сослуживцем. «Почему ты не думаешь о том, что могло получиться хуже, чем уже случилось? – говорил он. – Вот представь, что она бы тебя дождалась. Вы бы женились, у вас бы родились дети, а потом она взяла бы и выкинула то же, что и сейчас? Да Бог сделал для тебя доброе дело! Прославляй Его за это!»

Вечером одного воскресного дня сослуживцы вновь силой вытащили Арсения на балкон. «Эй, брат Акакий, – кричали они, – пойди послушай, что Венедикт говорит!» Площадь была полна народу, а с балкона гостиницы, находившейся напротив, в те минуты в громкоговоритель произносил пламенную проповедь отец Венедикт (Петракис).⁷⁷ Когда проповедь закончилась, Арсений пошёл взять благословение у отца Венедикта и познакомиться с ним лично. После этого каждый воскресный вечер он выходил на улицу, садился на скамеечку за зданием, где располагалась рота, и слушал проповеди отца Венедикта.

Некоторые из жителей Агриниона обращали внимание на светлое лицо благоговейного солдата. Хотя он жил в центре города и служил в роте связи Окружного военного управления,

⁷⁶ В мае 1949 года. – Прим. греч. изд.

⁷⁷ См. о нём: Αρχιμ. Χαράλαμπος Δ. Βασιλοπούλου. Βενέδικτος Πετράκης, # φλογερός #εροκήρυξ. #κδ. #ρθοδόξου Τύπου, #θήβαι, 1975. – Прим. греч. изд.

было заметно, что он *не от мира сего*.⁷⁸ Он уже был «радистом Божиим», то есть монахом, хотя ещё и без пострига. По ночам, когда сослуживцы засыпали, он тихо вставал, отходил в угол кубрика и совершал много земных поклонов. Иногда он молился, стоя на коленях на своей солдатской койке, с которой убрал матрас под предлогом, что на матрасе он не высыпается. Он продолжал поститься и не ел не только мясного, но и любой другой пищи, если она казалась ему вкусной.

⁷⁸ Ср. Ин. 8:23.

Болезнь. Коница

Работая почти без остановки, максимально ограничивая себя в сне и пище, Арсений совершенно выбился из сил. В сентябре сорок девятого у него целых двадцать дней держалась температура 39,5 °С, но он никому об этом не говорил. И однажды прямо на боевом дежурстве у него закружилась голова, и он упал без сознания. Словно сквозь вату он слышал, как сослуживцы кладут его на носилки и говорят: «Ну что, Венедикт, поехали на кап-ремонт». Арсения отнесли в госпиталь. Когда стали разбираться, оказалось, что он отсидел на боевом дежурстве шесть восьмичасовых смен подряд и всё это время совсем ничего не ел. Сослуживцы заходили на узел связи, видели, что он сидит перед аппаратурой, и уходили отдыхать. Арсений не захотел оставаться в окружном госпитале и попросил у командира роты связи дать ему отпуск в Коницу. Командир дал ему отпускной лист с незаполненной датой возвращения, сказав, чтобы он вернулся в роту, когда поправится. По дороге в Коницу Арсения остановил патруль военной полиции.

– Первый раз видим такой отпускной, в котором не написана дата возвращения в часть, – сказали они.

– Ну раз ротный выписал мне такую бумагу, значит, он уверен в том, что злоупотреблять его доверием я не буду, – ответил Арсений.

Придя в родной дом, Арсений никому не сказал, что болен. Но на следующий день его начало рвать кровью и он потерял сознание. Придя в себя, он почувствовал, что у него очень болит живот и он не может ступить и шага. В здании коницкой Школы земледелия в 1949 году располагался военно-полевой сортировочный госпиталь. Вызвали санитарную машину и отвезли туда Арсения.

В коницком госпитале Арсений пролежал 15 дней. Он был совсем измождён, и температура не спадала. Все палаты и даже коридоры госпиталя были заполнены искалеченными солдатами. На Граммосе⁷⁹ продолжались жестокие бои, и вертолётёты постоянно привозили в Коницу раненых. Однажды в госпиталь приехал с инспекцией генерал. Зайдя в палату, где лежал Арсений, он спросил его:

– Откуда родом, солдат?

– Местный, из Коницы, – ответил Арсений.

– Разумеется! Симулянт! – заорал генерал. – Другие на передовой кровь проливают, а он у мамки под боком больного из себя корчит! Три минуты на сборы – и вон из госпиталя!..

Арсений тут же поднялся, пошёл к начальнику госпиталя и попросил разрешения вернуться в свою часть. Военврач ответил, что в таком состоянии его если и вернут в армию, то только в какую-нибудь нестроевую часть. «Как в нестроевую часть! – возмутился Арсений. – Другие на передовой кровь проливают, а вы меня в нестроевую? Я здоров и готов немедленно вернуться к месту несения службы».

Уговорив врача, Арсений в тот же день выписался из госпиталя и написал письмо одному своему сослуживцу в Агринион: «Я, слава Богу, поправился. Единственное, что беспокоит, – это сильная слабость. Стоит немножко пройти – начинает кружиться голова. Мне дали ещё пятнадцать дней отпуска для поправки здоровья. Факт, что столько дней буду отсутствовать, меня удручает. Надеюсь, что эти дни пролетят побыстрее».

Когда Арсений был в Конице, участников боевых операций награждали орденами и медалями. Орден, который предназначался Арсению, получил вместо него один его сослуживец. Как только Арсений вернулся в Агринион, этот солдат подошёл к нему и, краснея,

⁷⁹ Граммос – одна из вершин в горах Пинд, неподалёку от границы с Албанией, в те годы – мощный укрепленный ополченцев.

сказал об этом. «Ну получил и получил, – ответил Арсений. – Зачем мне этот орден? Мне его и одеть-то некуда». Постигнув глубочайший смысл жизни ещё в раннем детстве, Арсений ни во что не ставил мирскую суету.

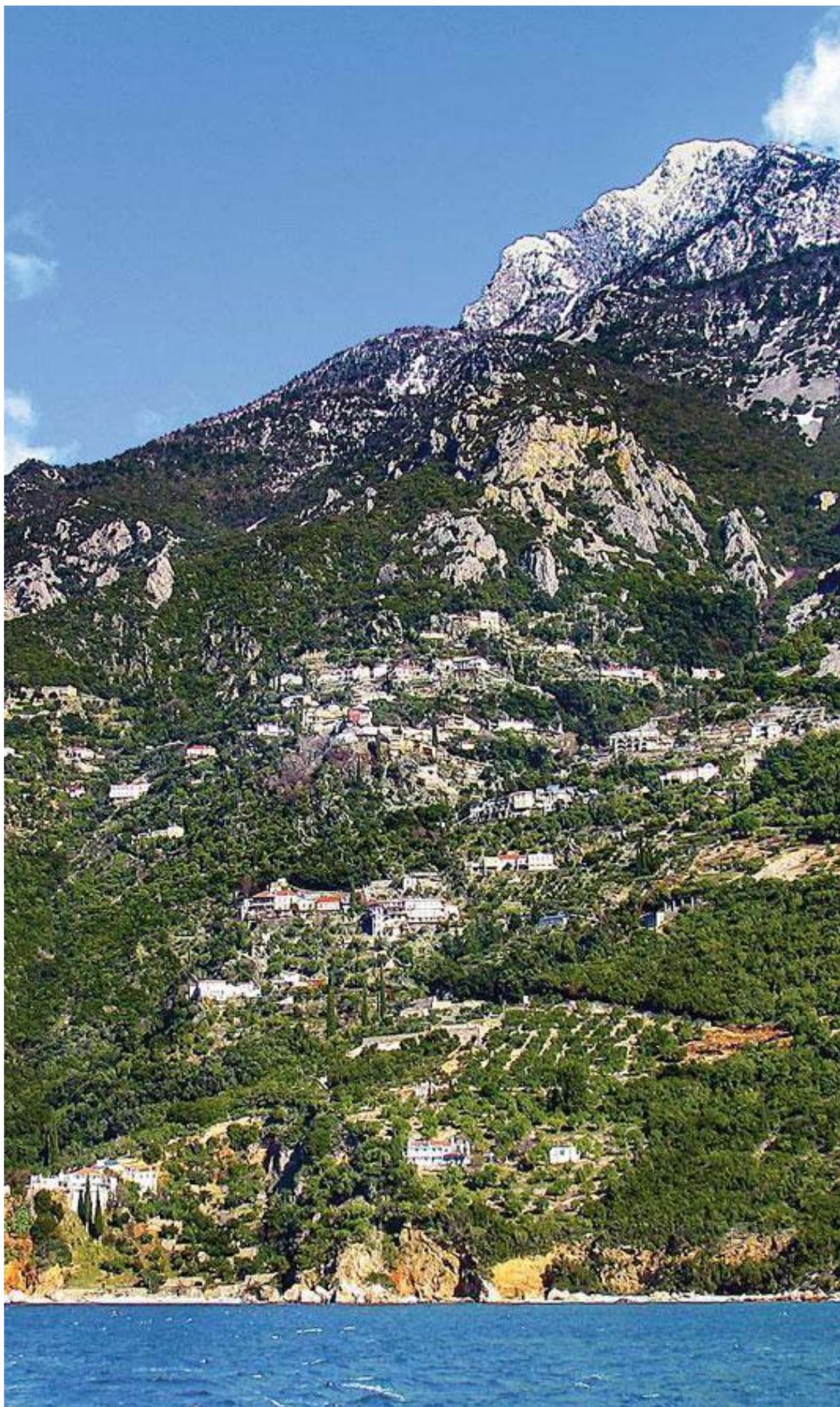
Увольнение в запас

Через пять месяцев, в марте 1950 года, Арсений был уволен в запас. Он получил демобилизационный лист в селении Макракоми, недалеко от города Ламия. Арсений уже решил, что, не заезжая домой, он напрямик направится на Святую Афонскую Гору. Когда он рассказал о принятом решении двум своим сослуживцам, те стали его уговаривать: «Так нельзя, Арсений! Неужели ты даже не заедешь домой, не проведешь своих родных, не дашь им на тебя посмотреть и порадоваться, что ты живой вернулся с войны? Съезди сперва маму обними, а потом поезжай, куда тебе вздумается!» Во время этих уговоров один из этих солдат даже вырвал из рук Арсения демобилизационный лист и сказал, что вернёт его Арсению только в Конице, куда поедет вместе с ним. Однако, проснувшись утром, этот солдат увидел на тумбочке записку Арсения, в котором тот просил у него прощения за то, что был вынужден выкрасть обратно свой демобилизационный лист. Арсений сел на поезд и поехал в Салоники. Поезда были переполнены возвращавшимися с войны солдатами: одновременно уволили в запас сразу несколько призывов. Когда поезд прибыл в Ларису, фронтовики хотели устроиться на ночлег в каком-нибудь из военкоматов, но все они были переполнены. Солдаты попробовали найти место в гостинице, но их даже не пускали внутрь, говоря: «После вас одеяла не отстираешь!» Ночью подморозило, и один офицер договорился с железнодорожным начальством, чтобы солдатам разрешили ночевать в теплушках, которые всю ночь перегоняли с одного пути на другой, формируя составы. Когда на следующий день поезд с Арсением и другими фронтовиками прибыл в Салоники, картина повторилась: военкоматы были переполнены, в гостиницы не пускали, и солдаты, которым надо было ехать дальше, ночевали на улицах.

Вспоминая о тех днях за несколько месяцев до своей кончины, преподобный Паисий говорил: «В те ночи улицы Ларисы и Салоник были полны молодыми ребятами, возвращавшимися с фронта. Бедные солдаты сидели на тротуарах, подпирали стены домов и магазинов и на холоде дожидались утра. Если бы там оказались их нынешние сверстники, то они бы сожгли всю Ларису, а впридачу разгромили бы и Фессалию с Македонией!⁸⁰ И нельзя сказать, что тем ехавшим по домам фронтовикам не было обидно. Обида была, только не было помысла сделать в отместку что-то плохое. А они ведь только что проливали кровь, сидели в снегах, жертвовали собой, многие были ранены и искалечены... И вместо последнего «спасибо» их оставили ночевать под открытым небом! Какой была молодёжь тогда – и какой она стала сейчас!.. Не прошло ещё и пятидесяти лет, но как изменились люди!»

⁸⁰ *Фессалия и Македония* – большие области с центрами в Ларисе и Салониках соответственно, занимающие суммарно примерно треть площади всей Греции.

Глава IV. Подготовка и искушения

Скит святой праведной Анны на Святой Афонской Горе (из книги «# #γιος Νέος #σιομάρτυς #λαρίων», #γιον #ρος, Σελ. 97)

Искания на Святой Афонской Горе

Отслужив царю земному, Арсений спешил встать добровольцем в ряды ангельского монашеского полка, чтобы служить Небесному Царю Христу. Однако с самого начала он встретил на своём пути трудности и искушения. Об этом словами премудрого сына Сирахова предупреждает Священное Писание: *Если ты приступаешь служить Господу Богу, то приготовь душу твою к искушению.*⁸¹

Прибыв на Святую Афонскую Гору, Арсений сразу пришёл в идиоритмический⁸² тогда монастырь Филофей, одним из насельников которого был его родственник, иеромонах Симеон. Однако в Филофее Арсений задержался совсем ненадолго. Там он встретил не «суровое житие», которого ждал, а определённый комфорт и расслабление. Арсений был уверен, что монахи питаются одной лишь травой, и даже специально привёз с собой на Афон перочинный ножик, чтобы её собирать. Но в Филофее он увидел, как отец Симеон готовит в своей келье вкусные блюда и даже иногда нарушает пост. Причина этого была в том, что в идиоритмических монастырях не было общей трапезы, вдобавок отец Симеон недавно переболел туберкулёзом и нуждался в калорийной пище. Но Арсений по юношеской ревности и неопытности не мог найти этому оправдания. «Чего я жаждал – и как обжёгся! – сокрушался он. – Куда мне теперь идти? Что мне теперь делать?»

Тем временем отец Арсения, узнав, что тот находится в монастыре Филофей, прислал ему письмо с просьбой вернуться в Коницу и помочь семье. Братья Арсения всё ещё служили в армии. Отец писал, что еле сводит концы с концами и из-за этого даже начал распродавать принадлежащие семье поля. Однако Арсений не хотел возвращаться к мирским заботам. Он от сердца желал найти пригодное место или, лучше сказать, духовное поприще, чтобы начать на нём духовные подвиги, согласно слову Апостола: *Никакой воин не связывает себя делами житейскими, чтобы угодить военачальнику.*⁸³ Он ушёл из Филофея и начал обходить святогорские скиты и каливы⁸⁴ в поисках старца, о котором получил бы внутреннее извещение. Эти искания привели Арсения в скит святой Анны, потом в скит Кавсокаливия и, наконец, на пустынные Катунáки.

⁸¹ Сир. 2:1.

⁸² *Идиоритмический* (особножительный) монастырь по уставу сильно отличается от киновийного (общежительного) монастыря. В идиоритмическом монастыре братья не выбирают игумена, могут иметь личную собственность, собираются на общую трапезу только по праздникам, получают от монастыря деньги за послушания. В середине XX века многие обители на Афоне были идиоритмическими. Монастырь Филофей сменил устав с идиоритмического на общежительный в 1973 году. Последний идиоритмический монастырь Святой Горы (Пантокрáтор) был преобразован в общежительный в 1992 году.

⁸³ 2 Тим. 2:4.

⁸⁴ *Кали́ва* (греч. *καλίβα* – хижина) – небольшой отдельно стоящий домик, где живут один или несколько монахов. В каливе обычно нет храма, и калива, в отличие от келии, не имеет собственной земли. Каливы и келии объединяются в скит.

Утешение от отшельника

Однажды во время этих скитаний уставший Арсений возвращался из Кавсокаливии в скит святой Анны. Заблудившись, он пошёл по тропе, которая вела не в скит, а к вершине Афона. Пройдя уже довольно долго, Арсений понял, что забрёл не туда, и стал с тревогой искать тропу, ведущую вниз. Он просил Пресвятую Богородицу ему помочь. Вдруг он увидел перед собой монаха-отшельника. Это был старец лет семидесяти со светлым лицом. Глядя на него, Арсений подумал, что это, должно быть, святой. Он был одет в совсем выцветший и прохудившийся подрясник из грубой морской парусины. Чтобы подрясник совсем не расползся, многие дыры вместо булавок были прихвачены какими-то щепками. На висевшей у него за плечами монашеской торбе тоже не было живого места, и «заштопана» она была так же, как и подрясник. На груди старец носил жестяную баночку, подвязанную на верёвочку, – видимо, с чем-то священным. Арсений не успел вымолвить ни слова, как старец сказал:

– Сынок, по этой тропинке до святой Анны не дойдёшь, – и показал ему правильный путь.

– Геронда,⁸⁵ а где ты живёшь? – спросил Арсений.

– Здесь, неподалёку, – ответил старец, махнув рукой в сторону афонской вершины.⁸⁶

Арсений, бродя по пустынным местам Афона, потерял счёт времени и не помнил ни какое сегодня число, ни какой день недели. Когда он спросил об этом у старца, тот ответил, что сегодня пятница, потом вынул из торбы какую-то тряпочку, развернул её и достал несколько палочек с насечками. Поводя пальцем по этим насечкам, старец назвал Арсению месяц и число. Арсений взял у старца благословение, пошёл по тропе, которую тот показал, и спустился в скит святой Анны. Однако его ум постоянно возвращался к светлому лицу таинственного отшельника. Позже, услышав о предании, согласно которому недалеко от вершины Афона невидимо от посторонних глаз живут двенадцать отшельников, Арсений рассказал об этом случае опытным святогорским старцам. Те ответили, что, возможно, встреченный им отшельник был из их числа. Встреча с отшельником, излучавшим благодать Божию, утешила Арсения, усилила огонь его ревности, и он продолжил поиски духовного руководителя.

⁸⁵ Геронда (от греч. γέροντας – старец) – типичное в Греции обращение к старцу.

⁸⁶ Высота вершины Афона составляет 2033 м над уровнем моря, и вблизи неё нет обитаемых келий или иного жилья.

В скиту святой Анны. Калива Сретения Господня

Арсений ещё долго ходил от каливы к каливе. Он очень устал и измучился, поскольку в поисках духовного руководства по неведению заходил в каливы нерассудительных зилотов.⁸⁷ Он думал, что этих монахов называют «зилотами», поскольку они отличаются от других особой ревностью и подвигами, и не знал, что некоторые из них уклонились в крайности и впали в прелесть, поскольку ревность их была *не по разуму*.⁸⁸

Наконец в один из весенних дней Арсений увидел на пристани скита святой Анны молодого монаха. Тот стоял в стороне, держал в руках чётки и ожидал корабль в Да́фни.⁸⁹ Строгий вид и скромное поведение молодого монаха побудили Арсения подойти к нему и спросить, где он живёт. Монах показал рукой на скалы, нависшие над скитом, – за ними скрывалась от посторонних глаз подвижническая келья, в которой он жил со своим старцем.

– Возьмёшь меня в ваше братство? – спросил Арсений.

– Не могу ответить ни «да», ни «нет», – ответил монах. – Я ведь послушник. Пойдём, спросим у старца?

И вот, вместе с новым знакомым Арсений поднялся в аскетическую каливу Сретения Господня,⁹⁰ отстоявшую в четверти часа ходьбы от последней каливы скита святой Анны. Это была абсолютно уединённая и невидимая никому келья. Не зная о её существовании, найти её было бы невозможно. Старцем этой подвижнической кельи был строгий исихаст, уже пожилой отец Хризостом Самиос.⁹¹ Отец Хризостом принадлежал к одному из ответвлений умеренных зилотов. Жил он вдвоём с послушником – монахом Никодимом, который и привёл сюда Арсения. Услышав, что Арсений хочет остаться в их келье, старец Хризостом оглядел его, помолчал и сказал: «Если хочет, пусть остаётся. Даст Бог, с помощью Царицы Небесной, утвердится на иноческом пути». Арсений настолько глубоко проникся безмолвной пустынностью этого места и благоговением старца, что тут же отдал ему все привезённые с собой деньги. Старец взял деньги и, по традиции многих афонских старцев, положил их на видное место возле входной двери, сказав Арсению: «Видишь, где лежат? Захочешь уйти – заберёшь с собой».

В этой аскетической каливе господствовал дух простоты. Хотя старец Хризостом был превосходным строителем и искусным камнетёсом, стены его каливы были сложены совсем просто – из камней без раствора. Крыша была устроена из деревянных балок, на которых лежали каменные плиты. В каливе была маленькая церковка в честь Сретения Господня и три келейки – настолько крохотных, что каждая вмещала лишь узкую деревянную койку и скамеечку. Из маленького дворика каливы можно было увидеть только скалы и небо. Восточнее каливы, среди скал, был лаз в маленькую пещеру – там уединялся на молитву отец Хризостом. В пещере не было ничего, кроме деревянного Распятая.

Жизнь в этом строгом и первобытном месте, почти что орлином гнезде, была по-настоящему аскетической. Огорода не было: кругом скалы и ни кусочка плодородной земли. Да и воды тоже не было – кроме той малости, что собиралась после дождей в маленький каменный резервуар. Этой дождевой воды едва хватало для питья и приготовления немудрёной пустынной трапезы. В понедельник, среду и пятницу в братстве вкушали один раз в

⁸⁷ *Зило́ты* (от греч. ζήλω – ревновать, страстно желать) – «ревнители чистой веры», не поддерживающие молитвенного общения со Вселенской Патриархией по причине её экуменических контактов и перехода на новый календарный стиль.

⁸⁸ Рим. 10:2.

⁸⁹ *Да́фни* – главный порт Святой Горы на юго-восточной стороне Афонского полуострова, место расположения афонской таможни и подразделения береговой охраны ВМФ Греции.

⁹⁰ Сретенская калива уничтожена пожаром, и от неё остались одни лишь руины. – *Прим. греч. изд.*

⁹¹ *Са́миос* здесь означает «уроженец острова Самос».

день просто варёную фасоль. В другие дни недели тоже ели что-то из бобовых, добавляя в пищу чуть-чуть оливкового масла. Тесто для хлеба месили в деревянной квашне. Она была сделана из куска бревна и вся поедена древесным жучком. Маслины не ели, потому что масличных деревьев у них не было, а сыр появлялся очень и очень редко, когда торговцы привозили его на скитскую пристань.

Стремление к священному безмолвию определяло распорядок их дня. В два часа ночи они поднимались и совершали келейное монашеское правило. Обоим послушникам старец Хризостом определил такое правило: двенадцать чётков-трёхсотниц с поясными поклонами и сто земных поклонов. Однако он дал им благословение делать и больше поклонов, если есть силы. В пять утра они собирались в церковь и совершали полунощницу и утреню, иногда читая их по книгам, а иногда – совершая по чёткам. Каждое утро пелся молебный канон Пресвятой Богородице, а в конце вечерни – канон из Феотока́рия.⁹² После повечерия никаких разговоров уже не было. Каждый творил молитву Иисусову наедине и отходил ко сну.

Однажды вечером Арсений сидел на камне недалеко от каливы и творил молитву Иисусову. Вдруг он услышал, как диавол, словно дразня его, что-то мычит и бурчит в ритм молитвы. Потом он услышал, как диавол истошным голосом завопил: «Не дают мне монахи подойти к скиту старухи!»⁹³ Потом преподобный Паисий рассказывал, что этот случай очень помог ему, потому что он понял, насколько великой силой обладает молитва Иисусова.

Читали в братстве «Древний патерик» и «Добротолюбие». Рукоделием отца Хризостома было изготовление чётков из морских ракушек. Иногда его приглашали в какие-то кельи для строительных работ. Отец Никодим вытачивал на токарном станке разные деревянные поделки, а Арсений ему помогал. Постеснявшись сказать, что он хорошо знает это ремесло, он просто сидел рядом и крутил колесо токарного станка.

Арсению была очень по душе простая аскетическая жизнь в Сретенской каливе. Однако ему крайне не хватало большей духовной помощи и руководства. Из старца Хризостома было непросто выудить даже несколько слов. Он жил по принципу: «Аще не движется слово, не движи слово». Но Арсений смущался о чём-то спрашивать его. Кроме того, он часто думал о просьбе отца помочь семье, переживал о том, что младшая сестра Христина ещё не выдана замуж. Поэтому после трёх месяцев жизни в Сретенской каливе он попросил у старца Хризостома благословения вернуться в Коницу. «Ты ведь послушник, сынок, – ответил старец. – Иди и сделай, как тебя просветит Бог». Арсений уехал в Коницу. Денег, отданных старцу при поступлении в каливу, он забирать не стал.

⁹² *Феотока́рий* – сборник из 62 богослужебных канонов ко Пресвятой Богородице, которые собрал преподобный Никодим Святогорец из рукописей Святой Горы и издал в 1796 году. В славянском переводе см.: Богородичник. Каноны Божией Матери на каждый день. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2006.

⁹³ Под «старухой» диавол имел в виду святую Анну – мать Пресвятой Богородицы.

Коница. Работа плотником. 1950–1953 годы

Арсений вернулся в Коницу в конце июня 1950 года и начал помогать отцу в сельскохозяйственных работах. Однажды они пошли жать пшеницу. Вместе с ними пошла и жена одного из старших братьев Арсения. Когда Арсений увидел, что на поле полно колючих сорняков, он сказал ей: «Ты у нас невестка, и поля нашего не знаешь. Жни с краю, где почище. А я пожну остальное, потому что мне тут все кочки знакомы». Как только Арсений начал жать, ему на ум пришёл образ святых мучеников, которые по любви ко Христу наступали на раскалённые гвозди. Его охватило пылкое желание испытать нечто подобное, пусть и в малой мере. Чтобы окружающие ни о чём не догадались, он сказал: «Что-то ботинки жмут... Сниму-ка я их лучше». Сняв обувь, он продолжал быстро и ловко жать пшеницу, наступая босыми ногами на колючки и чертополох.

В те годы профессия столяра и плотника была очень востребованной. Одна война сменяла другую, многие дома оказались сожжены и разрушены. Поэтому Арсению не составляло труда находить столярные и плотницкие заказы. Вскоре он начал работать в домах у разных людей. Когда он работал, стоя на ногах, то обычно пел что-то церковное, а когда, опускаясь на колени, настилал полы, то творил молитву Иисусову: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя». Он делал свою работу очень тщательно и не торопился. Где бы ни приходилось работать – в доме или в хлеву, – Арсений выполнял её одинаково прилежно. «Если это хлев, – говорил он, – то я что, должен квалификацию терять? Раз положено шкурить оконные рамы мелкой наждачкой, значит, оставлять это нельзя – даже если они предназначены для хлева, даже если заказчик тебе за это не заплатит».

Часто Арсений не брал за свою работу денег. Иногда он делал что-то сверх оговорённого в качестве подарка, иногда люди обещали заплатить потом, но не платили, а он стеснялся напомнить. Если возникало недопонимание с заказчиком, Арсений предпочитал потерять какие-то деньги, но сохранить в себе мир. Как-то раз один заказчик принёс ему пакетик гвоздей для пола. Когда пол был настелен, заказчик, не видя шляпок, начал кричать на Арсения: «А где же мои гвозди-то, а? Что же я гвоздиков своих не вижу?!» Арсений пытался растолковать ему, что гвозди вбиты в гребень доски под углом, шляпки утоплены в древесине, но тот не хотел ничего слушать и, перебивая его, кричал: «Где мои гвозди? Ты украл мои гвозди!» Арсений не смог ему ничего доказать и ушёл, не получив платы.

Когда в Конице кто-то умирал, Арсений делал гроб и никогда не брал с родственников умершего денег. «У несчастных и так горе, – объяснял он другим столярам, – что же, мы будем с них ещё деньги брать?» В домах, где работал Арсений, он никогда не поднимал глаз, чтобы взглянуть кому-то в лицо или рассмотреть обстановку, он никого ни о чём не просил и почти не разговаривал. Исключением были дети: он звал их поддержать инструмент, помочь, а сам тем временем помогал им духовно: учил их церковным песнопениям и давал почитать житие какого-нибудь святого.

Вначале Арсений получил несколько больших заказов в деревне Каллифёя, километрах в семи от Коницы. Ходить домой на обед было далеко, и хозяева домов, где он работал, приглашали его отобедать с ними. Арсений говорил: «Если хотите, чтобы в среду и пятницу я с вами обедал, готовьте, пожалуйста, фасоль или чечевицу, только без масла. Себе вы всегда в тарелке можете сдобрить маслом». После обеда Арсений обычно немного читал, а потом вновь принимался за работу и молитву: «Пресвятая моя Богородица, помогай мне».

В одном доме Арсений менял потолок. Несколько дней подряд он с утра до вечера торчал на стремянке с задранной вверх головой. Было лето, очень жарко, и пот бежал с него ручьями. Однако Арсений не только не выглядел уставшим, но и пел разные стихиры и тропари, постукивая в такт византийской музыке топориком. Однажды хозяйка сказала ему:

– Арсений, ты бы уж лучше песню какую красивую спел!

– Тётя Хариклия, – ответил Арсений, – разве бывают на свете песни красивее тех, что поются в церкви?

Когда он закончил с потолком, хозяева попросили сделать им маленький домашний иконостас. Арсений работал целый день. Наступил вечер, а иконостас ещё не был закончен.

– Арсений, закругляйся! – говорили хозяева. – Целый день с одним иконостасиком возишься. Ночь на дворе!..

– Иконостасы быстро не делаются, – отвечал Арсений, – это работа тонкая. И делать её надо с молитвой, потому что в иконостасе будут стоять святые иконы.

Обычно, когда наступали сумерки, Арсений заканчивал работу и сидел возле храма святого великомученика Георгия. Вокруг собирались деревенские ребяташки. Он рассказывал им жития святых, учил их молитве «Отче наш» и Символу веры, разучивал разные стихиры и тропари. Арсений дарил детям иконки святых, угощал их орешками и сладостями, а те светились от счастья, потому что люди в то время жили в большой нищете.

В феврале пятьдесят первого, закончив работы в деревне Каллифея, Арсений решил провести наступающий Великий пост в монастыре святых Феодоров,⁹⁴ недалеко от города Калавриты.⁹⁵ Он сказал о своём желании родным, взял плотницкие инструменты и отправился в путь. Придя в монастырь, он попросил игумена: «Если благословите, я хотел бы провести Великий пост в вашей святой обители. Могу вам чем-нибудь помочь по столярке». Его приняли с радостью и поселили в очень хорошую и удобную келью. Однако Арсений предпочёл ночевать в углу склада пиломатериалов. Он делал для монастыря двери и окна, а ел только хлеб и маслины. В день светлого Христова Воскресения и всю Светлую седмицу он ел только йогурт. «Что ж ты одним йогуртом питаешься? – спрашивал Арсения игумен. – Заболеешь так!» Серьёзность и трудолюбие Арсения произвели на игумена столь сильное впечатление, что однажды он пригласил его в храм и предложил: «Давай прямо послезавтра пострижём тебя в монахи? А через несколько дней к нам приезжает владыка, он рукоположит тебя во иеродиакона и в иеромонаха, и ты останешься у нас навсегда?» Но Арсений ни на что не хотел променять ту аскетическую жизнь, малую частицу которой он вкусил в пустынной Сретенской келье на Святой Афонской Горе.

Он вернулся в Коницу и снова приступил к работе. От заказчиков не было отбоя – в Конице только и говорили о том, какой он хороший мастер и как недорого берёт за работу. Это не радовало Арсения, потому что другие мастера часто сидели без работы, а среди них были люди семейные, с детьми. Не желая лишать их куска хлеба, Арсений стал отказываться от заказов и говорить, что работа у него расписана на несколько месяцев вперёд. Однако многие предпочитали подождать и просили поставить их в очередь. Так что конца и края работе не было видно.

Не справляясь с заказами один, Арсений решил взять себе помощника – юношу по имени Ставрос. Отец этого юноши умер, и Ставрос искал хоть какого-то заработка, чтобы прокормить свою мать и трёх младших братьев. Выдающимися способностями он не отличался, но Арсений терпеливо учил его всем премудростям плотницкого ремесла. Через несколько месяцев Ставрос уже мог самостоятельно взяться за сгоревший дом, от которого оставались одни лишь стены, и сделать из него «конфетку». Арсений платил Ставросу не как ученику, а как полноценному партнёру, и даже отдавал ему больше половины заработанного. «Возьми побольше, – говорил он юноше, – на тебе ведь ещё и сироты малые висят». Ставросу было стыдно брать деньги, которых он не заработал, но Арсений с любовью его уговаривал: «Бери-бери... Имеешь право – тебе целую семью кормить!» Один их общий

⁹⁴ В честь святых великомучеников Феодора Тирона и Феодора Стратилата.

⁹⁵ *Калаврита* – город на севере Пелопоннеса, в 70 км от города Патры.

знакомый не мог этого понять. Как так: работает Ставрос меньше, а денег получает больше? «Ставрос беднее и тебя и меня, – объяснял Арсений. – А если человек беден и у него есть семья, то по справедливости ему надо платить больше положенного. Всё остальное будет несправедливостью».

В июне 1951 года Арсений со Ставросом получили муниципальный заказ: восстановление разрушенных домов села Армáты в 45 километрах от Коницы. Они взяли себе ещё одного помощника – юношу по имени Афанасий. Афанасий готовил материалы, Ставрос стамеской выбирал на досках шипы и пазы. Рядом работал Арсений. Он брал на себя самую ответственную работу: выравнивал доски рубанком и настилал пол. Целый день он работал в полусогнутом положении, и помощники постоянно слышали его шёпот: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя... Господи Иисусе Христе, помилуй мя...» Иногда, когда что-то не получалось, Ставрос нервничал и мог грязно выругаться. «Опять сквернословить? – делал замечание Арсений. – Пора бы уже стать к себе повнимательнее». Но однажды, когда Афанасий начал осуждать Ставроса за сквернословие, Арсений сказал: «Что тут скажешь, Афанасий... У каждого из нас есть какие-то недостатки, и у нас с тобой тоже. Так что давай лучше глядеть не за другими, а за собой. Может, наши с тобой грехи ещё и посерьёзней, чем его сквернословие, будут».

На ночь они оставались в домах, где шёл ремонт. Арсений ненадолго ложился и, убедившись, что ребята уснули, вставал и отходил куда-нибудь в угол, где при свете тусклой лампы читал и молился. Тёмный угол недостроенного деревенского дома на несколько ночных часов становился иноческой кельей, где Арсений по уставу святогорской каливы Сретения Господня горячо и ревностно исполнял монашеское правило. Ближе к утру, когда двое его товарищей ещё спали, он тоже ненадолго ложился и вскоре первый поднимался со словами: «Слава Тебе, Боже!» Каждый вечер он ходил в храм села, посвящённый святителю Николаю, и помогал приходскому батюшке служить вечерню.

С сельскими жителями Арсений был вежлив и сдержан. Он приветствовал каждого с добротой, от которой веяло уважением к человеку. Ему было тогда 27 лет, но пожилые люди вставали, когда он проходил мимо. В те годы раны только закончившейся гражданской войны ещё не затянулись, любое напоминание о пережитом причиняло невыносимую боль. Оттого любые беседы на политические темы были очень болезненными и нелёгкими. Арсений, хотя и хлебнул во время войны горя с избытком, не только никого не осуждал, но и находил подход к людям противоположных политических взглядов, стараясь, насколько возможно, смягчить их противоречия.

В Арматах жила женщина, которая в 1948–49 годах воевала в Навпактских горах на стороне ополченцев. Однажды она разговорилась с Арсением, и они поняли, что воевали одновременно в одних и тех же местах, но друг против друга.

– Но как же мы могли прийти до того, что повернули друг против друга оружие? – спрашивала женщина.

– Кончилась война, – отвечал Арсений. – Всё. Слава Богу.

Арсений разговаривал с этой молодой ещё женщиной настолько уважительно, словно по возрасту она годилась ему в матери.

Часто в селе вспоминали и о Святой Афонской Горе. Многие мужчины ездили на Афон на заработки и трудились там лесорубами. Собираясь, они делились своими впечатлениями о разных святогорских обителях. Арсений слушал их с огромным вниманием и в свою очередь рассказывал о монашеской жизни. Его слова были очень искренними и горячими. Все уважали его за доброту и скромность, и поэтому не обижались, когда он говорил им о своём заветном желании поскорее закончить работу и стать монахом.

Накануне Рождества 1951 года Арсений со Ставросом закончили подряд в Арматах. В те дни выпало много снега, но они пешком пошли в Коницу. На каждом пригорке по дороге

Арсений крестился и повторял: «Слава Тебе, Боже». После Рождества они проработали вместе до сентября 1952 года. Тогда Арсений сказал Ставросу: «Всё. Уезжаю на Святую Гору. Прошу тебя, когда будешь работать один, будь очень внимателен».

«Не могу дожидаться, когда я уйду из мира»

За два года работы Арсений накопил сестре приданое – пятьдесят золотых монет. Ещё он купил Христине швейную машинку, чтобы она могла зарабатывать как портниха. Так, проявив любочестие и сохранив в себе мир, он исполнил взятую на себя обязанность. Все эти годы Арсений, не желая, чтобы Христина переживала из-за того, что она – причина его задержки в миру, говорил ей, что он просто ещё не созрел для монашеской жизни. Да и не просто говорил – он искренне верил, что причина, по которой в нём нуждается его семья, – его собственная духовная незрелость, и Бог попустил ему долго оставаться в миру для того, чтобы он мог получше подготовиться к монашеству. Но все эти годы Арсений продолжал постоянно слышать, «как его лично призывают вступить в ангельский полк радистов Церкви».⁹⁶ Наконец он понял, что пришло время прекратить «отстреливаться одиночными выстрелами» (то есть материально заботиться о своих домашних), а пора заступать на боевое дежурство возле «духовной рации», быть на связи с Богом и помогать таким образом всему миру.

Но пока Арсений готовился к отъезду, прошло ещё шесть месяцев. Арсений вернулся к работам в селе Каллифея. У него появился новый ученик и помощник – любочестный юноша по имени Продром. Он успел поработать в подмастерьях и у других столяров, но те не платили ему почти ничего. «Попросись к Арсению, – посоветовали Продрому родственники, – он платит как никто другой». Арсений взял юношу в ученики. Целую неделю они работали в деревне, примерно в полутора часах ходьбы, а в субботу возвращались в Коницу. По дороге Арсений не давал Продрому нести мешок с инструментами. «Вот полдороги пронесу, а потом поменяемся», – говорил он. Однако когда они проходили половину дороги, Арсений с инструментами за плечами пускался вперёд бегом, и Продром не мог за ним угнаться.

Как только Арсений закончил работать в селе Каллифея, один друг их семьи попросил помочь с ремонтом его сгоревшего дома в селе Амарантос. Там Арсения стали сватать за одну из дочерей хозяина, но Арсений хотел только одного: поскорее закончить работу и уехать на Афон. В феврале 1953 года он написал в письме своему знакомому иеромонаху отцу Павлу (Зисакису): «Ты не можешь даже представить, с какими искушениями я сталкиваюсь. Я здесь больше не могу находиться. Одно-единственного не могу дожидаться: когда уже наконец Бог удостоит меня уйти из мира».

Когда Арсений закончил работу в Амарантосе, уже никакая сила не могла удержать его в миру. Последние заработанные деньги он раздал как милостыню, оставив себе только на билеты до Святой Горы. Вдруг к нему пришёл один бедный крестьянин и попросил денег, чтобы купить быка. Денег у Арсения уже не было. Остаться в миру ещё на какое-то время, чтобы что-то заработать и помочь несчастному, он тоже не мог, боясь, что любое промедление в миру обернётся новыми искушениями. «Прости меня, – ответил Арсений, – но сейчас я тебе помочь уже не могу».

Из дома он ушёл тихо, так, чтобы никто ничего не заподозрил. Только сестре Христине шепнул: «Я на Святую Гору. Как устроюсь, напишу вам. Пока никому ни о чём не говори». Он уехал на Афон, а родители были уверены, что он ушёл работать в какую-то дальнюю деревню.

⁹⁶ См. *Старец Паисий Святогорец. Письма*. С. 29.

В скиту святой Анны и на Кавсокаливии

В марте пятьдесят третьего Арсений оставил «бурное море житейское»⁹⁷ и прибыл на Святую Афонскую Гору. Но свою тихую гавань он нашёл не сразу, потому что, как и в прошлый раз, его ждали искушения и трудности. В Дафни он сел на кораблик, плывший в скит святой Анны, желая вернуться в каливу старца Хризостома. На корабле к нему подсел монах из того же скита. Он принадлежал к одной из крайних зилотских группировок и стал убеждать Арсения поселиться у них в келье, говоря ему: «Такого устава, как у нас, днём с огнём нигде не сыщешь». Арсений послушался и пробыл у них несколько дней. Но там ему пришлось не по душе. Через несколько дней этот монах сказал: «Ну что ж, я понял глубины твоих исканий. Ты ищешь чего-то исключительного, и я пошлю тебя в одно исключительное братство». Арсений обрадовался, подумав, что тот действительно понял, что ему нужно. Но тот послал его в Сретенскую каливу на Кавсокаливии, где парадоксальным образом уживались два зилота, принадлежавшие к разным ответвлениям раскола.

Придя к ним в каливу, Арсений сразу понял, что там тоже не останется. Но сказать об этом людям, которые оказали ему гостеприимство, он постеснялся. Первую ночь он совсем не спал. Его мучила тревога, и до самого утра он делал земные поклоны. Старцы, слышавшие ночью шум от поклонов, утром пригласили его для «духовной беседы». «Однажды, – начали они издали, – некто хотел обмануть своего старца. И вот всю ночь напролёт некто стучал ногой в пол, надеясь, что старец поверит, будто бы некто всю ночь делал земные поклоны. Но старец был не дурак! Некто умер! А когда через три года его окаянное тело достали из могилы, все увидели стра-а-шное зрелище: нога, которой он стучал в пол, не разложилась в земле, а осталась как живая!..»⁹⁸

Когда Арсений понял, что они имели в виду, то подумал, что ему это чудится. Ему стоило огромного терпения и труда прожить с этими старцами месяц. Поскольку старцы принадлежали к разным раскольничьим юрисдикциям, службы они совершали отдельно друг от друга. Ели они тоже порознь, чтобы общая молитва перед трапезой «не вменилась» в совместную молитву с еретиком, которым каждый из них считал другого. Арсения ни один из них тоже не приглашал ни на совместную молитву, ни на совместную трапезу, боясь «оскверниться». Ясное дело, что оставаться там дольше Арсений не мог.

Из Кавсокаливии Арсений пошёл в сторону скита святой Анны, желая наконец дойти до каливы старца Хризостома. Его ноги дрожали от истощения, сердце было готово выпрыгнуть из груди от тревог и переживаний. Однако Благой Бог позаботился о том, чтобы дать Арсению утешение и показать ему *путь, воньже пойдёт*.⁹⁹ Когда он уже едва передвигал ноги от бессилия, на тропинке ему повстречался епископ Милитопольский Иерофёй,¹⁰⁰ который жил тогда на покое в келье святого Елевферия, в местности, называемой Вулевтирия, недалеко от пристани святой Анны. Увидев чрезвычайно худого юношу, который еле стоял на ногах, добродетельный епископ испугался и под руки отвёл его в свою каливу. Он тут же послал келейника за рыбой, сам пожарил её и усадил Арсения за стол, налив ему немного вина. Арсений боялся, что если он выпьет, ему станет плохо, но епископ перекрестил вино и сказал: «Выпей-выпей, сынок, силы прибавится». Забота и сердечность доброго архипастыря стали для измученного Арсения великим утешением. Он рассказал о своих злостью

⁹⁷ См. *Старец Паисий Святогорец*. Письма. С. 22.

⁹⁸ Если тело усопшего святогорца не истлело за три года, то его опять закапывают и усугубляют молитвы об упокоении его души. См. также сноску 2 на стр. 49.

⁹⁹ Ср. Пс. 142:8.

¹⁰⁰ См. Новый Афонский патерик. Т. 2. М.: Орфограф, 2015. С. 131–132.

чениях, и духовно мудрый архиерей посоветовал ему вступить в общежительное братство монастыря Эсфигмён, который был в те времена «одним из лучших общежитий Святой Афонской Горы».¹⁰¹ Следуя архипастырскому совету, Арсений зашёл к старцу Хризостому и сказал ему, что собирается поступить в общежительный монастырь. Отец Хризостом заставил Арсения забрать деньги, которые тот передал ему три года назад, дал ему своё благословение, и Арсений ушёл от него в мирном состоянии духа.

¹⁰¹ *Χρυσόστομος (Μουστάκας), αρχιμ. Το Άγιον Όρος Άθω. Αθήνα, 1957. Σ. 126. – Прим. греч. изд.*

В Новом скиту

По дороге в Эсфигмен Арсений зашёл приложиться к иконам и святыням в соборный храм Нового скита. Однако там его ждали новые «приключения». К нему подошёл один иеромонах и спросил:

– И откуда же мы родом?

– Из Коницы, – ответил Арсений.

– Коница! Коница! – всплеснул руками иеромонах. – Родные места! А я из Янины. Ну здравствуй, земляк. Никак, в монахи собрался?

– Да, – ответил Арсений. Будучи совсем бесхитростным, он без задней мысли рассказал иеромонаху обо всём, что пережил, добавив, что сейчас идёт в монастырь Эсфигмен, хотя изначально стремился к подвижнической жизни в пустыне.

– К подвижнической жизни в пустыне? – переспросил иеромонах. – Считаю, что тебе повезло, ты принят в наше братство. Я подвигаюсь здесь, в келие святого Димитрия. И знаешь, кто был моим старцем? О, это был знаменитый иеромонах Неофит!

Арсений в простоте душевной пошёл за иеромонахом, желая ещё раз попробовать начать монашескую жизнь в келие.

Старцем келии святого великомученика Димитрия после кончины упомянутого иеромонаха Неофита был его благоговейный послушник – Дионисий, иеромонах и духовник. Вот его-то «послушником» и был встретившийся Арсению иеромонах.¹⁰² Он постригся в монахи, чтобы не идти на войну, потом служил на приходе в Афинах. Жил он шалтай-болтай и отличался явным мирским духом – до такой степени, что имел в келье радиоприёмник. Будучи намного младше старца Дионисия, он не ставил его ни во что, дерзко и грубо с ним разговаривал и заявлял: «Я тут старец, а ты – послушник!» Когда Арсений стал жить в их келие, этот иеромонах относился к нему как к слуге – до такой степени, что давал ему стирать своё нижнее бельё. Старец Дионисий жаловался на этого иеромонаха Арсению и просил: «Он мне уже всю печень проел, Арсений. Оставайся здесь, чтобы меня похоронить». Арсений собрался уже уходить, но, узнав об этом, иеромонах начал ему угрожать: «А известно ли тебе, что я знаю всех на Святой Горе? Попробуй только уйти! Поверь, что уж я-то постараюсь, чтобы тебя не взяли ни в один монастырь, ни в один скит и ни в одну келью!»

Наконец через четыре месяца этот иеромонах отправился в «турне» со святыми мощами по городам Греции. Арсений тут же ушёл из Нового скита. Был август 1953 года.

Впоследствии, вспоминая о своих больших злоключениях в начале монашеской жизни, преподобный Паисий писал: «Когда я шёл в монахи, то никакой помощи ни от кого не получил. В те годы на Святой Горе было две тысячи отцов – но в какие же руки я попадал! Я был измучен и поджарен со всех боков. Можно было бы остаться в любом из пройденных мною мест, но я боялся опасностей, видя свою немощь. Я благодарен каждому из тех, кто встретился мне тогда на пути. Возможно, пройдя через все эти муки в новоначалии, я расплатился за то, что мучил своих родителей, когда был ребёнком. Кто сейчас знает, как им пришлось тогда со мной намучиться?»

В одном из своих исполненных мудрых советов писем к новоначальным монахам преподобный объясняет, что побудило его к написанию: «У меня и правда болит сердце за новоначальных монахов, и я действительно очень хочу им помочь. Когда сам я был новоначальным, то пережил множество страданий и злоключений, пока не нашёл то, к чему стремилась моя душа. Конечно, в моих злостраданиях не виновен никто из людей. Виноваты в них только

¹⁰² Этот иеромонах незадолго до описываемых событий был исключён из числа братии решением суда монастыря святого Павла (№ 31/20 от 20.04.1957). Родом он был не из Янины, а из Каламаты. – *Прим. греч. изд.*

мои многие грехи. И, возможно, теми страданиями я расплатился хоть за некоторые из них. А вторая причина моих злоключений в начале монашеского пути – моя деревенская неотёсанность. Я ведь вверял себя первому встречному. За всё благодарю Бога: всё, что произошло со мной, очень мне помогло. Помимо сбитой с меня этими ударами ржавчины ветхого человека, помимо драгоценного опыта, злострадания ещё и умягчили моё жёсткое сердце. Потому сейчас я могу с болью молиться за новоначальных и просить, чтобы они сразу же попали в пригодные условия и принесли благие плоды – в соответствии с призванием каждого».¹⁰³

¹⁰³ См. *Старец Паисий Святогорец. Письма*. С. 21.

Глава V. В священной обители Эсфигмен

Монастырь Эфигмен (архив издательства «Милитос»)

Живой патерик

В середине августа 1953 года Арсений наконец достиг безопасной пристани общежительного Эсфигменского монастыря. Он открыл своё сердце игумену Каллинику и рассказал ему о своём непреодолимом желании подвизаться в пустыне. Арсений попросил принять его в монастырь на несколько лет – до наступления духовной зрелости и готовности осуществить своё заветное желание. Игумен согласился. Святой общежительной Эсфигменской обители, с её строгим уставом, утомительными послушаниями, духовным наблюдением и руководством, предстояло стать тем твёрдым духовным островком, оттолкнувшись от которого Арсений впоследствии смог бы совершить духовный перелёт в пустыню, вожделенную для него с детства, не рискуя при этом упасть и разбиться.

Чтобы включить Арсения в список послушников монастыря, требовалось запросить подтверждение из Коницкой полиции. От полицейских родители Арсения и узнали, что он уже на Святой Горе. Вскоре и сам он написал родителям письмо. Ещё одно письмо Арсений послал отцу Павлу (Зисакису). Он поведал другу: «Я пришёл в священную обитель Эсфигмен и остался здесь. Если спросишь, как я живу, отвечу: слава Богу, очень хорошо. В монастыре добродетельные отцы и очень хорошие порядки. Видимо, я оказался здесь по Промыслу Божию. Надеюсь, что Господь сопричтёт меня, Свою грешную и паршивую овцу, к Своему малому монастырскому стаду».

Общежитие Эсфигмена стало для Арсения настоящим живым патериком. Здесь он увидел подвижников, просиявших деятельной и созерцательной жизнью, встретил отцов, которые с рассуждением возделывали в себе монашеские добродетели: уклонение от мира, послушание, воздержание, нестяжание, безмолвие, братолюбие.

Их отречение от мира было всецелым. Они прекратили всякое общение со сродниками по плоти, «в них не было места безвременному и бесполезному общению и разговорам, пустословию и дерзновению».¹⁰⁴ Было немислимо, чтобы кто-то из отцов подошёл к послушнику и начал расспрашивать его о том, как он жил и чем занимался в миру. Отцы подвизались в святом молчании, которое «есть мать молитвы, безмолвия супруг, сокровенное духовное восхождение».¹⁰⁵ «Когда я поступил послушником в общежительный монастырь, – вспоминал преподобный позже, – я ни с кем не заводил знакомства. В монастыре было шестьдесят отцов, но ни один из них даже не спросил, кто я и откуда. Человеческого утешения не было, и это помогало мне искать утешения Божественного».

Хотя братия обители была многочисленной, в монастыре царило безмолвие настолько глубокое, что можно было подумать, что подвизается там только один исихаст. Только большие монастырские часы отбивали каждую четверть и на несколько мгновений нарушали тишину. Бой часов не давал братии забыть и напоминал им о необходимости творить молитву Иисусову. Так вся братия безмолвно трудилась на послушаниях, имея в уме священные слова: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя».

Жизнь братии была очень простой. Да и всё в обители было предельно сдержанным и аскетичным. Из материального пользовались только тем, без чего совсем нельзя обойтись, и оттого души братии питались высшей, духовной радостью. Обстановка келий была такой: койка, столик и стул, несколько икон, лампадка, керосиновая лампа. Печек в кельях не было. Некоторые из братии холодными зимними вечерами зажигали керосиновую лампу, чтобы в

¹⁰⁴ *Феофант Филадельфийский, свт.* Слово, в котором выясняется сокровенное во Христе делание и показывается вкратце, в чём состоит главное дело монашеского чина. Русский сокращённый перевод этого слова находится в V томе Добротолюбия, цитируемый отрывок там отсутствует.

¹⁰⁵ См. Лествица. Слово 11, п. 3.

келье стало немножко потеплее. Единственной книгой, которая постоянно лежала в келье, было Святое Евангелие. Братья, желавшие почитать что-то ещё, брали благословение у игумена и получали ту или иную книгу в монастырской библиотеке.

Готовясь ко Святому Причащению, братия Эсфигмена следовала старинному уставу и постилась три дня, вкушая пищу без масла. Накануне Божественного Причащения большинство отцов совершали келейное бдение с вечера до утра. Пост и аскеза доходили до высшего предела в период Великого поста. В первую седмицу отцы практически не выходили из храма, до буквы соблюдая требования Типикона. Но и в другие великопостные седмицы службы продолжались по много часов кряду. Трапеза была в три часа пополудни, предлагалась на ней овощная похлёбка без масла. «Великий пост в Эсфигмене, – вспоминал впоследствии преподобный Паисий, – был самым настоящим восхождением на Голгофу».

С такой же бескомпромиссностью братия относилась к дням, когда церковный устав не допускает работ. Монастырь был бедным, и запасов продуктов практически не было. Несмотря на это, если судёнышко, на котором в Эсфигмен с монастырских метох¹⁰⁶ привозили продукты, причаливало к монастырской пристани в праздничный день, его никто не разгружал. Братия предпочла бы смотреть, как шторм уносит в море виноград и бочонки с маслом, чем нарушать заповедь Божию и соблазнять мирян, работая в воскресенье или праздник.

Эсфигмениты никогда не пропускали богослужений суточного круга. Содействовали этому рассудительное наблюдение и братская помощь. Один из соборных старцев монастыря¹⁰⁷ поздно вечером обходил коридоры братских келий, надев мягкие тапки, сшитые из старых одеял. Услышав из чьей-нибудь кельи шум, он стучал в дверь и спрашивал:

– Брате!.. Чем ты занят в столь поздний час?

– Поклоны делаю, – отвечал брат. – Вдруг заболею и не смогу совершать правило? А так у меня будет какой-то духовный запас.

– Если ты заболеешь и не сможешь совершать правило, – отвечал соборный старец, – то Бог с тебя за это не спросит. А вот если ты завтра проспишь службу, ответ перед Богом придётся держать.

А если соборный старец видел, что поздно вечером из-под чьей-то двери пробивается свет керосиновой лампы, он стучал и спрашивал:

– Чем занят, брате?

– Вот, читаю жития святых, – отвечал брат. – Хочу дочитать сегодня одно житие.

– Нет разницы, сегодня или завтра ты его дочитаешь, – говорил старец. – Закрывай-ка ты лучше книгу и ложись спать, иначе завтра всю службу будешь клевать носом.

Если это было необходимо, игумен мог наложить на кого-то из братии епитимью. Епитимьей за серьёзные проступки было отлучение от Святого Причащения. Как-то раз один эсфигменский монах был по делам в Новом скиту. Вышеупомянутый иеромонах из каливы святого Димитрия¹⁰⁸ передал ему письмо для Арсения. Вместо того, чтобы передать письмо в руки игумена, как это было положено, брат отдал его Арсению, который, прочитав, тут же отнёс письмо игумену. Игумен вызвал монаха, который принёс письмо, и наложил на него епитимью не причащаться сорок дней. Узнав об этом, Арсений начал переживать, что всё это произошло из-за него, пошёл к брату и стал просить у него прощения. Брат разговаривал с Арсением с большой любовью, сказал, чтобы тот не расстраивался, и объяснил, что вина лежит на нём самом, поскольку он нарушил установленные монашеские порядки.

¹⁰⁶ *Мето́х* – хозяйственное подворье монастыря на Афонском полуострове или вне его.

¹⁰⁷ *Соборный старец* – один из старших монахов, член Духовного собора монастыря.

¹⁰⁸ См. стр. 112 и далее. (имеется ввиду бумажное издание книги)

В другой раз Арсений из сострадания к другому послушнику, которого на какой-то срок отлучили от Причастия, пошёл к игумену и взял у него благословение весь срок чужой епитимьи готовиться к Причастию вместе с остальной братией, но не причащаться. Этой жертвой он хоть как-то утешал послушника – иначе тот чувствовал бы себя совсем одиноким и отрезанным от братства. Несмотря на то что Арсений не подходил ко Святой Чаше, Христос посещал его иным образом. Присутствие Божественной благодати было видно по тому, как светилось его лицо.

Послушник Арсений ежедневно видел много примеров добродетели. Но особенно он восхищался одним своим сверстником, тоже послушником. Тот отличался необыкновенным благоговением и смирением, во всём был примером для других. Даже просто глядя на него, Арсений получал огромную духовную пользу. Он чувствовал, что помощь, полученная через этого послушника, превосходила всю помощь, полученную им с детства от прочитанных житий святых. Этот брат сам был «живым житием» и образцом для подражания. Арсений, не завидуя ему, старался быть на него похожим. Он просил Бога, чтобы брат пришёл в меру святого, имя которого он носил, а сам он пришёл в меру этого брата.

Больше всего Арсения приводила в умиление братская любовь, которую имели друг к другу отцы обители. Позднее он вспоминал: «В общежительном монастыре я жил в духовно преуспевшем братстве. Эсфигмен не только назывался общежитием, но и был им на самом деле. Отцы отличались духовной отвагой и всегда стремились к самопожертвованию. Этот дух – как сделать что-то, чтобы брату было легче, – господствовал и на послушаниях, и в трапезе, и во всём. Каждый из отцов в первую очередь думал не о себе, а о другом. Отправной точкой их помыслов и действий была священная святоотеческая формула: "Ты видел брата своего? Значит, ты видел Самого Христа".¹⁰⁹ Отцы постоянно старались ничем не опечалить Христа. Поэтому они постоянно жили в состоянии духовного торжества. Они жили в раю».

¹⁰⁹ См. *Климент Александрийский*. Строматы, кн. I, 94.5; Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. Об авве Аполлоне, п. 3.

Помощник на послушаниях

В священной Эсфигменской обители, как и во всех общежительных монастырях Святой Афонской Горы, новоначальный послушник проходил практически через все основные послушания: его назначали помощником ответственного за то или иное служение старшего монаха. Каждый из старших монахов, помимо навыков в работе, приучал новоначального к монашеским порядкам и поведению: уважать игумена и братьев, на всё отвечать «благословите» и «буди благословенно»,¹¹⁰ жить в послушании. Он, кроме того, учил послушника, как выполнять монашеское правило, как творить молитву Иисусову. Таким образом новоначальный потихоньку начинал понимать, что к чему, и вставал на правильные духовные рельсы. Старшие братья «обтёсывали его сучки», а игумен занимался «тонкой духовной доводкой», подобно столяру-краснодеревщику.

Арсения назначили помощником трапезника и помощником пекаря. Это были его первые монастырские послушания. Хотя с детского возраста Арсений привык к тяжёлым работам, на послушаниях он очень уставал. Он постоянно просил Бога укрепить его силы, дабы как можно больше служить братьям, которые тоже очень утомлялись. Арсений думал, что чем быстрее он помоеет миски и большие латунные кастрюли, чем больше воды он наносит в трапезу из источника, тем легче будет ответственному за послушание брату.

С таким же усердием Арсений был готов услужить и каждому из отцов. Как-то раз один немощной старый монах попросил Арсения принести ему в келью миску супа. Закончив послушание, Арсений выполнил просьбу. Увидев это, живший в соседней келье брат сказал ему: «Ты поосторожней с ним, Арсений! Сначала его разбалуеть – а потом он тебя уже в покое не оставит! Знаешь, сколько я от него натерпелся? Он как-то лежал простуженный и попросил меня помочь, ну я и пошёл ему навстречу. Так он потом то и дело мне в стенку стук да стук! "Окажи любовь, завари мне чайку", "окажи любовь, поверни меня на другой бок", "окажи любовь, нагрей в печке кирпичик и положи мне на поясницу"... То «чайку», то «кирпичик», опять «чайку», опять «кирпичик» – да сколько можно-то, а?... Мне ведь когда-то надо и правило читать!» Арсений слушал брата с недоумением. Такое отношение к ближнему было исключением для обители. Потом, рассказывая об этом случае, преподобный добавлял: «Это же ужас какой, если вдуматься! Старый человек за стенкой страдает, стонет, просит о мелочах, которые облегчат его боль, а ты не хочешь прийти ему на помощь, чтобы не прерывать своего монашеского правила! Молитва на таком правиле – мёртвая молитва. Да, именно «кирпичик» и именно «чаёк» имели бы для Бога гораздо большую ценность, чем сотни поклонов и тысячи молитв этого "ревнителя молитвы"».

Когда Арсений был помощником в трапезной, он познакомился с одним Христа ради юродивым, отцом Георгием отшельником.¹¹¹ Иногда отец Георгий заходил в Эсфигмен, и трапезник кормил его обедом. Арсений, будучи новоначальным и рассуждая ещё по-мирскому, считал отца Георгия сумасшедшим. Таким же считали его и некоторые из отцов. Однако когда один из самых старых и самых добродетельных отцов обители, отец Герман, услышал, как Арсений говорит кому-то про отца Георгия: «У него не всё в порядке с головой», он сделал Арсению строгое замечание. «Отец Георгий не сумасшедший, а святой! – сказал отец

¹¹⁰ Греческие фразы *ευλογείτε* (благословите) и *να ειλογημένο* (да будет благословенно) – это два краеугольных столпа монашеского общения на Святой Горе. «Благословите» используется и при обращении к монаху, и как отклик на обращение, и в значении «простите». «Буди благословенно» употребляется в знак согласия и отсечения своей воли. Навыкнуть произносить эти священные слова не только устами, но и сердцем, – первоочередная задача каждого афонского инока.

¹¹¹ См. *Старец Паисий Святогорец*. Отцы-святогорцы и святогорские истории. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2001. С. 83–89.

Герман. – Сумасшедшим он только притворяется». После этого Арсений относился к отцу Георгию с благоговением и, наблюдая за ним, сам уверился в его святости.

В святогорских монастырях ежегодно 1 января, в день памяти святителя Василия Великого, собирается Духовный собор. Все насельники обители по очереди предстают перед Собором, и им объявляется о новых послушаниях, которые они будут нести весь наступивший год. Когда перед Собором предстал Арсений, ему объявили, что теперь он будет помощником архондаричного.¹¹² «Буди благословенно!» – ответил Арсений. После собора трапезник дал ему такой совет: «Ты ответил на Соборе "буди благословенно" – и всё. Это не очень хороший ответ. В нём есть гордость. Таким ответом ты выставил напоказ свою самоуверенность, показал, что сам можешь справиться с любым послушанием. Надо было ответить соборным старцам так: "Буди благословенно, но не знаю, справлюсь ли я. Буду стараться вашими молитвами и благословением"». Этот совет очень помог Арсению и заставил его задуматься о том, насколько тонкой духовной работы над собой требует монашеская жизнь.

На новом послушании Арсений научился красиво накрывать столы, готовить угощение для паломников, стирать простыни. Стирали так: варили воду с золой, давали ей отстояться и использовали вместо чистящего средства. А «гладили» простыни, просто придавливая их тяжёлыми плоскими камнями. Такой работой Арсений раньше никогда не занимался. В архондарике он тоже сильно уставал, потому что монастырь был очень гостеприимным. Каждый день принимали по пятьдесят-шестьдесят паломников. Их окружали большой заботой и любовью, потому что в каждом приходящем в обитель человеке монахи видели Самого Христа. Иногда случалось так, что братия ели на трапезе фасоль, подпорченную жучками. Чтобы жучков не было видно в мисках, в блюдо добавляли побольше орегано. А паломников тем временем за соседними столами угощали рыбой, которую братья с большим трудом наловили для них в море в предыдущую ночь. Часто братья, которые несли послушание в архондарике, оставались там допоздна, чтобы накормить лесорубов, которые спускались с гор только поздним вечером. Иногда для того, чтобы успеть приготовить угощение, приходилось уходить из храма ещё до окончания Божественной Литургии. Арсений, хотя был от природы быстрым и ловким и уходил на послушание до отпуста Литургии, часто не успевал всего сделать, или случались какие-то промахи. Однако перед его глазами всегда были светлые примеры других отцов. Он начал деликатно наблюдать, как ведёт себя один келейник игумена.¹¹³ Этот брат не был особенно быстрым. На Божественной Литургии он всегда стоял до самого конца, но при этом всегда успевал приготовить угощения, потому что перед началом послушания осенял себя крестным знаменем, веря, что Бог ему поможет. Так он принимал Божественную помощь. Арсений решил делать так же, а если не будет успевать что-то сделать и его станут за это ругать – принимать это со смирением.

После архондарика Арсения перевели помощником в монастырскую больницу. Старшим на этом послушании был благоговейный монах – старец Дорофей, также отличавшийся подвижническим духом. К каждому из братии – будь то старый монах или молодой послушник – отец Дорофей относился как родная мать. Видя, что кого-нибудь из братии словно ветром шатает от болезни или слабости, отец Дорофей говорил ему с таинственным видом: «Пойдём-пойдём! Хочу тебе один секрет рассказать». Он приводил брата в больницу и давал ему тахини¹¹⁴ с мёдом или сахаром. Старым монахам он мог сварить суп с тонкими макаронами. Отец Дорофей чувствовал необходимость заботиться особым образом о каждом брате.

¹¹² *Архондари́к* (от греч. *ἄρχοντας*, – знатный человек) – место приёма посетителей, а также монастырская гостиница. *Архондари́чный* отвечает за приём гостей, прибывших в обитель как на краткое, так и на более продолжительное время.

¹¹³ *Келейник* – монах, послушание которого состоит в помощи игумену. Когда игумен принимает паломников, его келейник готовит для них угощение.

¹¹⁴ *Тахи́ни* – густая жирная паста из молотого кунжутного семени.

Он любил каждого, и не потому, что «так положено», а искренне и от сердца. Арсений чувствовал духовное родство со старцем Дорофеем и старался ему подражать.

В общем, на какое бы послушание ни назначали Арсения, он трудился там от всего сердца и изо всех сил. Не ограничиваясь тем, куда он был назначен, он с готовностью, не беря в расчёт усталость, спешил помогать братьям, трудившимся на других послушаниях. Его готовность прийти на помощь вскоре стала всем известной, и братья не стеснялись просить его о помощи. Не успевая на своём послушании, какой-нибудь брат просил: «Арсений, окажи любовь, сходи туда-то». Арсений шёл, по дороге его встречал другой брат: «Арсений, окажи любовь, сделай то-то и то-то». Арсений никогда не отказывал, делал всё, о чём его просили, но часто чувствовал, насколько он устал. Как-то раз один из соборных старцев, увидев, что он изнемогает, спросил:

– Что случилось, брат? Выглядишь каким-то расстроенным.

– У нас дома, – ответил Арсений, – на крыльце всегда стояла пара истрёпанных «дежурных калош». Когда кому-то – от мала до велика – надо было выйти во двор, то он надевал «дежурные калоши» и потом оставлял их на прежнем месте. И вот, если я правильно понимаю, в общежитии монаху надо быть для всех и каждого такими калошами.

– Стать «дежурными калошами» ради любви ко Христу... – повторил соборный старец. – Как сам-то думаешь: есть что-нибудь выше этого?

Эти слова окрылили Арсения. Он постоянно вспоминал их и с готовностью продолжал откликаться на любую просьбу братий.

Духовные подвиги послушника Арсения

С ещё большей ревностью Арсений относился к своему келейному правилу. Он, хотя и был ещё послушником, взял благословение совершать правило монаха-великосхимника – четыре чётки-трёхсотницы с поясными поклонами и триста земных поклонов. Накануне Причащения Святых Христовых Таин Арсений делал ещё больше земных поклонов и пел при этом наизусть первую песнь Великого покаянного канона и немного из «Феотокария».¹¹⁵ Помимо Евангелия он читал «Эвергетин»¹¹⁶ и поучения преподобного Феодора Студита – эти книги дал ему игумен. Если, читая, Арсений чувствовал, что какая-то мысль или отрывок особо помогут ему в его борьбе, он выписывал прочитанное в тетрадь, чтобы читать, перечитывать и пытаться применить это на деле. Когда выписок становилось много, Арсений переписывал их в другую тетрадь – разделяя по темам. Так прочитанное крепко отпечатывалось в его памяти, и он мог постоянно к этим словам возвращаться в уме, «читая книгу не по бумаге», – как сам он об этом говорил.

Во время богослужений Арсений изо всех сил старался стоять на ногах и не присаживаться в стасидию. Когда у него болели ноги, он приводил на ум Христа, Которого мучили, сжимая Его пречистые ноги в деревянной колоде. Вначале на службах Арсений со вниманием следил за тем, что читается и поётся. Так он выучил богослужебный устав. Позже на службах он то творил умную молитву Иисусову, то углублялся в божественные смыслы тропарей и стихир.

Несмотря на напряжённую духовную борьбу, Арсений стал замечать за собой некоторые духовные слабости, и это вызывало у него тревогу. Например, он замечал, что когда миряне уважительно обращаются к нему «отец Арсений» или говорят «благословите, отче», он чувствует какую-то радость и начинает собой любоваться. «В миру со мной такого не было, – подумал Арсений. – Почему же вся эта требуха липнет ко мне сейчас? Давай-ка вспомним: как я жил в миру? На что я обращал тогда особое внимание?» И вот он стал вспоминать, что в миру, хотя и не молился так много, как сейчас, зато непрестанно наблюдал за собой и не забывал ставить себя на место. Он понял, что сейчас, находясь в монашеском общежитии и почувствовав себя в духовной безопасности, он забросил духовную работу над собой, хотя такая работа – самая основа духовной борьбы. Он вновь начал следить за собой, каждое утро и вечер анализируя свои помыслы и поступки. Иногда он даже поднимался на возвышающуюся над Эсфигменом гору Самария и, глядя с неё на монастырь, заводил с собой такой диалог: «Скажите, пожалуйста, а что это за монастырь? Ах, Эсфигмен... Понятно-понятно. А вы знаете в нём кого-нибудь из монахов? Что вы говорите!.. А не слышали, не здесь ли живёт Арсений такой? Здесь? А в какой келье? А вы не в курсе, насколько хорошо этот самый Арсений проводит свою послушническую жизнь?» Так, глядя на себя глазами воображаемого странника, Арсений более ясно видел свою жизнь и пытался её исправить.

Поступая так, Арсений предотвратил, как он сам говорил, своё «углубление в гордыню и бесстыдство» и с более глубоким пониманием начал борьбу за внимание и трезвение. На общих работах по сбору оливок или винограда, куда выходила вся братия, он работал быстро и молча, сосредоточенно творя молитву Иисусову. Однажды вместе с другими послушниками и молодыми монахами его послали в мир, на принадлежащий Эсфигмену метох неда-

¹¹⁵ Первую песнь канона понедельника и первую песнь канона среды 6-го гласа. – *Прим. греч. изд.*

¹¹⁶ «Эвергетин» – тематический сборник поучений и повествований святых отцов, составленный в XI в. монахом Павлом, основателем и игуменом монастыря Богородицы Эвергетиды («Благодетельницы») в Константинополе, отчего сборник и получил своё название. На греческом впервые издан в 1783 г.; русский перевод: Благолюбие (Эвергетин) в четырёх томах (в двух книгах). М.: Братство во имя Святой Троицы, 2011.

леко от городка Иериссός.¹¹⁷ Там надо было посадить тополя вдоль дороги. Когда монахи работали, напротив остановилось несколько школьных автобусов и из них выбежали дети. Арсений подумал: «Раз я покинул мир, то и на мирян мне глядеть нельзя». Это стоило ему огромных усилий, но он не оторвал глаз от земли и не взглянул на детей.

Нельзя сказать, что борьба за трезвение оказалась для Арсения слишком тяжёлой, ведь с детства он старался навязать самопринуждению и приучил себя отсекал даже добрые свои пожелания. С невероятным трудом далась ему иная борьба – преодоление привязанности к матери. Воспоминания о ней чрезвычайно мучили его, он часто видел её во сне. Он исповедовал происходящее игумену и, совершая чрезвычайную борьбу, следя за помыслами и много молясь, смог, как сам говорил впоследствии, «искоренить из сердца человеческую любовь к матери». Тогда в сердце его начало всё сильнее разгораться пламя «всеобъемлющей любви»,¹¹⁸ которая обнимает собой всех людей без исключения. Он приял божественный и небесный *огнь*, который Христос пришёл *вовреци́ на зéмлю*.¹¹⁹ Впоследствии преподобный был всецело охвачен этим огнём. «Вырывать из собственного сердца мать, – вспоминал он позже, – оказалось очень больно. Однако потом я почувствовал божественную радость. Идя на жертву, монах превращает себя в отрезанный от родных ломоть и постепенно начинает ощущать духовную любовь ко всему миру».

В отречении от мира Арсению помогло и одно чтение, услышанное им в монастырской трапезной. Читали о богатом муже по имени Кратет.¹²⁰ Путешествуя на корабле, он догадался, что моряки замышляют бросить его в море и забрать его сокровища. Тогда Кратет своими руками выбросил сокровища в море и остался жив. «Кратет спасся, выбросив то, за что цеплялся сам и что цеплялось за него», – говорилось в книге. «Неужели и мне не стоит выбросить всё ради Христа? – думал Арсений. – Всё, что удерживает меня, мешая приблизиться ко Христу, надо выкидывать за борт».

Немалую борьбу Арсений вёл против печали. Помимо воспоминаний о матери, диавол часто наводил на молодого послушника печаль и уныние. Однажды Арсений почувствовал столь сильное уныние, что даже попросил одного благоговейного брата о нём помолиться. Тот пошёл в храмик святителя Григория Паламы и отслужил за Арсения молебный канон. Тут же искушение исчезло, и Арсений почувствовал в себе Божественное утешение. «Отцы отличались огромной любовью, – рассказывал позднее преподобный, – и их молитва дерзновенно восходила к Богу».

А диавол никак не мог успокоиться. Теперь он начал пугать Арсения, наводя на него свои страхования. Стоило Арсению вечером войти к себе в келью, как раздавался стук в дверь и грубый голос: «Молитвами! Святых! Отец!»¹²¹ Арсений отвечал: «Аминь», но никто не входил; он открывал дверь, но за ней никого не было. Арсения охватывал столь сильный страх, что он не мог оставаться в келье и выходил на монастырский двор. Однажды вечером, после повечерия, его увидел сидящим во дворе один из соборных старцев. Подойдя к Арсению, старец сказал: «Сынок, ты почему не идёшь в свою келью? Посмотри, ведь никого из отцов на дворе нет: все после повечерия разошлись по кельям и молятся наедине с Богом». Арсений заплакал и рассказал старцу об искушении. Выслушав Арсения, тот принёс кусочек воска с частицей Честного и Животворящего Древа Креста Господня. Дав святыню Арсению, старец сказал: «Сынок, иди спокойно к себе в келью и ничего не бойся». Как

¹¹⁷ *Иериссός* – город в 10 км от границы монашеской республики Афон.

¹¹⁸ См. *Старец Паисий Святогорец*. Письма. С. 41.

¹¹⁹ См. Лк. 12:49.

¹²⁰ Возможно, речь идёт о философе-кинике Кратете Фивейском.

¹²¹ В монастырях принято перед тем, как заходить в чужую келью, постучаться и произнести: «Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас» – и дожидаться ответа: «Аминь».

только Арсений вошёл в келью и закрыл за собой дверь, он снова услышал грубый голос: «Молитвами! Святых! Отец!» – «Аминь», – ответил Арсений. Дверь открылась. В келью вошёл некто в полицейской форме и начал грубо кричать: «Эй, ты!.. Дрянь-монах!.. Тебя ещё не постригли, а ты уже всякие щепки в келью тащишь?!» Он то кричал, то заливался издевательским хохотом, но приблизиться к Арсению, державшему частичку Животворящего Древа, не мог. А как только Арсений воскликнул: «Господи Иисусе Христе!» – лже-полицейский исчез.

Так, следя за собой и получая помощь от старцев обители, Арсений преодолевал разнообразие искушения и шёл вперёд, подражая святому Арсению Великому и спрашивая себя постоянно: «Арсений, ради чего ты вышел из мира?»¹²² Искоренив себя из мира, он старался теперь искоренить из себя всё мирское, отсесть себя от всего и от всех, чтобы стать истинным монахом, «отрезанным от всех и сообразующимся с каждым».¹²³

¹²² См. Достопамятные сказания. Об авве Арсени, п. 40.

¹²³ См. *Нил Синайский, прп.* Слово о молитве, п. 124.

Рясофорный монах Аверкий

Когда в монастырь Эсфигмен приходил кто-то с целью стать монахом, до пострига проходило обычно от одного до трёх лет. Однако игумен, видя, как в Арсении день ото дня увеличивается ревность к монашеской жизни, после семи месяцев послушничества предложил постричь его сразу в великую схиму. Арсений колебался с ответом, и игумен отправил к нему одного из отцов, чтобы обсудить этот вопрос. Когда присланный игуменом монах спросил у Арсения, почему он не хочет принять постриг в великую схиму, тот ответил: «Я действительно не понимаю, что изменится оттого, стану я великосхимником или, например, рясофорным монахом. Для меня всё изменится, если станет монахом мой внутренний человек. Мне достаточно просто того, чтобы по-монашески жить». Однако после этой беседы Арсению было такое видение: он стоял в храме и видел, как все монахи входят в алтарь через царские врата. В правой части алтаря стоял Христос. Входя в алтарь, монахи кланялись Христу, потом отходили ко святому жертвеннику, где омывались, а оттуда они уходили на небо и терялись из виду. Арсений понял, что Бог показал ему это видение для того, чтобы он понял, насколько сильно всё меняется для человека после монашеского пострига. Становясь монахом, человек добровольно приносит себя Христу и восходит к очищению и единению с Богом. Арсений рассказал об этом видении игумену и попросил прощения у брата, который с ним беседовал. Но всё же он просил у игумена не постригать его в великую схиму, а ограничиться рясофором. Попросил он об этом потому, что, во-первых, не чувствовал себя готовым к великой схиме, а во-вторых, не хотел связываться обетом «пребывать в монастыре сем до самой смерти»,¹²⁴ поскольку желание безмолвнической жизни в пустыне разгоралось в нём сильнее и сильнее. И вот 27 марта 1954 года он был пострижен в рясофорные монахи и получил имя Аверкий.

Будучи послушником, отец Аверкий совершал келейное правило монаха-великосхимника. Став рясофорным монахом, он взял благословение удвоить великосхимнический канон, выполняя его за себя и за одного немощного брата. Чтобы успевать совершать такое большое правило, он с вечера делал все земные поклоны и большую часть чётков, а после полуночи, когда келейно молится вся братия,¹²⁵ исполнял оставшуюся часть правила, дабы его молитва восходила на небо вместе с молитвами всех отцов обители.

Диавол, видя подвижнический дух отца Аверкия, решил попробовать свалить его ударами не «слева», а «справа». Он стал внушать молодому иноку без рассуждения давить на себя, чтобы тот, растратив все свои силы, оставил духовную борьбу. И вот, как только уставший отец Аверкий, совершив несколько сотен земных поклонов, ложился на койку и пытался уснуть, диавол шептал ему: «Спишь? Вставай. Столько людей страдают, столько подвергаются опасности! Вставай и делай за них поклоны!» Отец Аверкий вставал и делал поклонов сколько мог. Но стоило ему снова прилечь, начиналось то же самое: «Такой-то человек болен, он нуждается в молитвах. А ты спишь? Встань и соверши о его здравии столько чётков». Арсений снова вставал и молился. Так продолжалось всю ночь. В конце концов лукавый довёл отца Аверкия до такого состояния, что он отчаялся и сказал: «Уж лучше бы я ногу сломал, чтобы не делать этих поклонов». Он дошёл до того, что и самый вид чётков вызывал у него самую настоящую дрожь. Позже преподобный старец вспоминал: «У меня было такое ощущение, словно Христос берёт меня руками за горло и пытается задушить.

¹²⁴ В чине одевания рясы и камилавки послушник не произносит никаких обетов, а во время пострига в схиму послушнику задают вопрос: «Пребудеши ли в монастыри сем и в постничестве даже до последнего твоего издыхания?» – на что он отвечает: «Ей, Богу содействующу, честный отче». – *Прим. греч. изд.*

¹²⁵ За полтора-два часа до начала полунощницы в монастырях раздаётся стук в било, и братия встает на своё келейное монашеское правило. – *Прим. греч. изд.*

Но, конечно, это был никакой не Христос, а тангала́шка.¹²⁶ Христос не хочет от человека такого рода страданий. Подобная духовная депрессия и тревога – вещь сатанинская».

Желая освободиться от этого бесовского состояния, отец Аверкий обратился за помощью к игумену. Игумен посоветовал ему не давить на себя, но с рассуждением совершать столько молитв и поклонов, сколько может. После этого всякий раз, когда отца Аверкия начала душить подобного рода тревога, он говорил себе: «Не можешь сделать триста поклонов? Ничего, сделай двести. Не можешь и двести? Сделай сто. И сто не под силу? Сделай пятьдесят. Нет сил даже на это? Ничего страшного: сделай три поклона Христу и один – Пресвятой Богородице. Четыре поклона – это так мало, что их в состоянии выполнить даже мёртвый». Так же он относился к количеству чётков. В какой-то момент он опустил до столь низкой планки, что в сутки совершал одну лишь чётку-сотницу. Три четверти этой сотницы, то есть семьдесят пять молитв, он посвящал Христу, а одну четверть – Пресвятой Богородице. Так прошло некоторое время, и тревога ушла. Сердце отца Аверкия снова согрелось, и по любочестию ему опять захотелось молиться и подвизаться больше положенного. Однако теперь он, как мудрый подвижник, притормаживал себя, опасаясь, что диавол опять может подтолкнуть его к подвигу сверх меры. Поэтому, когда у него возникало желание сделать что-то, выходящее за рамки канона, он осенял себя крестным знамением и говорил: «Христе мой, ты знаешь моё сердце». После этого он останавливался, чтобы, как сам говорил впоследствии, «уже не сомневаться». Так, держа духовное *оружие правды в правой и левой руке*,¹²⁷ инок Аверкий обучался искусству духовной брони, чтобы выигрывать сражения против многокозненного врага – диавола.

¹²⁶ *Тангала́шка* (греч. *ταγκαλάκι*) – такое прозвище дал преподобный Паисий диаволу. Тангалаки (или башибузуки) – это нерегулярные и почти неуправляемые военные отряды в Османской империи, состоявшие из сорвиголов, славившихся своей жестокостью; им не платили жалованья, а питались они за счёт мародёрства, грабя и убивая мирное население.

¹²⁷ См. 2 Кор. 6:7.

Служение с терпением и любовью

После того как отец Аверкий прошёл через основные монастырские послушания, игумен и Духовный собор назначили его помощником в столярную мастерскую обители. Старшим в мастерской был старец Исидор, монах с непростым характером. В лучшие времена в обители было шесть столяров. Сейчас остался один отец Исидор. После того как его сделали членом Духовного собора, он совсем перестал считаться с мнением других людей, даже игумена. Ни один брат не мог выдержать послушания под его началом дольше одной недели, поскольку вёл себя отец Исидор крайне грубо, а в работе совсем не имел терпения. Вот, к примеру, отец Исидор начинал делать окно. Окно не получалось, он нервничал, бросал работу на полдороге и брался за двери. С дверями тоже всё выходило не так, как он хотел, – тогда он опять нервничал, бросал начатые двери и лез чинить крышу. Большую часть работ он навсегда оставлял недоделанной, а то, что всё-таки доводил до конца, выходило сикось-накось. Отец Аверкий расстраивался, что работы выполнялись плохо, но ничего не говорил. Даже когда кто-то из других членов Духовного собора, разглядывая их очередное столярное изделие, с недоумением спрашивал его: «Как же вы могли так напортачить?» – он ничего не отвечал. «А чего отвечать-то? – думал отец Аверкий. – Что старец Исидор неправильно размеры снял? Какая будет польза от такого ответа? Лучше промолчу: глядишь – и отложится в мою копилочку у Бога монетка-другая».

Однажды пономарь попросил их изготовить киот для одной из аналойных икон. Отец Аверкий сделал киот с пазами, чтобы можно было закрывать икону стеклом. Как только эти пазы увидел отец Исидор, он начал кричать:

– Пазы! А зачем пазы?! Кто икону стеклом закрывает?!

– Буди благословенно, – ответил отец Аверкий и понёс киот без стекла пономарю.

Пономарь рассердился и воскликнул:

– Киот должен быть со стеклом! Где стекло, прельщённый олух?

– Благословите, – ответил отец Аверкий и пошёл к отцу Исидору за стеклом.

Но отец Исидор не захотел давать стекло и начал раздражённо кричать на отца Аверкия:

– Пойди и передай тому кто тебе сказал, что киот должен быть со стеклом, что он прельщённая кочерыжка! Нет, нет и нет: никакого стекла в киоте не будет!

Отец Аверкий долго ещё ходил от одного старца к другому, не говоря ничего, кроме «благословите» и «буди благословенно».

Помимо прочего, старец Исидор плохо видел, и потому делал разметку столярных деталей неточно. Но если отец Аверкий, заметив это, аккуратно спрашивал: «Геронда, а тут не криво размечено?» – старец Исидор отвечал: «Криво у тебя в голове размечено». А если отец Аверкий предлагал: «Геронда, благословите, я сам размечу?» – отец Исидор отвечал: «Рот закрой. Ты сам только одну вещь можешь делать – говорить «благословите» и "буди благословенно"». При такой работе много досок распиливалось неправильно и шло в отходы. Остальные куски отец Аверкий с большим трудом долго подгонял один к другому, пытаясь спасти их от печки и пустить в дело. Работа, которая могла быть сделана за день, под руководством отца Исидора обычно занимала дней пять.

Несмотря на то что в столярке одно мытарство сменяло другое, отец Аверкий каждый вечер клал перед старцем Исидором поклон и со многим смирением и благодарностью говорил ему: «Благословите». «Откуда мне знать, – думал отец Аверкий, – может быть, этот человек послан от Бога для того, чтобы мне помочь? Как же я могу не благодарить его за это?»

Кроме того, отец Аверкий объяснял происходящее так: «Он – мой благодетель. В Конице заказчики по два года ждали, пока я освобожусь, в то время как другие мастера из-за

меня сидели без работы и денег. Сейчас я расплачиваюсь за эти грехи». Позже преподобный старец вспоминал: «О, какую же огромную пользу принёс мне этот человек! Он бил меня, как бьют о камни только что выловленного осьминога. Но этим битьём он очистил меня от всех скрытых во мне "осьминожьих чернил"». ¹²⁸

Несмотря на то что отец Аверкий очень устал в столярной мастерской, он взял благословение помогать и на других послушаниях, ответственными за которые были пожилые или болезненные монахи. Часто, закончив дела в столярке, он приходил в трапезную, где мыл посуду, а из трапезной шёл помогать куда-то ещё. «Чем больше буду работать я, – думал отец Аверкий, – тем меньше устанут и измучаются другие. Стало быть, почему бы мне не потрудиться и не устать? В армии я рисковал жизнью, спасая других, а сейчас сдамся при виде тарелок и простыней? Там я шёл на жертву ради своих сослуживцев, людей мирских. Так что же, сейчас я не могу пожертвовать собой ради своих духовных братьев – монахов?»

Позже преподобный старец вспоминал: «Сколько я тогда всего успевал, летая с одной работы на другую! Я делал что-то, чтобы было легче одному брату, потом спешил сделать что-то другое, чтобы было легче кому-то ещё... Это давало мне огромные силы и огромную радость».

Духовная тонкость и чуткость отца Аверкия побуждали его к изобретению таких способов помощи другим, при которых сам он мог оставаться незамеченным. Иногда по ночам он тайком чистил отхожие места в монастыре. Когда утром начинали выяснять, кто это сделал, отец Аверкий называл имя одного брата, который уклонялся от послушаний и за это часто получал выговоры от членов Духовного собора. Этот брат, удивляясь, что его хвалят за дела, которых он не делал, задумался, что ему придётся за всё держать перед Богом ответ, и по любочестию решил впредь делать больше, чем было ему назначено рамками послушания.

А ещё отец Аверкий взял на себя заботу о двух храмиках, находившихся за монастырём. Они были дальше всех остальных, но он ходил туда каждый день, зажигал лампадки, поддерживал там чистоту и готовил всё необходимое для совершения Божественной Литургии. Отец Аверкий с детства отличался трепетным отношением к святыне, а также врождённым благоговением, унаследованным им от матери. Однако произошло событие, после которого он уже не мог приближаться ко святому алтарю без страха и трепета. На одном всеобщем бдении он помогал пономарю. Когда служащий иеромонах, совершая проскомидию, произнёс слова: «Яко овчá на заколѣние ведѣся», отец Аверкий услышал с жертвенника звук, похожий на блеяние, а когда священник сказал: «Жрѣтся Агнец Божий», со святого диска донеслись звуки, похожие на то, как бьётся ягнёнок во время заклания. Как преподобный старец вспоминал позже, это событие привело его в трепет и изумление.

Монастырские иеромонахи, идя служить Литургию в малые церковки в братских корпусах, башне или за стенами обители, просили отца Аверкия быть певчим, и он с радостью шёл с ними. Особенно он был рад, когда его брал с собой на Литургию благоговейнейший эсфигменский иеромонах Савва, ¹²⁹ который весьма преуспел духовно, достигнув состояния внутреннего безмолвия и непрестанной молитвы. Хотя отец Савва был серьёзно нездоров и страдал от сильных болей, он всегда был радостен и постоянно повторял: «Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, Боже!» Когда отец Аверкий спрашивал его: «Как ваше здоровье, батюшка?» – тот отвечал: «Слава Богу, очень хорошо. По сравнению со святыми мучениками, мои страдания равны нулю. А по сравнению с преподобными отцами, нулю равна вся моя жизнь в монашестве».

¹²⁸ Средиземноморские рыбаки бьют свежепойманного осьминога о пирс или о камни, чтобы очистить его от жидкости чернильной железы и сделать мясо более мягким.

¹²⁹ См. *Старец Паисий Святогорец*. Отцы-святогорцы и святогорские истории. С. 99–100.

С отцом Саввой поддерживал особые духовные отношения благоговейный русский духовник, иеромонах Тихон,¹³⁰ подвизавшийся в одной из уединённых келий на Капсале.¹³¹ Время от времени отца Тихона приглашали в Эсфигмен исповедовать братию.¹³² Познакомившись с отцом Тихоном, отец Аверкий настолько проникся его неземным духовным состоянием, что спросил, можно ли иногда обращаться к нему за духовным советом. Но отец Тихон отказался: «Нет, брат, нельзя. За духовными советами тебе надо обращаться к игумену. Общежительным монахом должен духовно руководить старец, который сам живёт и подвизается в общежитии».

¹³⁰ См. *Старец Паисий Святогорец*. Отцы-святогорцы и святогорские истории. С. 13–39.

¹³¹ *Капсала* – один из наиболее безмолвных районов Святой Афонской горы, лесистая, гористая местность недалеко от Кариев, административного центра Афона.

¹³² Духовником братии в святогорских общежительных монастырях всегда является игумен обители. Тем не менее во многих общежитиях есть традиция приглашать несколько раз в год духовника извне, чтобы у братии была возможность исповедовать, например, помыслы против игумена или какие-то ещё щепетильные духовные вопросы.

Послушание до крови

В начале лета 1954 года исполнился год пребывания отца Аверкия в Эсфигмене. Сутками напролёт он то молился в келье, то был на богослужениях в храме, то трудился на разных послушаниях, почти не отдыхая. Целыми днями работая в столярной мастерской, он вечерами носил воду в монастырскую больницу, а потом шёл помогать в архондарик. Там накрывали ужин приезжим иностранцам, но те не торопились его закончить. «Мы, – говорили они, – у себя дома привыкли садиться ужинать не раньше десяти вечера». Поэтому отец Аверкий приходил к себе в келью перед полуночью.

В келье он на четверть часа ложился на койку и клал ноги на её спинку, чтобы они отдохнули от постоянной нагрузки. Потом он снова поднимался, вставал босыми ногами в таз с холодной водой (чтобы не уснуть) и начинал чётки келейного правила с малыми поклонами. Когда он заканчивал келейное правило, начинали звонить к полунощнице. Обычно у отца Аверкия оставалось полчаса-час, чтобы прилечь и поспать. К началу полунощницы он уже стоял в храме, а после окончания Литургии сразу шёл на послушание в столярку. В таком режиме день сменял ночь, за ночью же начинался новый тяжёлый день.

Однажды на утрени отец Аверкий ушёл из храма после шестопсалмия и пошёл в пекарню, потому что накануне вечером ему сказали, что ночью надо месить хлеб. В одиночку просеяв и замесив много муки, он позвал братию формовать хлеба, а когда братия вернулась на службу, один сажал эти хлеба в печь и доставал из неё. Когда он закончил в пекарне, было уже утро, и экононом послал его в монастырский огород собирать бобы. После огорода его отправили на хозяйственный двор за монастырём – тесать кипарисовые брёвна. Вот на этих-то самых брёвнах у него хлынула горлом кровь. В глазах помутилось, он потерял сознание. Слава Богу, что мимо хоздвора проходил один мирянин, который привёл отца Аверкия в чувство и помог ему дойти до монастыря.

Братия, увидев, в каком состоянии находится отец Аверкий, советовали ему лечь в монастырскую больницу, но он по духовной деликатности не хотел обременять больничара и пошёл к себе в келью. На следующее утро он, как обычно, был в храме и читал полунощницу. После службы старец Исидор чуть ли не за рукав тянул его в столярку и кричал: «Ты тут ещё и больным решил притворяться, чтобы не работать?» Однако ночью у отца Аверкия ещё трижды шла горлом кровь, он еле стоял на ногах. Игумен благословил срочно положить его в монастырскую больницу. Но и там кровотечения из горла продолжались. Отцы испугались, что у него началась чахотка, и отвезли его в Салоники на рентген грудной клетки. Врачи ужаснулись, увидев, что рёбра у него «торчат в разные стороны», как прутья у смятой корзины. «Перед вами великолепный образчик "поста, бдения и молитвы", коллеги», – сказал рентгенолог. Врачи прописали отцу Аверкию два месяца постельного режима.

Он вернулся в Эсфигмен, и его положили в монастырскую больницу. Там отец Аверкий страдал не столько от болезни, сколько от своей «тонкокожести». Он очень переживал, что ему прислуживал монах, годившийся ему по возрасту в отцы и даже в дедушки.

– Для чего я пришёл в монастырь? – со слезами на глазах спрашивал отец Аверкий. – Чтобы служить другим или чтобы другие служили мне?

– Ну что же ты так убиваешься? – успокаивал его старец Дорофей. – Бог попустил это, чтобы ты поупражнялся в смирении. Лёжа в больнице, тоже можно помогать братии. Молись за них по чёткам, чтобы Бог подавал им силу.

Однако лежать и молиться не удавалось: в больницу приходил старец Исидор и начинал кричать на отца Аверкия: «Да ты здоров, как лошадь! Быстро пошли со мной, надо с горной делянки брёвна возить!» – «Буди благословенно», – отвечал отец Аверкий, не желая расстраивать старца Исидора, поднимался и шёл вместе с ним.

Они поднимались в гору, но как только отец Аверкий нагибался, чтобы спилить сучья на бревне, у него опять начинала идти горлом кровь. Он был вынужден садиться.

– Чего расселся-то? – кричал отец Исидор. – Вставай и работай!

– Сейчас-сейчас, только вот кровь маленько перестанет, – отвечал отец Аверкий.

– Да, теперь так ты и будешь жить, – пускался в рассуждения отец Исидор. – То пойдёт кровь, то не пойдёт кровь, то перестанет, то не перестанет... Придётся помучиться, пока не помрёшь.

Наступила поздняя осень – время сбора оливок. Отец Аверкий ещё «лежал» в монастырской больнице. Однажды туда зашёл игумен и спросил его:

– Ты в состоянии пойти собирать оливки?

– Вашими молитвами я совсем здоров, – ответил отец Аверкий. На рассвете он пошёл в оливковые рощи, которые находились на значительном расстоянии от монастыря.

Когда он дошёл, трудившиеся там братья сказали, что в масляном прессе сломалась большая винтовая ручка, и спросили, сможет ли он вернуться в монастырь и сделать в мастерской новую. «Буди благословенно», – ответил отец Аверкий и вернулся в монастырь. Придя в мастерскую, он выбрал под ручку подходящий обрезок дубового бревна со множеством сучьев, взял рубанок и приготовился работать. В эту минуту в столярку зашёл игумен и спросил отца Аверкия повышенным тоном:

– Вся братия оливки собирает! А ты что здесь прохлаждаешься?

– Меня прислали сделать деталь для пресса, – ответил отец Аверкий.

– Не тяни, сынок, не тяни! – сказал игумен. – Сделал деталь и бегом помогать братии на оливки.

Сделать большую и сложную винтовую ручку, тем более из древесины дуба, было делом нелёгким и небыстрым, быстрее, чем за три дня работы, успеть было невозможно. Но об этом отец Аверкий игумену не сказал. «Кто знает, – подумал он, – насколько голова геронды перегружена заботами по управлению монастырём... Обо всём же невозможно помнить». К вечеру того же дня новая ручка для пресса была готова. А отец Аверкий, выжатый до последней капли сил, неделю не мог даже встать с больничной койки.

Через неделю, подняв с койки голову и выглянув в окно монастырской больницы, он увидел, как монастырский привратник «воюет» с большим пнём, безуспешно пытаясь расколоть его топором. Привратник был пожилым и больным монахом, измученным постоянными кровотечениями. Он был настолько истощён, что спал, даже не снимая ботинок – не было сил развязывать и завязывать шнурки. Забыв о своей болезни, отец Аверкий побежал вниз, взял у старого брата топор. Помучившись, он расколол злосчастный пень. Кровь из горла снова полилась ручьём.

Старший в столярной мастерской

Когда отцу Аверкию стало немного полегче, игумен назначил его старшим в столярной мастерской. Старец Исидор к тому времени стал совсем уже плохо видеть и перестал даже попадать молотком по шляпке гвоздя. Когда отец Аверкий стал старшим столяром, братия потянулась к нему с просьбами и заказами. Одному была нужна скамеечка, другому – полочка, третьему – что-то ещё. Арсений никому не отказывал и быстро делал то, о чём его просили. Однако, узнав об этом, игумен его отругал: «Делать в общежительном монастыре вещи без благословения, чтобы показать всем, какой ты якобы добренький, – это своеволие! Только в идиоритмических монастырях так живут! Чтобы ни один монах к тебе не подходил ни с одной просьбой без моего благословения!»

Став старшим в столярной мастерской, отец Аверкий выполнял своё послушание, руководствуясь духовной свободой. Например, вечером в монастыре должны были служить всенощное бдение. С утра до самого начала бдения отец Аверкий работал в мастерской, даже без перерыва. Но на следующий день, храня полученное на бдении доброе духовное состояние, он мог вообще не ходить в мастерскую. Он не выходил из кельи и занимался деланием духовным: чтением Евангелия и святых отцов, молитвой по чёткам и поклонами. Если доброе состояние продолжалось, он мог не ходить в столярку ещё один или даже два, три дня. То есть всё зависело от его духовного состояния: бывали такие дни, когда он не выходил из мастерской по пятнадцать часов подряд, а бывали такие, когда по три дня подряд духовно работал в келье.

Монастырь Эсфигмен вообще отличался такого рода духовной свободой. Каждый из братьев любил обитель как свой родной дом, любил своё послушание, любил своё монашеское правило. В соответствии со своим духовным состоянием каждый брат с любочестием, максимально лучшим образом сам распределял время на послушание и на духовную работу над собой. Например, монастырский пекарь каждую субботу должен был отвозить в трапезную определённое количество готовых хлебов. При этом он самостоятельно решал, когда просеивать муку и когда месить тесто. И если, например, ночью на него обрушивалась брань помыслов, он мог спуститься в пекарню, взять сито и до самой службы в храме просеивать муку. «Так, – рассказывал преподобный позже, – брат тряс ночью ситом: и послушание своё выполнял, и помыслам не давал себя сотрясать».

Преподобный Паисий, на собственном опыте пережив пользу такого рода духовной свободы, советовал настоятелям общежительных монастырей возвращать в обителях этот дух. Он говорил, что духовная свобода помогает монаху в его преуспении: «Монах должен вести себя свободно. Эта свобода означает не своеволие, а то, что он с максимальной пользой использует своё время; использует любую возможность полностью отдать себя как работе на послушаниях, так и духовному деланию. Однако для того, чтобы такой дух жил в обители, необходимо возделывать послушание, любочестие, духовное благородство. Сердечный парус должен наполниться духом жертвенности, монах должен полюбить монастырь сильнее, чем родительский дом. Если этого нет, то дух свободы может превратиться в «душок» лени и расхлябанности. Я хочу сказать, что свобода – дело очень хорошее, но только в паре с любочестием. Если любочестия нет, то свобода опасна. Когда я жил в общежительном монастыре, то радостно умирал как на работах по послушанию, так и на духовном делании в келье».

Подвижнический путь в общежитии

Жизнь отца Аверкия всегда строилась по священной святоотеческой формуле: «Даждь кровь и приими дух».¹³³ Пламя божественной ревности, пылавшее в нём с детских лет, в монастыре разгоралось сильнее и сильнее. Этот огонь побуждал отца Аверкия с большим осознанием того, что он делает, продолжать подвизаться по своему личному аскетическому уставу, тремя основными составляющими которого были пост, бдение и молитва.

Спал он по два-три часа в сутки. Но и для столь короткого отдыха ложился не на койку, а на цементный пол кельи. «В армии мы спали на снегу, – думал отец Аверкий. – Сюда я пришёл для жизни монашеской. Правда, в келье нет снега, чтобы на нём поспать. Зато здесь есть цементный пол!» Когда отец Аверкий заболел, он взял благословение и перешёл в другую келью, пол которой был покрыт необожжёнными глиняными кирпичами. Сравнивая потом цементный пол с кирпичным, преподобный старец говорил: «Надо признать, что кирпичи относятся к человеку более гуманно».

Монастырь Эсфигмен построен прямо на берегу, и часто морские волны били прямо в фундамент монастыря. От сильной сырости грибок и плесень чуть ли не гроздьями свисали со стен братских келий. Поэтому зимой отец Аверкий ставил в своей келье некое подобие палатки из толстого шерстяного одеяла и для недолгого сна залезал внутрь. Вместо подушки у него был пенёк с углублением, чтобы не скользила голова. «С 1953 года вместо подушки я подкладываю пенёк, – рассказывал преподобный впоследствии. – И знаете, сколько понадобилось пеньков, чтобы сделать из пенька – человека?»

Подвизался он и в отношении пищи. Вне трапезы никогда ничего не ел. В постные дни, когда в монастыре всего одна трапеза (в три часа пополудни), игумен благословлял братию при необходимости подкрепляться в кельях каким-нибудь сухарём. Но отец Аверкий никогда не ел в келье ничего до общей трапезы. Да и на трапезе он из общей кастрюли накладывал себе в миску совсем чуть-чуть. А если еда была уже разложена по тарелкам, он до начала трапезы откладывал в чистую миску большую часть, притворяясь, что не может съесть такую «огромную» порцию. Когда ему казалось, что пища выглядит вкусной, он добавлял себе в миску воды, чтобы «разбавить вкусноту». Всё это отец Аверкий старался делать так, чтобы никто из слабых здоровьем братьев не заметил его воздержания, не стал ему подражать и не заболел. Однако игумен, зная о его подвиге, часто помогал ему, назначая чтецом во время трапезы. После того, как вся братия ела и уходила, отец Аверкий мог поесть один, сколько считал нужным, или даже не есть вообще. Так, однажды он полностью воздерживался от пищи в течении пятнадцати дней. После такого воздержания у него на несколько дней пропал голос.

Когда наступил следующий Великий пост после болезни отца Аверкия, у него снова начала идти горлом кровь. Тогда игумен дал ему благословение взять в келью небольшой примус и после службы заваривать и пить шалфеевый чай. Примус отцу Аверкию удалось найти с огромным трудом. Во время этих поисков он убедился, что ни у кого из братии примуса в келье не было. Заварив пару-тройку раз шалфей в консервной банке, отец Аверкий вернул примус на монастырский склад, а банку выкинул. «Ни у одного из отцов такой роскоши нет, – подумал он. – Что же, я буду разрушать порядки общежития?»

В ту святую Четыредесятницу отец Аверкий совсем не принимал в расчёт своё здоровье. Он «натянул тетиву»¹³⁴ своей аскезы с такой силой, что она звенела от напряжения и

¹³³ См.: Достопамятные сказания. Об авве Лонгине, п. 4; также *Авва Дорофей, прп.* Душеполезные поучения. Поучение десятое. С. 152.

¹³⁴ См. Достопамятные сказания. Об авве Антонии, п. 13.

готова была лопнуть. Он был настолько истощён, что, когда поднимался в гору за древесиной, у него подкашивались ноги и он падал на землю. Отец Аверкий просил Бога помочь ему встать, чтобы никто из мирян, увидев его, не начал смеяться: «Погляди, что эти монахи вытворяют! Так перепостились, что аж на землю валяются». Аскеза отца Аверкия переживалась им как ежедневный мученический подвиг. Но Бог подавал ему укрепление. В ночь на четверг перед Лазаревой субботой он, как обычно, стоял в келье и молился. Внезапно его осиял некий Свет. Сердце его преисполнилось сладостью и божественным радованием. Глаза превратились в два изобильных источника слёз. Сладкий плач этот продолжался около получаса. Впервые в жизни отец Аверкий пережил посещение Божественной благодати в столь сильной мере. Это посещение благодати, эти божественные полчаса укрепили отца Аверкия настолько, что питали его духовно около десяти лет, пока в Синайской пустыне преподобный, как сам он потом рассказывал, не получил «иной опыт, в продолжение предыдущего».

В Эсфигменском монастыре преподобный отец впервые познакомился и с великим тайноводцем безмолвнической жизни, преподобным аввой Исааком Сирином. А произошло это так: его и ещё нескольких отцов послали на монастырский конак¹³⁵ в Кариес для каких-то работ. После работы отец Аверкий зашёл в одну из бакалейных лавок, чтобы купить селёдку. Бакалейщик завернул селёдку в лист, вырванный из журнала «Святогорская библиотека». Вернувшись на конак, отец Аверкий стал разворачивать рыбу, и взгляд его упал на промасленный листок с журнальным текстом. Это был отрывок из «Слов» преподобного Исаака Сирина.¹³⁶ Отец Аверкий высушил листок на солнце и прочитал. Как сам он потом рассказывал, прочитанное «сразило его наповал». Потом он читал и перечитывал этот небольшой текст в течение целого года. Спросив у отцов, кто такой святой Исаак, он узнал, что в монастырской библиотеке есть книга с творениями преподобного аввы. Но когда отец Арсений подошёл к библиотекарю, тот не дал ему авву Исаака. В те годы в монастыре Эсфигмен для того, чтобы решить, можно или нельзя давать «Аскетические творения» преподобного Исаака новонаначальному монаху, должен был собраться Духовный собор. И обычно решение Собора по такому вопросу было отрицательным. Игумен и соборные старцы боялись, что, читая преподобного Исаака, новонаначальный может впасть в прелесть и, не будучи к тому готовым, возжелать пустынного жития. Хотя, как писал об этом позже сам преподобный Паисий, «авва Исаак не советует ученикам начальной школы поступать сразу в университет, и не только начальной – средней тоже».¹³⁷

¹³⁵ *Кона́к* – подворье афонского монастыря в Кариес или Дафни, где оно обычно представляет собой отдельную келью с храмом, или вне Афона (в Салониках или Афинах), где часто афонский конак – просто квартира в жилом многоэтажном доме.

¹³⁶ Возможно, это был выпуск № 190–191 журнала «Святогорская библиотека» за июнь-июль 1952 года, в котором опубликованы следующие фрагменты из 58-го слова преподобного Исаака: «Кто истинно смиренномудр, тот, будучи обижен, не возмущается и не говорит ничего в свою защиту о том, в чём он обижен, но принимает клеветы, как истину и не старается уверять людей, что он оклеветан, но просит прощения. Ибо иные добровольно навлекали на себя название непотребных, не будучи таковыми; другие же терпели именование прелюбодеев, будучи далёкими от прелюбодеев, и слезами свидетельствовали, что несут на себе плод греха, которого не делали, и с плачем просили у обидевших прощения в беззаконии, которого не совершали, когда душа их была увенчана всякою чистотою и непорочною. Иные же, чтобы не прославляли их за превосходные правила жизни, соблюдаемые ими в тайне, представлялись в образе юродивых, быв растворены божественною солию и непоколебимы в своей тишине, так что на высоте совершенства своего святых ангелов имели провозвестниками своих доблестей»; «Доброе делание и смиренномудрие делают человека богом на земле»; «Если не имеешь дел, не говори о добродетелях». – *Прим. греч. изд.*

¹³⁷ См. *Старец Паисий Святогорец*. Письма. С. 68.

Уход из монастыря

Бескомпромиссно живя в общежительном монастыре, отец Аверкий желал «получить высшее монашеское образование» и поступить в «университет пустыни». Не следует забывать, что в первый же день своего прихода в обитель он открыл своё желание игумену, и тот согласился принять его в Эсфигмен, пока он духовно не оперится и не сможет на собственных крылах перелететь к блаженной пустынноческой жизни. Как добрый послушник, отец Аверкий не переживал, что желание его откладывается. Он никуда не торопился, понимая, что десница Божия поместила его в общежительный монастырь как в школу духовного мужества и опыта. Здесь он подвизался, *духом горя, Господу работая, скорби терпя*.¹³⁸ Планов он никаких не строил, а давал Господу возможность включить его в Свой Божественный план и был готов оказать Ему послушание.

И вот однажды произошёл случай, который послужил поводом для его ухода из Эсфигмена. Отца Аверкия назначили старшим над бригадой рабочих, которым поручили снести часть старого здания на монастырской пристани. Рабочие трудились спустя рукава и говорили, что будут сносить лишь малую часть от того, что должны были. Отец Аверкий сказал об этом соборным старцам, и те велели заставить рабочих сделать всё как положено. Отец Аверкий вернулся на пристань, но рабочие заартачились. «Да я тебе в сороковой раз повторю, что мы вообще леса только вот досюда установили!..» – крикнул один из них и в сердцах стукнул кулаком по стене полуразрушенного здания. От удара в стене возникла дыра, и, ко всеобщему изумлению, оттуда посыпались золотые монеты. Рабочий начал лихорадочно распихивать их по своим карманам. «Видишь, как вышло? – сказал ему отец Аверкий. – Если бы ты был человек послушный, то я бы ушёл в столярку и не стоял у вас над душой. Может, весь клад тебе бы и достался. А сейчас оставляй всё как есть, и пойдём к игумену».

Когда игумен узнал о происшествии, он велел произвести розыск и попытаться узнать, кому принадлежит золото. Узнав об этом, некоторые из отцов стали возмущаться и говорить, что надо без шума и розысков забрать всё найденное золото в монастырь. Отца Аверкия эти отцы тоже пытались склонить на свою сторону. Но он был с ними не согласен. Это происшествие его чрезвычайно расстроило, а также стало поводом для того, что тлевший в нём уголёк желания пустынноческой жизни вспыхнул вдруг сильным пламенем. Ничто уже не могло его удержать. Он пошёл к игумену и попросил благословения немедленно уйти из монастыря. «От меня-то благословение есть, – сказал игумен. – Но сначала соберём Духовный собор. Как на Соборе решат, так оно и будет». – «Геронда! – взмолился отец Аверкий. – Все соборные старцы хотят, чтобы я остался! Кто из них даст мне благословение уйти? Хватит мне и того, что вы меня благословляете».

Итак, с благословения игумена отец Аверкий в тот же самый день ушёл из монастыря. Куда? Он и сам этого не знал. Он хотел пойти на Капсалу, к русскому старцу Тихону. Но иеромонах Савва попросил его этого не делать, чтобы соборные старцы не подумали, будто бы он попросил старца Тихона принять отца Аверкия.

Когда отец Аверкий вышел в неизвестность из монастырских ворот, с неба повалил снег с дождём. Шагал он всю ночь. Ботинки и одежда стали насквозь мокрыми, камилавка от дождя линяла, и по лицу стекали чёрные струйки. Изо рта шла кровь. На рассвете отец Аверкий увидел впереди монастырь. Это был Ватопед, который отстоял от Эсфигмена в трёх часах пешего пути. Отец Аверкий шёл до него всю ночь. Не заходя в Ватопед, он пошёл в сторону Кариес и к вечеру добрёл до монастыря Кутлумуш. Там он нашёл одного монаха, который какое-то время назад недолго жил в Эсфигмене, и спросил его, есть ли в округе

¹³⁸ См. Рим. 12:11–12.

опытные духовники. Этот монах посоветовал сходить к иеромонаху Кириллу в Кутлумушский скит святого великомученика Пантелеимона. Отец Аверкий услышал имя духовника с радостью и облегчением, потому что несколько лет назад, в первое посещение Святой Афонской Горы, познакомился с отцом Кириллом на корабле и с тех пор помнил, насколько сильное впечатление произвёл на него старец.

Он пошёл к отцу Кириллу, желая стать его послушником и остаться у него жить. Отец Кирилл принял его, но уже через месяц антипрóсоп¹³⁹ монастыря Эсфигмен, узнав, куда ушёл отец Аверкий, пришёл в келью старца Кирилла и закатил там большой скандал. Он говорил, что отец Аверкий якобы ушёл из монастыря без благословения (хотя это было неправдой – он взял на уход благословение игумена). Тогда рассудительный отец Кирилл сказал отцу Аверкию: «Сынок, эсфигменский антипросоп нас с тобой в покое не оставит. Вернись в Эсфигмен и скажи, что ты хочешь перейти в идиоритмический монастырь. Нет ли у тебя в какой-нибудь идиоритмической обители знакомого соборного старца?» Отец Аверкий ответил, что один из его родственников – отец Симеон – иеромонах в Филофее. Старец Кирилл посоветовал ему пожить какое-то время там. «В идиоритмическом монастыре, – сказал он, – ты будешь жить аскетично и тихо. А я буду за тобой духовно приглядывать и помогать тебе». Так отец Аверкий вернулся в Эсфигмен, прожил там ещё около месяца, после чего ему дали благословение перейти в идиоритмический монастырь Филофей.

Незадолго до кончины преподобный Паисий сказал: «Вот что я понял: если монах подвизается правильно, то он может достичь того, к чему стремится его душа, при любой форме монашеской жизни, будь то общежитие, идиоритм или пустынная калива. Если общежительный монах будет максимально использовать те духовные возможности, которые даются ему в общежитии, то для преуспевания этого будет достаточно».

¹³⁹ *Антипрóсоп* – один из двадцати монахов, входящих в состав Священного Кинóта (верховного органа самоуправления Святой Горы).

Глава VI. В священной обители Филофей

Монастырь Филофей (архив издательства «Милитос»).

В идиоритмическом монастыре

Отец Аверкий пришёл в монастырь Филофей с ревностью к ещё большим духовным подвигам, чем раньше. В Филофее, как и во всех идиоритмических монастырях, должности игумена не было. Управление монастырём осуществлялось сообща соборными старцами. Каждый из соборных старцев брал несколько послушников, которые жили рядом с ним, в смежных кельях. Он следил за их духовной жизнью и был их восприемником при постриге. Придя в Филофей, отец Аверкий попросился в послушники к отцу Симеону. Но все послушнические кельи рядом с отцом Симеоном оказались заняты. Поэтому отца Аверкия взял в послушники старец Спиридон, келарь¹⁴⁰ монастыря. Однако для духовного руководства отец Аверкий ходил в Кутлумушский скит, к иеромонаху Кириллу. Сей преподобный старец часто получал от Бога извещение не только о том, что вскоре к нему придёт отец Аверкий, но и о том, какой конкретно духовный вопрос его беспокоит. Отец Аверкий приходил в скит, входил в келью духовника и только собирался о чём-то спросить, как старец Кирилл уже сам отвечал на его вопрос. Или же он давал отцу Аверкию открытую книгу, в которой было отмечено карандашом какое-то место, заключающее в себе ответ. Так отец Аверкий получал ответ, как из уст Божиих, клал перед старцем Кириллом поклон и уходил, получив духовную пользу.

На второй день своего пребывания в Филофее отец Аверкий ради духовной пользы пошёл посетить очень простого и смиренного русского подвижника, старца Августина.¹⁴¹ Старец жил в принадлежавшей Филофее келье Введения во храм Пресвятой Богородицы. Отца Августина в келье не было, и отец Аверкий оставил на пороге немного продуктов для него. Он вернулся в обитель, стараясь, чтобы никто из отцов его не заметил и не начал про него думать, что, не успев прийти, он уже начал гулять по кельям и раздавать монастырские продукты. Однако уже на следующий день старец Августин сам пришёл в Филофей и начал спрашивать братию: «Где у вас живёт один монашек по имени Аверкий?» Отцы удивились, потому что сами ещё не успели как следует познакомиться с новым насельником. Они показали ему келью отца Аверкия. Как только тот открыл дверь, отец Августин положил перед ним земной поклон и с милым русским акцентом сказал: «Благословите! Спаси Господи за благословения,¹⁴² что ты мне принёс. В тот день, когда ты меня посещал, я в скит пророка Илии ходил, но тебя видел, видел». Скит святого пророка Илии отстоит от Введенской кельи в четырёх часах пешего пути, и увидеть на таком расстоянии телесными глазами никак нельзя, но возможно с помощью «духовного телевидения» – дара прозорливости, которым обладал старец Августин.

Первым послушанием отца Аверкия в новой обители была помощь старцу Спиридону в келарне. Каждое утро после Божественной Литургии они шли в келарню и раздавали братии продукты: хлеб, сыр, сардины, маслины. Отец Аверкий помогал носить и переставлять ящики с продуктами. Также он делал всё возможное, чтобы помочь братии. У него была сумка с основными столярными инструментами, и если его просили сделать какие-то столярные работы в монастыре или близлежащих кельях, он всегда с готовностью откликнулся.

Однажды, когда он пришёл для таких работ в филофейскую келью святого великомученика Георгия «Парисеон», старец кельи попросил, чтобы рядом с ним поработал и поучился столярному делу один молодой послушник. В то время этот послушник страдал от брани плотских помыслов. Поработав рядом с отцом Аверкием, он попросил своего старца:

– Геронда, можно мне поговорить с отцом Аверкием?

¹⁴⁰ Келарь – насельник обители, ответственный за приём, хранение и выдачу продуктов.

¹⁴¹ См. *Старец Паисий Святогорец*. Отцы-святогорцы и святогорские истории. С. 76–83.

¹⁴² Благословением иногда называют подарок – вещи и продукты.

– Поговори, поговори... – ответил старец. – Он ведь и сам молодой ещё человек, глядишь, и поможет тебе чем-то.

Всё время, пока послушник рассказывал отцу Аверкию о своём состоянии, тот слушал его, склонив голову. Когда послушник закончил, отец Аверкий взглянул на него и спросил:

– Стало полегче?

– Помощью Пресвятой Богородицы и святого великомученика Георгия, сейчас мне очень легко и хорошо, – ответил послушник.

– Одну вещь запомни, – сказал тогда отец Аверкий. – Сеет диавол – жнёт Христос. Все эти помыслы были посеяны в тебя лукавым, но пожал их Христос. – И в продолжение разговора отец Аверкий смиренно сказал о себе так: – Как вагоны тянутся за паровозом, так за мной тянутся мои грехи.

Когда работы закончились, старец в благодарность хотел дать отцу Аверкию в благословение немного яиц, но тот отказывался и говорил:

– Ладно тебе, отец Георгий! Выглядит так, как будто ты заплатить мне хочешь.

– Да не заплатить же, не заплатить! – расстраивался отец Георгий. – Просто в благословение дать! Неужели не возьмёшь ничего в благословение от святого великомученика?

Не желая расстраивать старца, отец Аверкий взял несколько яиц и немного фасоли из их огорода.

В Филофее отец Аверкий предал себя ещё большим аскетическим подвигам. Но насколько строг он был к себе, настолько нежно заботлив по отношению к другим. В июне 1956 года в монастыре ночевал один юноша. Утром он, ничего не поев, стал собираться, чтобы идти дальше. Вдруг к нему подошёл отец Аверкий и спросил: «Ну что же вы убегае-ете? Даже молочка не попили», – и дал ему кружку молока с сухарями. Подвижнический вид незнакомого монаха и это краткое общение произвели на юношу неизгладимое впечатление.

В те же дни в монастырь заехал один епископ из Иерусалимской Патриархии. Он набирал монахов, желающих жить и подвизаться в святых местах. Вся братия собралась в зале для приёмов, и епископ начал спрашивать, не готов ли кто из них нести послушания на Святой Земле. Отец Аверкий уже был готов вызваться на это служение, но один соборный старец, который его очень любил, – отец Евдоким – удержал его, говоря:

– Ну куда тебя несёт? Поедешь на Святую Землю и помрёшь там.

– Этого-то я и хочу, – ответил отец Аверкий. – Поехать на Святую Землю и там помереть.

Болезнь. Коница

Очень сырой климат монастыря Филофей быстро сделал своё дело: отец Аверкий слёг в кровать с высокой температурой, и у него опять начались горловые кровотечения. Пригласили врача. Тот осмотрел больного и прописал трёхмесячный курс инъекций стрептомицина и сухой климат. Отец Симеон посоветовал отцу Аверкию ехать лечиться в Коницу.

Так, с благословения обители, отец Аверкий опять оказался у себя на родине. Он не стал заходить домой, но поселился в церковке святой Варвары. Там-то на него случайно и наткнулась благоговейная жительница Коницы Кёти (полное имя Эррикёти) Патера, которая знала его ещё ребёнком. Вначале она его даже не узнала: он был совсем исхудавшим, словно преподобный монах с древней фрески. Потом он объяснил ей, что находится в Конице на лечении, но в родительском доме жить не может, поскольку монахи должны хранить обет уклонения от мира. Кети предложила Арсению пожить в доме её старухи-матери, и тот согласился.

В этот дом приходила сестра отца Аверкия Христина и делала брату уколы. Но помимо сестры к отцу Аверкию стали приходиться многие жители Коницы. Они рассказали ему об одном протестанте, который в последнее время стал привлекать в свою секту много духовно не окрепших душ. Отец Аверкий хорошо знал, о ком идёт речь. Это был тот самый выходец из Фарас, которого они с Христиной десять лет назад приютили в Янине.¹⁴³ Тогда Арсений ещё сжёг много протестантских брошюрок, найденных у него в вещмешке. И вот сейчас некоторые из земляков стали упрашивать отца Аверкия остаться в Конице, чтобы разорить осиное гнездо, пока оно ещё не построено. Однако для отца Аверкия было невысказано оставаться жить в миру. Как только закончились три предписанных врачом месяца лечения, он вернулся в Филофей.

¹⁴³ См. стр. 65.

Мантийный монах Паисий

Вернувшись в обитель, отец Аверкий попросил у Духовного собора благословение быть «общим братом». Так в идиоритмических монастырях называли монахов, которые не были послушниками ни одного из соборных старцев обители. Такое благословение ему дали, и он стал жить не рядом с отцом Спиридоном, а в одной из самых дальних и уединённых келий в братском корпусе. Хотя в монастыре он прожил совсем недолго, соборные старцы хотели постричь его в великую схиму. Отец Аверкий снова начал отказываться. Ведь он собирался подвизаться в пустыне и не желал привязывать себя обетами к обители пострига. Когда он спросил, что ему делать, у своего духовного отца, старца Кирилла, тот посоветовал ему согласиться принять постриг в малую схиму.

И вот 3 марта 1957 года инок Аверкий был пострижен в мантию с именем Паисий. Восприемником при постриге стал благоговейнейший старец Савва. Старец Савва воспринимал при постриге всех «общих» братьев. Он прожил в обители пятьдесят лет, и хотя ему много раз предлагали стать соборным старцем, всегда отказывался, не желая, чтобы заботы по управлению монастырём мешали ему в духовном делании.

Имя «Паисий» при постриге предложил старец Симеон. Будучи родом из Фарас, он расстраивался, что отец Аверкий уже не носит имя преподобного отца Арсения (Хаджефенди). Поэтому отец Симеон и попросил старца Савву дать молодому монаху имя отважного епископа из Фарас Паисия II.¹⁴⁴ Излишне и говорить о том, что для самого отца Паисия значение имело не имя, а духовный подвиг, который предстоял ему как мантийному монаху. Через несколько дней после пострига он написал в одном письме: «Вот, я восприял и более тяжкое бремя. Но уповаю, что силою сладчайшего нашего Жениха Христа донесу тяжёлый крест до самой Голгофы». Вскоре он послал своей матери фотографию, на обороте которой написал прощальное письмо в виде стихотворения:

Родная матушка моя, поклон тебе от сына.
В монахи ныне уходя от суетного мира,
Лицом к обманщику-врагу, один в глухой пустыне,
Всем из любви к Царю Христу он жертвует отныне.

Мирская сладость, красота мне чужда и несладка,
В любви Спасителя Христа всё сердце без остатка.
Иду тернистою тропой, путём Христовым крестным,
Молясь, чтоб встретиться с тобой во Царствии Небесном.

Твоей любви живая связь, но, к жизни вечной Слову
Умом и сердцем устремясь, я режу по живому —
По плоти наших кровных уз – и размыкаю звенья,
И сбрасываю ветхий груз земного тяготенья.

Моя отныне будет Мать – Мария, Матерь Бога,
Своим Покровом охранять от вражьего прилога.
В глухой пустыне буду жить, Царя Христа желая

¹⁴⁴ *Паисий II, митрополит Кесарийский* – уроженец селения Фарасы в Каппадокии. Учился в духовной школе при монастыре Честного Предтечи в Флавианах, а затем в Константинополе, где был рукоположен во диакона и священника. В 1832 г. был рукоположен в митрополита Кесарийского. Бесстрашно защищал перед султаном интересы православных. См. о нём также: *Паисий Святогорец, прп.* Слова. Том II. Духовное пробуждение. М.: Орфограф, 2015. С. 240–242.

О мире мира умолишь и о тебе, родная.

Пост, бдение, молитва

Отец Паисий был образцовым монахом. «Вот – хороший монах», – говорил о нём старец Евдоким. На службах отец Паисий обычно стоял в притворе, в одной из стасидий у западной стены. Всё его внимание было сконцентрировано внутри. Вечером, после заката, когда ворота монастыря запирались, отец Паисий тоже закрывался в своей келье и один, молясь по чёткам и делая поклоны, совершал всенощное бдение. Продолжалось оно пять-семь часов. Бледное, почти белое лицо отца Паисия свидетельствовало о том, что спал он совсем мало. На его коленях и костяшках пальцев рук появились грубые мозоли от многих поклонов.

Его ежедневным чтением, пищей и наслаждением была книга святого аввы Исаака Сирина. Каждый день он читал из этой книги небольшой отрывок, который потом постоянно держал в уме и старался применить на деле. Если применить на деле прочитанное не получалось, то дальше книгу он не читал. Сам он называл аскетические творения святого аввы Исаака «целой святоотеческой библиотекой». Так, медленно, со вниманием и исполнением прочитанного на практике, отец Паисий постигал эту книгу. Чтение затянулось на целых семь лет. Кроме того, он продолжал выписывать отрывки и из других святоотеческих книг, как делал это раньше, в Эсфигмене.

Свободный порядок идиоритмического монастыря давал отцу Паисию возможность совершать большие подвиги и строго воздерживаться – и при этом оставаться незаметным. Живя в смежной келье с отцом Спиридоном, он по многу дней подряд ел одно и то же: например, рис, картофель или бобовые, – чтобы «утомить» свой вкус каждым видом пищи и научиться есть любую еду без пристрастия и аппетита. Потом, когда он стал жить в отдельной келье, его ежедневной пищей стала фасоль, в которую после варки вливалось немного разведённой в воде муки. Перед Божественным Причащением отец Паисий всегда три дня полностью воздерживался от пищи и воды. В свою первую Страстную неделю в Филофее он тоже совсем ничего не ел. Только в Великую Пятницу выпил уксуса – по любви ко Христу Которому давали пить уксус, когда Он висел на Кресте. Но поскольку желудок отца Паисия уже несколько дней был пуст, а сам он – крайне истощён, выпитый уксус привёл к обмороку. Отцы начали приводить его в чувство, но он быстро пришёл в себя и продолжил абсолютное воздержание до самого Светлого дня Пасхи.

Успенский пост 1957 года отец Паисий разделил на две части совершенного воздержания. От начала поста до праздника Преображения он совсем ничего не ел. На Преображение ради духовной радости праздника немного поел, и опять ничего не вкушал до самого Успения. В день Успения, сразу после отпуста Божественной Литургии, один соборный старец велел ему отнести письмо в Иверский монастырь, где совершался торжественный престольный праздник. Затем старец велел ему дожидаться на иверской пристани одного пожилого паломника, который должен был приплыть на кораблике из Иериссоса, и уже вместе с ним вернуться в Филофей.

Отец Паисий тут же пошёл в Иви́рон,¹⁴⁵ не взяв с собой даже сухарей. Часа за полтора он спустился к Ивиرونу, отдал письмо и пошёл на пристань ждать паломника. Кораблик задерживался. Где-то к полудню у отца Паисия начала сильно кружиться голова. «Отойду-ка я куда-нибудь в сторонку, – подумал он, – чтобы никто меня не увидел и не начал спрашивать, что да как». Недалеко от пристани были сложены горы брёвен, ожидающих погрузки на корабль, – из них в миру делали телеграфные столбы. Отец Паисий спрятался среди этих брёвен. У него появился помысел помолиться по чёткам Пресвятой Богородице и

¹⁴⁵ *Иви́рон* – краткое именование Иверского монастыря на Афоне.

попросить Её послать ему немного еды. Однако он тут же прогнал этот помысел, словно он был богохульным. «Окаянный!.. – сказал он себе. – Будешь такими пустяками Матерь Божию беспокоить?» Не успел он «включить в работу» этот смиренный и любочестный помысел, как перед ним появился монах, который держал в руках круглый монастырский хлеб, две смоквы и большую гроздь винограда. Он протянул всё это отцу Паисию со словами: «Возьми это во славу Госпожи Богородицы». От этих слов, как вспоминал позже сам преподобный старец, он «рассыпался в прах». Слезы благодарности за скорое и тёплое предстательство Богоматери долго катились из его глаз.

Пришло Рождество 1957 года.¹⁴⁶ На праздник иеромонах Симеон сказал одному из своих послушников: «Пойди, позови отца Паисия. Пусть поест с нами немного супа, а то смотреть больно, как его ветром шатает». А отец Паисий как раз перед Рождеством неделю промучился от высокой температуры и кровотечений из горла. Но приглашения на обед он не принял. «Спасибо, благословенная душа, – ответил он. – Только знаешь, я себе столько всего наготовил!..» Но брат прошёл в его келью и, приоткрыв крышку кастрюльки, увидел, «сколько всего наготовил» себе отец Паисий: как и всегда, это была горсть варёной фасоли с мучным клейстером. Оправдываясь перед братом, отец Паисий стал придумывать на ходу: «Представляешь, не могу есть ничего другого – сразу желудок схватывает. Так что, пока не приду в себя, придётся на фасоли посидеть». Но на самом деле эта аскетическая пища приносила отцу Паисию столько радости, сколько не мог дать даже стол, уставленный множеством вкусных и богатых яств.

¹⁴⁶ 25 декабря 1957 года по старому стилю, или 7 января 1958 года по новому стилю.

Брань искушений

Преподобный умножал свои подвиги, а лукавый – свои приражения. Искушения были настолько сильными, что однажды, услышав от кого-то, что благоговейнейший игумен монастыря Констанонит отец Филарет с печалью говорил: «Сегодня совсем не было искушений – видно, оставил нас Бог», отец Паисий не смог сдержаться и воскликнул: «Я готов с отцом Филаретом немного ими поделиться!..» Потом, когда начинались искушения, отец Паисий даже говорил лукавому так: «Если ты такой храбрец, то иди в Констанонит и поискушай отца Филарета. А меня, слабого, искушать не надо».

Был период, когда диавол приносил ему хульные помыслы, в том числе и во время молитвы. Отец Паисий тут же вставал и в очень беспокойном состоянии шёл к духовнику отцу Анфиму, который жил в Филофее, и с сокрушением исповедовал эти помыслы. Опытный отец Анфим советовал: «Не волнуйся. Эти помыслы не твои. Это помыслы дьявола. Если человек расстраивается из-за проходящих через его ум скверных помыслов против святости, это доказывает, что помыслы не его, а внушаются ему извне». Однако отец Паисий всё равно не мог успокоиться. Когда хульные помыслы приходили к нему во время богослужения в храме, он тут же шёл в соборный придел Честного Предтечи. Там он прикладывался к иконе Честного Предтечи Господня Иоанна и чувствовал благоухание. Приложившись, он возвращался в свою стасидию, и ему было легче. Когда хульные помыслы вновь возвращались, он снова шёл в Предтеченский придел, снова прикладывался к иконе, и она снова благоухала. Так продолжалось много раз.

Но однажды произошёл случай, из которого отец Паисий окончательно понял, что эти хульные помыслы – бесовская брань. Во время Божественной Литургии, на Трисвятом, он тихо подпевал певчим. Внезапно он увидел, как из дверей, ведущих в притвор, выходит некое страшное существо: огромная зверюга с песьей головой, а из пасти и глаз вырывается пламя. Существо это повернулось в сторону отца Паисия и сделало мерзкие оскорбительные жесты. Отец Паисий скосил глаза на стоявших рядом с ним братьев: но нет – кроме него, никто ничего не видел. Когда он исповедал происшедшее отцу Анфиму, тот сказал: «А, видел его теперь? Вот он и есть «автор» этих помыслов собственной персоной. Теперь успокоился?»

А однажды ночью искушитель напал на отца Паисия по-другому. Лёжа на койке, он почувствовал прямо у себя над ухом живое дыхание женщины. Содрогнувшись, он вскочил, зажёл керосиновую лампу и начал петь разные тропари и стихиры: это был лучший способ борьбы с таким искушением. Утром он пошёл и исповедовал случившееся отцу Симеону. «С аскезой, которую ты совершаешь, такому искушению оправдания нет, – сказал тот, выслушав исповедь. – Видимо, в тебе есть какая-то скрытая гордость. Поэтому давай так: какое-то время ты будешь каждый день приходить ко мне, а я буду давать тебе нормальную пищу». Отец Паисий смиренно принял сказанное отцом Симеоном и в течение месяца после этого искушения приносил ему продукты, а приготовленную еду забирал. Вглядевшись в себя повнимательней, отец Паисий понял, что действительно иногда помысел говорил ему, будто бы он что-то из себя представляет, будто бы совершает что-то немаловажное. «Скрытая гордость, – говорил преподобный старец позже, – это очень коварная вещь. Только искушённый и опытный человек способен её разоблачить. Однако если ты даёшь другим право делать тебе замечания, это очень помогает в такой борьбе».

Пчела цветника духовного

Сам отец Паисий от всех принимал замечания и у всех спрашивал совета. Заходивших в монастырь подвижников-келиотов он приглашал к себе в келью, оказывал им тёплый приём и просил у них духовного совета, да и не только у тех, кто заходил в монастырь. По всему Саду Пресвятой Богородицы¹⁴⁷ он, подобно трудолюбивой пчеле, искал благоуханные духовные цветы – добродетельных старцев. Он с благоговением собирал их духовный опыт и поучения, которые перерабатывал в мёд добродетели. Услышав, что где-то в других монастырях, в окрестных кельях, в удалённых местах (например, в скиту святой Анны, на Кавсокаливии, в Керасье¹⁴⁸) живут монахи-подвижники, он посещал их и записывал беседы с ними.

Общался он и с юродивыми ради Христа, например со старцем Дометнем, который жил в монастыре Филофей и притворялся бесноватым, и со старцем Елисеем из Вознесенской кельи. Юродивые, понимая, что отец Паисий судит не внешне, но духовно взвешивает то, что видит, доверяли ему и прекращали в разговорах с ним свои юродства. Общаюсь с этими тайными подвижниками, преподобный понял, насколько великая борьба необходима для того, чтобы скрывать своё духовное богатство и хранить его нерасхищенным.

Примерно раз в полгода в Филофей приходил старец Пётр¹⁴⁹ с Катунак. Он оставлял в монастыре своё рукоделье (он плёл чётки) и брал немного сухарей. Все звали его Петракисом,¹⁵⁰ поскольку он был очень маленького роста, совсем худенький, простой и искренний, как малое дитя. Но отец Паисий относился к старцу Петру с великим благоговением. «Я был знаком со многими подвижниками, – писал он позже. – Однако в старце Петре было что-то отличавшее его от других. Лицо его излучало некую божественную сладость».

Когда другие отцы подходили к старцу Петру и пытались получить от него какую-то духовную пользу, тот начинал стесняться и уходил от разговора. Однако с отцом Паисием у старца Петра выстроились особые духовные отношения. Ведь двух подвижников соединяло между собой духовное родство. Однажды с отцом Паисием произошло некое духовное событие, и он спросил о нём старца Петра, сомневаясь, от Бога оно было или от лукавого. Старец Пётр ответил, что от Бога, и добавил: «Отец Паисий, я постоянно переживаю такие божественные состояния. Когда меня посещает Божественная благодать, моё сердце сладко согревается от любви Божией, и некий дивный Свет освещает меня изнутри и совне, даже в тёмной келье моей становится светло. Когда такое происходит, я снимаю скуфью, сокрушённо склоняю голову долу и прошу Христа: "Христе мой, пронзи моё сердце копием Твоего сострадания". Тогда из глаз моих начинают литься сладкие слёзы благодарности, и я славословлю Бога. И чувствую тогда, как светится моё лицо. В такие часы, отче Паисие, всё останавливается, потому что я понимаю, что Христос совсем рядом со мной, и не могу уже ничего у Него просить, потому что молитва тоже останавливается. Даже чётки пальцами я перебирать не могу».

¹⁴⁷ *Садом Пресвятой Богородицы* именуется вся Святая Гора Афон.

¹⁴⁸ *Керасья* – принадлежащая Великой Лавре местность на южной оконечности Афонского полуострова, где расположены несколько келий.

¹⁴⁹ См. *Старец Паисий Святогорец. Отцы-святогорцы и святогорские истории*. С. 65–75.

¹⁵⁰ *Петра́кис* – уменьшительное от имени Пётр. На русский можно было бы перевести как Петя или Петруша.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.